

Гильдия

Ольга Голотвина

Знак Гильдии

«Автор»

2006

Голотвина О. В.

Знак Гильдии / О. В. Голотвина — «Автор», 2006 — (Гильдия)

Не так-то просто стать членом Гильдии Подгорных Охотников, странствующих меж мирами. Но, к всеобщему удивлению, самый прославленный из них, Шенги Совиная Лапа взял себе даже не одного ученика, а сразу троих. Знать бы ему заранее, в какие приключения втянут его эти трое! Расследование загадочного убийства и борьба с грозным демоном, война с призраками давно почивших магов и плен на пиратском корабле – вот лишь часть того, что придется пережить учителю по милости учеников. К тому же Шенги не подозревает, что у каждого из подростков есть тайна, которую тот скрывает от друзей и учителя.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Ольга Голотвина

Знак Гильдии

ПРОЛОГ

(275 год Железных Времен)

*О, как душа нага и беззащитна,
Каким объята трепетом, когда
В глухой ночи, где даже звезд не видно,
Крылом совы прошепестит беда!*
«Скитания Ульгира», Айташ Белое Облако из Рода Лейлок

Когда тебе девятнадцать лет, и у пояса меч, и на запястье браслет Гильдии... когдаловишь на себе восхищенные взгляды женщин и завистливые – мужчин... когда в трактире небрежно бросаешь на стол золотую монету, а трактирщик уважительно двигает ее обратно: нет-нет, парень, заведение угощает... когда напропалую врешь о местах, где сроду не бывал, и о приключениях, которые не приведи Безликие пережить на самом деле, а слушатели восторженно глядят тебе в рот... что ж, тогда временами начинает казаться, что ты правильно выбрал путь в жизни.

Но когда враждебная чужая ночь смешивает воедино ветер, мокрую листву и резкие крики неведомых тварей... когда при каждом шорохе меч сам прыгает в руку и мешает брести в сплетении корней, ветвей, гибких стеблей... когда обе луны скрылись за тучами, словно им противно глядеть, как ты вязнешь в древесной каше... когда снизу в любой миг может распахнуться воронка-ловушка, а сверху напасть что-нибудь крылатое и зубастое... вот тогда начинаешь прикидывать, сколько на свете ремесел, которые подходят тебе куда больше, чем ремесло Подгорного Охотника. Подался бы в ученики к сапожнику или портному – спал бы сейчас в тепле, в уюте, под крышей!

И все же нельзя, ни за что нельзя выдать усталость и тоску, потому что впереди идет девушка с пшеничной косой, короной уложенной вокруг головы. Ульнита! Стальная, как ее клинок! И сильная, как все у них в Силуране. Вот уж кто не ноет! Вот уж кто не падает духом! Вот уж кто ни на миг не усомнится в выбранном пути! Вот уж кто...

Ульнита, замедлив шаг, оборачивается:

– Иди первым, сил моих больше нет! Глаза б мои не глядели на этот Подгорный Мир, сожри его Бездна! И что я, дура, в поварихи не пошла? Целый день у горячей печи, да запахи такие вкусные!

Вопреки здравому смыслу становится легче. Расправляются плечи, ноющие от дорожного мешка, зорче смотрят в темноту усталые глаза, и ты снова мужчина, и защитник, и герой.

Но все-таки мелькает мыслишка: а вдруг силуранка прикинулась слабой, чтоб ты не падал духом?

Что-то гибкое падает на плечо, скользит по груди. Клинок ударяет раньше, чем успеваешь понять, что это было – щупальце пузыря-убийцы или безобидная мокрая лиана.

Так и учитель говорил: «Сначала бей, разберешься потом!»

Учитель, между прочим, говорил и другое: «Ночью по складкам бродят только хищники да идиоты».

Все правильно. Но что поделаешь, если они с Ульнитой сбились с пути и не могут найти безопасное место, чтобы приткнуться до рассвета?

Того и жди, что на пути возникнет белое расплывчатое пятно Голодного Тумана. Или в уши вкрадчиво польется голос Болотной Певицы, делающий движения замедленными, а мысли тяжелыми, ленивыми, пока не ляжешь на кочку и не уснешь навсегда. Или что-то неизвестное, предназначенное Хозяйкой Зла только для тебя, подкрадется сзади – неслышно, в одном ритме с твоими хлопаящими шагами... тронет шею ледяным дыханием...

Нет, так нельзя! Если всю дорогу вертеть головой, далеко не уйдешь. К тому же твою драгоценную спину прикрывает Ульнита. До чего ей, наверное, смешно глядеть на твои выкрутасы!..

О Безымянные, а ведь ей не до смеха! Застыла, словно статуя Звездной Девы. И поза такая же: рукой в небеса указывает. А что там интересного, в небесах-то? Тучи как тучи, разошлись немного, в разрыве луна видна...

Л-луна-а?!

Не гигантская, ярко-желтая, нависающая почти над головой. И не маленькая, красная, что бежит через небосвод, торопясь обогнать свою товарку. Нормальная серебристая лепешка с серым рисунком. Одна-единственная, без напарниц.

Это что ж выходит – вернулись домой?!

Ульнита села на поваленное дерево, закрыла руками лицо, раскачивается взад-вперед. Надо бы ее утешить, да у самого язык отнялся от горького стыда.

Пройти Врата – и не заметить! Не просто позор, а позорище! Если кто узнает, будут ржать все Подгорные Охотники от побережья до Рудного Кряжа! Распротакперетак, ухнуть в трясины да накрыться тиной! И зачем учителю вздумалось пять лет назад подобрать на улице воришку-неудачника? Пусть бы дурень, кошельки с чужих поясов сдергивал, раз ни на что путное не годен!

Ульнита уже овладела собой, поднялась на ноги.

– Запомни! – Голос звенит, подрагивает. – Этого не было! Никогда! Понял?

Не дожидаясь ответа, повернулась и пошла прочь. А что тут ответишь? И так ясно, что не было этого. Нигде, никогда и ни под каким видом. И все равно – сты-ы-ыдно!

Но все-таки, куда Подгорный Мир выбросил двоих недотеп?

Идти легче: песок, сосны и трава, подлеска почти нет. Тут бы переждать до утра, да как окликнешь Ульниту? Она, похоже, от злости и стыда забыла, как ее зовут!

А может, не окликать? Молча догнать, положить руки на плечи, стиснуть, повернуть к себе лицом, припасть губами к губам...

Ага, и получить по носу. Получал уже.

Стройная, прямая, руками не размахивает, голову держит высоко. Гордая, говорят люди.

Какое там «гордая»! Просто в учителя по уши влюблена!

Сейчас об этом думать легче. Ревность больше не превращает кровь в кипятки, не дурманит голову, не делает полным идиотом. С того дня, как учитель задал озлобленному на весь свет щенку очередную нахлобучку: мол, от тренировок увильнуть норовишь, по тавернам шляешься, а вот на Ульниту посмотри, как старается, умница! А щенок, растерявший от ревнивого отчаяния остатки мозгов, твякнул в ответ: оттого, дескать, и старается, что в тебя влюбилась!

Учитель тогда усмехнулся: «Разумеется, влюбилась. Это уж как водится! Любую Охотницу спроси, скажет, что девчонкой сохла по учителю. Какой-то закон природы, честное слово, и ничего тут не поделаешь. Если когда-нибудь, годы спустя, возьмешь ученицу, она в тебя влюбится. И уж тогда не будь сволочью! А у нашей Ульниты это пройдет, как у них у всех проходит!»

Хорошо глядеть на идущую вброд через лунный поток девушку и знать, что учитель не сволочь!..

Лунную реку пересекла громадная сова, метнулась прочь на бесшумных крыльях, ушла вверх, во тьму. Тут вздрогнешь! Не от страха, не от неожиданности даже, а от мелькнувшего воспоминания. Что-то приходилось слышать, мерзкое, опасное... связанное с совами...

Ульнита обернулась. Лицо встревоженное. Лево́й рукой коснулась пальцами груди, правой тронула губы. На языке жестов, который они придумали еще детьми, это означает: «Молчи. Я боюсь».

Ульнита редко пользуется этим жестом. Но раз уж ей страшно...

Учитель сказал: «У девочки острое чутье на опасность. Если она не решается перейти вброд безобидный ручеек, не сомневайся: там кишат пиявки-невидимки или в песок зарылся костогрыз!»

Здесь не Подгорный Мир. Но если Ульните страшно – это очень, очень серьезно!

Напарница продолжает говорить жеста́ми. Левая ладонь чертит в воздухе линию сверху вниз, растопыривает пальцы и тут же изгибается, изобразив волну. Понятно: обрыв, кусты, река.

И нет девушки. Сгинула. Растворилась. Умеет прятаться, ничего не скажешь. Умница. Самое правильное дело – залечь в кустах и оглядеться. Учитель говорил: «Не стыдись быть осторожным, даже если это выглядит смешным. Пусть лучше над тобой смеются, чем плачут».

А вокруг и впрямь происходит что-то не то. Лунный свет сгустился, стал тягучим, как мед, тяжело пульсирует в такт ударам крови в висках.

Нет, конечно, примерещилось, да хранят их с Ульнитой Безымянные!

А вот это... это уже не мерещится!

Чуть дальше кусты расступаются, открыв огромную поляну, на которой не растет ни травинки. Голая земля в лунном свете. А возле обрыва, над бормотанием и ворчанием невидимой реки, – большой серый камень, плоский, как стол. Он кажется единым целым с берегом, словно вырос тут, как ядовитый гриб. Словно сама земля с отвращением выдавила его из себя.

Вокруг камня медленно, беззвучно скользят молчаливые фигуры в темных плащах с низко надвинутыми капюшонами. Они не останавливаются ни на миг, но в движениях нет суеты, они напоминают неспешный чопорный танец.

Легкое прикосновение к плечу. Ульнита! Замерла, не подает никакого знака. Еще бы! Не придумали они жеста, который обозначал бы «Совиное капище»...

Эта мысль тут же исчезает: одна из фигур, не нарушая общего ритма движения, направляется к кустам. Тут уж замереть, вжаться в землю и «дышать вполголоса».

Загадочное существо нависает почти над головой. На него страшно глянуть: вдруг встретишься глазами? Взгляд прикован к посеребренной лунным светом земле, на которой черным силуэтом обозначилась четкая тень. Искривленная, искаженная. Ведь не может же, в самом деле, быть такое, что из-под капюшона вместо лица виден гигантский изогнутый клюв!

Или... может?

Острое, мучительное любопытство оказывается сильнее ужаса. Взгляд отрывается от земли, скользит вверх по темному плащу.

Храни нас Безымянные! Прямо перед глазами из складок ткани высовывается огромная птичья лапа. Черная, пятипалая, с шишковатыми суставами, а когтищи-то!

Жуткое создание, не обнаружив ничего подозрительного, медленно возвращается к алтарю. Страх сменяется омерзением. Ну и тварь! А ведь учитель рассказывал – теперь вспомнилось так четко! – что жрецы Совино́го Божества были прежде людьми, но их исковеркали чары Древней Совы. Вот уж не приведи боги! Хуже разве что смерть без погребального костра!

Быстрый взгляд на Ульниту: как она, держится? А эта железная силуранка приподнялась на локтях, во все глаза разглядывает серый жертвенник.

А ведь верно! Говорят же люди, что на камне, стоящем на грани двух миров, лежат магические амулеты, добытые Древней Совой в разных землях. Сила этих амулетов, орошаемых

человеческой кровью, дает демону возможность длить и длить свое проклятое существование, тлеющее, как угли погребального костра.

Амулеты – это очень, очень интересно! Хотелось бы знать: здесь всегда такие хороводы вокруг камешка водятся или иногда алтарь остается без охраны... ну, хотя бы с небольшой охраной?

И тут же будоражающая мысль о добыче сменяется тоскливым ужасом, все вокруг сливается в тяжелый кошмар, от которого так хочется проснуться.

Потому что на поляну вытаскивают человека.

Он не связан, пытается вырваться, но страшные лапы цепко и легко, словно не замечая сопротивления, волокут его к серому камню.

Почему он не кричит? Кляп во рту?

Отчего-то это кажется самым важным, невольно вглядываешься в лунный свет, из которого соткан этот ужас. Человек в чем-то темном, лицо кажется белым пятном, и не видно, завязан ли рот.

Жертву опрокидывают на алтарь. Существо в бесформенном балахоне вскидывает над несчастным лапу с крючковатыми когтями. Вскидывает – и опускает!

И тут же круг черных безмолвных фигур смыкается над беспомощной добычей. Тишина нарушается отвратительными звуками: то хлюпанье, то чмокание, то хруст кости, – но по-прежнему ни крика, ни стопа, ни мольбы о пощаде.

Ульнита дернулась вперед. Скорее схватить ее за плечи, навалиться всем телом, прижать к земле – не полезла бы, ненормальная, спасти!

Нет, сама все поняла: не отбивается, лежит тихо, только по лицу, которое теперь совсем близко, текут слезы.

А на страшной поляне разомкнулся черный круг. Алтарный камень пуст... а тело-то где? Должно же хоть что-то... Даже если сожрали (о боги, ну и мерзость!), то почему следов не осталось?

И еще... во время короткой борьбы с Ульнитой, когда оба на поляну не смотрели... показалось или нет, что над поляной прошелестели огромные тихие крылья.

– Сво-о-лочи! – из глубины души выдыхает Ульнита. Не произносит, а именно выдыхает. Почти беззвучно. Сам бы не услышал, если б не лежали щека к щеке.

А вот на поляне у жертвенника, похоже, услышали!

Ритм начавшегося вновь танца сломался, черные фигуры замерли. Головы в низко надвинутых капюшонах повернулись как раз туда, куда им лучше бы не оборачиваться.

Ой, погано! Пора уползать. Мешки бросаем (Ульнита, умница, от своего уже освободилась). Жаль добычи, но свою шкуру, до боли родную и привычную, почему-то жаль еще сильнее.

Все это думаешь уже скользя меж кустов и спиной чувствуя погоню.

До чего быстра человеческая мысль! За несколько мгновений успеваешь пережить пленение и гибель. Почему-то видишь не себя, а Ульниту: ее волокут на серый жертвенник, толстая пшеничная коса растрепалась и метет землю, рот распялен в беззвучном крике...

Ну уж нет! Сам-то ладно, сам как-нибудь, а Ульниту нельзя на их поганый камень!

Сразу все стало просто и ясно. Страх сменился равнодушием отчаяния. Горькая, легкая, звонкая свобода – никогда такого не испытывал! Жаль только, не будет честного погребального костра.

Лишь бы Ульнита не догадалась...

Обернулась. Знакомым жестом указала вперед. Правильно. Умница. Там пересохшее русло ручья – заросло, но проползти можно.

В ответ ей жестом: «Ползи первая!»

Как бесшумно канула в заросли, змейка лесная...

Прощай, Ульнита!

И резко, внезапно – во весь рост, перед опешившими преследователями... как они близко, забери их Серая Старуха! Растерялись. Рывком навстречу, сквозь цепь... от Ульниты увести!

Со всех ног, во весь опор – напрямик, через кусты! Слева взметнулась наперехват черная лапа, клацнули возле уха сжавшиеся когти. Негромкий звук эхом отдался во всем теле, но его смысла бешеная радость погони, последняя в жизни радость.

До чего легко меж кустов скользят, гады! Вот и поляна, легче бежать. Но дальше, в лесу... что там мелькает меж сосен?

На берег! К обрыву – и в воду! Если что, хоть не сожрут!

Серый алтарь скачками надвигается навстречу. Выщербленная поверхность без единого пятна крови... кольцом разложены какие-то предметы... вот уже рядом...

То ли сработала наглость, без которой немислим Подгорный Охотник, то ли рука бывшего воришки сама, без приказа метнулась к добыче.

Пальцы чиркнули кончиками по неровному камню, сдернули с алтаря какую-то цепочку, успели сжаться в кулак, и тут руку от кисти до локтя пронзил холод, словно ее опустили в ведро со снегом. Не до того, некогда! Погоня рядом, это чувствуешь не оглядываясь.

Толчок – и вниз головой с обрыва, во мрак!

Мгновенный ужас, мысль: «Это сон!» И ледяная мгла, хлынувшая в рот и ноздри. И короткая отчаянная борьба за жизнь, слепое барахтанье тонущего щенка.

И воздух, спасительный воздух, каждый глоток его – самое важное в жизни...

Снова вода, но уже нет нерассуждающего, безумного цепляния за жизнь: я в реке, я выплыву, я умею!

И когда после немисливо долгой борьбы с холодным, черным, грохочущим врагом выползаешь на прибрежные камни, нет даже радости: слишком болит каждая жилочка, слишком гудит голова, слишком сотрясает грудь кашель. Сквозь сумятицу мыслей пробивается одна, разборчивая, связанная и почему-то укоризненная: «Ну, я же говорил – я выплыву!»

И не сразу замечаешь, что вокруг правого запястья обмоталась цепочка. Та самая. Добыча. И опять-таки нет радости, лишь тупое недоумение: как же не сорвалась в такой кру-говерти? Меч утонул, а цепочка уцелела.

Солнца еще не видно, но тьма стала прозрачной, легкой, вот-вот развеется. Можно рассмотреть, что же прихвачено на память о Древней Сове.

На стальной цепочке – потемневший серебряный треугольник размером с детскую ладошку, один край закруглен. Словно серебряный диск разделили на три части от центра, взяли один кусок, пробили грубую дыру и повесили на цепочку. На пластинке – еле различимая вязь странных знаков.

Ладно, с добычей потом, пора отсюда выбираться. Эх, не на тот берег выбросило! На другой стороне опушка леса, а здесь обрыв. Невысокий, но все же... Плыть на ту сторону? Да ни за лепешку с медом! Хватит, наплавался! Придется карабкаться наверх. Обрыв прошит корнями, есть за что зацепиться. Одна беда: правая рука ноет от кисти до локтя, пальцы еле сгибаются. Ну, как-нибудь...

А цепочку куда?..

На задворках памяти прошелестели даже не слова, а эхо от слов учителя. Что-то о неосторожном обращении с магическими предметами... какие-то страшные случаи рассказывал... Но измученный мозг решительно отказался что-то вспоминать. Левая рука неловко распутала цепочку, набросила на шею, под рубаху – так надежнее.

И сразу мир вокруг дивно, прекрасно, великолепно изменился!

И не в том дело, что разом исчезли усталость и боль, это как раз осталось почти незамеченным, не до того было.

Трудно описать словами... Вокруг вроде все то же: обрыв, река, берег напротив. Но перед глазами словно карту развернули. И это уже не безымянный поток, а Литизарна, Звонкая Река. А Врата, оставленные за спиной... да вот же они, дальше на север! Даже видно, что за ними то же самое болото: не сдвинулась пока складочка! Ниже по реке – рыбацья деревенька, так, четыре хибарки, даже названия нет. Южнее в лесу – замок, еще южнее – дорога и город Издагмир.

А Совиного капища не видно. Берег, кусты, поляна, а серого алтаря нет! Зато есть уверенность, что жертвенник исчез... нет, не исчез, переместился куда-то, пряча свою черную тайну.

Ай да находка! Ай да добыча! Лучше мешка золота! Никому не отдам! И Гильдия ее не увидит, тем более что это не против правил. Гильдия получает десятую часть от проданного тобой, а если хочешь что-то не продавать, оставить себе – да ради всех богов! Не запрещено!

Ха, продать! Во всем Гурлиане столько денег не начеканено, чтобы... Да такое не то что продать – показать-то можно не всякому! Разве что учителю да Ульните.

Ульнита! Как можно было забыть?! Что с ней, где она?

А рядом! Захотел – и узнал. Идет берегом поверху, отсюда не видно, а талисман показал! – Ульнита-а! Эге-гей! Я где-есть!

Над краем обрыва возникает голова. Растрепанная и с зареванной физиономией.

– Живой! Ну, хвала Безликим! Ты их от меня уводил, да? Я поняла, я вернулась, а там никого, ничего... даже камня нет...

– Лить слезы и трясти своим пшеничным снопом будешь после. Помоги выбраться, я руку зашиб... да не за правую, медведица ты силуранская! Больно же!.. Ладно, все в порядке. Сядь рядышком. Такое покажу – сроду не видала! Знаешь, я...

Договорить не удастся – Ульнита издает пронзительный крик, округлившимися глазами глядит на мою правую руку.

О боги, да что же это?!

Ногти осыпались на землю, пальцы на глазах чернеют, ссыхаются, покрываются жесткой кожицей, похожей на чешую. На кончиках пробиваются когти, все длиннее, острее... суставы пальцев становятся узловатыми, чернота ползет дальше, к запястью.

Сам не заметил, как упал на колени, левой рукой поддерживаю правую, раскачиваюсь от боли, ужаса, смертной тоски.

– Ульнита... мечом, не то поздно будет! Что стоишь, колода дубовая?! Вот здесь, пониже локтя... Во имя богов, Ульнита, руби!!!

Часть первая (293 год Железных Времен)

На охоте оружие совы не клюв, а лапа. Лапой сова ловит дичь, лапой ее и умерщвляет, закалывая когтями. Убитую добычу сова прикладывает к основанию клюва. Со стороны это похоже на поцелуй, но зачем птица так делает, ведомо лишь богам.

«Птицы Озерного королевства», Вайсувеш Теплый Плащ из Семейства Тагихарри

1

– Сами понимаете, выбора не было, какой тут выбор! На Клыкастую Жабу один на один не очень-то пойдешь, а уж если их четыре... принесла Многоликая на мою голову! Помянул я богов и шагнул на карниз. Иду спиной к скале. Карниз все уже и уже становится. Пропасть внизу – что твоя Бездна! Камни из-под ног летят – стука не слышно! Но хуже всего, что со стороны пропасти надвигается соседняя складка: шелест слышу, словно кусок шелка в руке шуршит. Я сначала обрадовался, думал, спасение идет: прыгну из складки в складку – и лови меня! Но гляжу, издали, словно в тумане, морские волны возникают. Появятся, плеснут, и вновь исчезнут. Ну, думаю, только моря не хватает! Сделал по карнизу шаг... и еще... и рука нащупала пустоту!

Рассказчик глотнул вина. Слушатели не сводили восхищенных взглядов с этого крепкого, статного мужчины лет тридцати пяти. Он небрежно тянул паузу, прекрасно зная себе цену. Все в нем не просто говорило, а кричало о самоуверенности и успехе: и выражение длинного загорелого лица с дерзкими глазами и насмешливой улыбкой чуть выпяченных губ, и прекрасно сшитый желтый атласный камзол, заляпанный винными пятнами, и сапоги с вырезными отворотами и золотыми подколенными пряжками, в таких сапогах по улице-то ходить жалко, разве что на балах танцевать.

– Извернулся кое-как, – соизволил продолжить рассказчик, – и вижу в скале расселину. Струится оттуда неяркий сиреневый свет. И звуки такие, словно часто и размеренно дышит кто-то очень большой...

Тут рассказчик вновь оборвал повествование, недовольно потянул носом, пригладил пальцами светлые усы:

– Эй, хозяин, душно у тебя! Открой-ка все окна и двери! Нараспашку! А то как бы нам не захотелось перебраться в «Фонарь на крюке»!

Долговязый хозяин сорвался с места:

– И впрямь душновато! Сейчас открою, сейчас!

Он поспешно распахнул ставни, отворил дверь в сени, вышел на крыльцо – и забыл о капризном госте, увидев над невысоким забором патлатую голову сына. Шляется с утра Многоликая знает где... нет чтоб на кухне помочь! Немедленно изловить бездельника и надрать уши!

Но тут хозяин разобрал, что орет на всю улицу его отпрыск:

– Пап, со мной гость! Пап, я ему дорогу показываю! Пап, я ему все рассказал: и про баню, и про комнаты хорошие, и про мамин ягодный соус!

Гнев хозяина сменился умилением. Ай да сынок подрастает! Мало того что постояльца привел, так еще на всю округу шумит – пусть соседи знают, как в «Счастливом путнике» хорошо дела идут.

Но когда приезжий шагнул во двор, радость хозяина потускнела. Уж очень невзрачно выглядел этот круглолицый, простоватого вида человек лет сорока. Запыленная одежда, сбитые сапоги – это бы ничего, в дорогу люди редко наряжаются во все лучшее. А вот то, что при нем одна-единственная холщовая котомка, небрежно затянутая веревкой, – это хуже! Из-под плаща виден кончик ножен (не забыть сказать, чтоб снял меч). Пожалуй, наемник. Фигура крепко сбитая – силен, видать, хоть ростом похвалиться не может...

Эти наблюдения заняли у хозяина несколько мгновений, а потом он просиял радушной улыбкой:

– Добро пожаловать! Я Даупар Глубокий Овраг, хозяин «Счастливого путника». Лучшего постоялого двора не найти во всем Гурлиане!

– Уже знаю, – усмехнулся гость. – Твой сын твердил об этом от самых Западных ворот!

За спиной у приезжего мальчишка подмигнул отцу и показал открытую ладонь. Хозяин кивнул: мол, понимаю, усердие надо поощрять, за мной не пропадет.

Еще бы! Времена тяжелые, конкурентов много, любой постоялец – подарок богов. Главное – не дать ему удрать не расплатившись.

– Что угодно дорогому гостю? – осведомился Даупар, делая легкое ударение на словах «дорогому гостю». Ведь путник так и не представился. Не то чтоб это было обязательно, но...

– Баню, – с чувством сказал путник. – Первым делом баню, остальное потом!

Судя по чистому выговору, гость – гурлианец... а одежда грайанского покроя. Видно, странствовал вдали от Озерного королевства.

Даупар обернулся, чтобы отдать сынишке распоряжение, и увидел, что тот уже несется к кухне. Смышленный мальчуган. И шустрый.

– Мой сын сейчас принесет горячую воду. Вот она, наша баня, взгляни, почтенный!

Даупар распахнул дверь тесной дощатой будочки. Внутри были крошечная скамья и полочка, на которой аккуратно расставлены ковш, миска с мягким мылом и глиняный горшочек с ароматным настоем трав. На полу – маленькая лоханка.

Любой грайанец или силуранец немедленно обозвал бы баню собачьей конурой, где человеку и не повернуться. Но гость глядел на это игрушечное хозяйство во все глаза, и по лицу медленно расплывалась счастливая улыбка.

– Я дома! – выдохнул он. – О Безликие, я наконец-то дома!

Хозяин невольно умилился при виде такой радости.

– Не поверишь, почтенный, – обернулся гость к Даупару, – как я намучился в Грайане! У них там бани, стыдно сказать, общие! Толпа мужчин раздевается догола... так и моются, все вместе. И для женщин такие бани есть!

– Почему не поверю? – удивился хозяин. – Еще как поверю. У нас в Издагмире тоже две такие бани построили. Само собой, для приезжих, свои-то плюются. Но деньги владельцам идут хорошие. – Тут в маленьких глазках Даупара вспыхнул огонек, губы плотно сжались. Можно было догадаться, что за узким наморщенным лбом идет напряженная работа: обдумывается постройка третьей бани на разорение конкурентам. Но, видно, что-то не сошлось в подсчетах. Огонек в глазах погас, и трактирщик с горьким осуждением бросил: – Срамота!

– Я в реке мылся, – печально сообщил гость. – В реке что за мытье? А зимой приходилось снимать баню на полдня, на меньший срок хозяева не соглашались.

В душе Даупара затеплилась надежда. Снять баню на полдня, чтобы мыться в одиночку... а ведь к нему, пожалуй, не нищий бродяжка завернул! Хотя, может, тогда у незнакомца лучше шли дела...

Размышления прервал визг. Из окна дома головой вперед вылетел тщедушный человек, проехался животом по пыли двора и поднялся на ноги, отплевываясь и бессвязно ругаясь.

Даупар побледнел, рванулся к человечку:

– Ты что себе позволяешь, а? У меня приличное заведение! Иди отсюда, иди...

– Да я... но я же...

– Убирайся, я сказал!

Вытолкав злополучного человечка за калитку, хозяин виновато обернулся к гостю. Тот усмехался:

– Не так уж спокойно в «Счастливом путнике», а? И часто здесь постояльцев учат летать?

– Это вздор, это ерунда, это мой сосед, ничтожный такой человечиска, его уже третий раз так! У меня собрались Подгорные Охотники, пьют вино, беседуют. А этот въедливый таракан в разговор встречает: то ему неправда, это ему вранье...

– А-а, – сочувственно кивнул гость. – Тогда понятно, тогда за дело! – Глаза его засветились, голос потеплел. – Охотники, да? Вот искупаюсь, поужинаю и к ним поболтать подсяду.

– Они только у меня собираются! – гордо заявил Даупар. – Все восемь человек! За главного у них Урихо Эхо Оклика.

– Восемь? Очень, очень много для такого небольшого городка. Неужели все на королевской службе? Или мимо шли и отдохнуть остановились?

Улыбка сползла с лица хозяина.

– Они, как бы это сказать... не на службе, они вообще не...

Взгляд гостя стал ледяным.

– Понятно. Пролазы! Пожалуй, после ужина сразу лягу спать. Где горячая вода?

– Несу, господин! – откликнулся мальчишеский голос, который старался казаться солидным.

– Мне, малыш, кувшина не хватит. – Гость с сомнением глянул на ношу парнишки.

– Больше на кухне пока нету, я велел рабыням согреть еще. Не сомневайся, господин, мойся, я принесу и в щелку подам. – Хозяйский сын считал гостя своей находкой, своей добычей и потому обслуживал с особым рвением.

– Разве что так! И еще, почтенный Даупар... Я, как видишь, в дороге обносился, хотелось бы сменить шкурку. Нет ли поблизости приличного портного?

– Господин! Какое совпадение! Лучший в городе портной – мой зять. И живет рядом.

– Ага, понимаю. А лучший в городе сапожник, надо полагать, твой племянник? По чистому совпадению, разумеется.

– Почему – племянник? Брат. Младший. Я пошлю за ним.

– Вот и хорошо. А ты, паренек, отволоки мою котомку в дом и сунь куда-нибудь под лавку. Ах да, оружие надо сдать, верно?

Даупар глядел, как гость отстегивает перевязь, ловко орудуя левой рукой. Правая все время оставалась в складках плаща... А может, ее вообще не было?

* * *

Урихо заканчивал свою историю, но самый захватывающий момент был начисто испорчен пронзительным криком хозяйского сына. Забыв о рассказчике, все обернулись к мальчишке. Тот стоял на коленях возле холщовой котомки и орал, как кошка, которой прищемили дверью хвост.

В комнату ворвался Даупар, примчавшийся спасать сына.

– Там... там... – непослушными губами лепетал мальчишка, тыча рукой в сторону котомки. – Веревка развязалась, а там...

У всех мелькнула одна и та же мысль: как же, развязалась! Просто любопытно было паршивцу на чужие вещи взглянуть! Но в следующее мгновение никто уже не думал о мальчишке, потому что взволнованный Даупар склонился над котомкой.

Дружное «а-ах!» пронеслось по комнате.

На людей в упор взглянули налитые кровью, остекленевшие глаза неведомого зверя. На косматой шкуре запеклась кровь, клыки белели в предсмертном оскале.

Отрубленная голова, что выглядывала из котомки, была бы похожа на медвежью, если бы не полужакрытый третий глаз на темени.

В полной тишине Урихо встал из-за стола, подошел ближе, нагнулся над неожиданной находкой.

– Чье это? – спросил он, не отрывая бледно-голубых глаз от чужой добычи.

– Нового гостя, он в бане сейчас.

– Кто таков?

– Не знаю, он не сказал.

Урихо перевел ледяной взгляд на хозяина:

– Про Подгорных Охотников не спрашивал?

– Да я ему сам про вас рассказал!

– А он что?

Даупар замаялся. Подгорному Охотнику не понравилось его смущение.

– А ну, говори! Он назвал нас пролазами?

Хозяин с несчастным видом кивнул.

– Так... На его запястья ты взглянуть не догадался?

– Н-нет... Но это можно устроить! – оживился Даупар. – Я снесу ему кувшин воды и подам в приоткрытую дверь. Кувшин тяжелый, одной рукой не возьмешь.

– Отлично. Погляди, нет ли на правом запястье узкого серебряного браслета, на нем должны быть два имени...

Хозяин поклонился и ушел, сказав про себя: «Кого он учит? А то я не знаю, как выглядит знак Гильдии! Разумеется, два имени: самого Охотника и его учителя!»

А Урихо обвел тяжелым взглядом всех, кто был в комнате:

– Кто ни разу не ходил в Подгорный Мир – брысь отсюда!

Несколько человек быстро и тихо исчезли, не желая неприятностей. Кроме самого Урихо, осталось семеро. Один неуверенно спросил:

– Может, он дохлую тварь нашел, решил получить награду за голову?

Урихо мрачно промолчал.

На пороге возник хозяин. Физиономия его выражала такое смятение, словно он обнаружил свой винный погреб опустошенным.

– Я посмотрел, – замирающим голосом сказал он. – Есть знак... на левом запястье! Правое такое, что браслет не удержался бы.

И исчез, прежде чем по комнате прошелестело прозвище, более знаменитое, чем любое имя.

Лицо Урихо исказилось так, что страшно взглянуть. Гнев, ярость и... неужели страх и стыд?

– Вы хоть понимаете... – прохрипел он, – понимаете, что для нас означает его прибытие? Это же конец всему... нашим планам, нашим мечтам, нашему будущему! Что примолкли? Давно вам в лицо не швыряли слово «пролаза»?

* * *

Во дворе Даупар наставлял сына:

– Давай бегом во дворец, в караулку. Твой дядя как раз с дежурства сменяется. Потопись, пока он еще трезвый! Пусть расстарается... а то как вино бесплатно лакать, по-родственному, так он молодец! Пускай передаст Хранителю: в «Счастливом путнике» остановился Шенги Совиная Лапа.

– Ух ты! Сам Шенги! Правда, пап? Ну, ребята от зависти сдохнут!

– Завтра сдохнут, сынок, завтра! А сегодня никому ни словечка! Хранитель должен узнать такую новость только от нас! Понял? Вот, держи монетку!

* * *

Гость приступил к ужину. Даупар незаметно поглядывал на него и видел теперь в ином свете. Никакой не простоватый у него вид, а серьезный и собранный, хотя и добродушный. Невысок, зато плечист и в движениях ловок. В темных волосах легкая проседь. Даже в комнате не снял плаща: правую руку прикрывает. А левой-то как привычно управляется!..

Компания Урихо, угрюмо сгрудившись за соседним столом, не спускала глаз с прибывшей знаменитости. Шенги не обращал внимания на злые взгляды – спокойно откусывал кусок за куском от большой лепешки с запеченным внутри ломтем окорока. Время от времени он клал лепешку на стол, чтобы глотнуть вина из кубка. Рядом ждала своей очереди миска творога.

Молчание становилось гнетущим. Хозяин мрачно твердил себе: «Хорошо, если столы и лавки уцелеют!»

Наконец Даупар не выдержал и с фальшивым воодушевлением затараторил:

– Жаль, почтеннейший Шенги, что ты не осчастливил нас своим появлением раньше! Тут было так весело! Отважный Урихо поведал увлекательную историю, как в горах, спасаясь от четырех Клыкастых Жаб, вынужден был уходить по карнизу над пропастью и... и...

Хозяин смешался, сообразив, что не слышал конца истории и представления не имеет, как рассказчику удалось выкрутиться из передраги. Умоляюще обернувшись к Урихо, он наткнулся на убийственный взгляд и окончательно скис.

Шенги дожевал кусок лепешки, не спеша запил его вином и ответил трактирщику:

– Клыкастые Жабы – в горах? Очень, очень интересная история. До чего же далеко от родных болот забрели! Ведь без воды долго не могут, а все-таки добрались!

– Их зашвырнуло из соседней складки, – мрачно бросил Урихо, глядя прямо перед собой на опустевший кубок.

– И сразу четыре морды, да? – Шенги обращался исключительно к хозяину. – Ужас какой! Сколько по складкам ни брожу, а больше двух за один раз встретить не доводилось. Понимаешь, почтенный Даупар, они друг друга терпят только в брачную пору, и то недолго. А обычно, как сойдутся вдвоем, тут же драка начинается.

Даупар сообразил, что на его глазах происходит неслыханное нарушение традиций. Ни один Подгорный Охотник не позволит себе уличить другого во лжи или хотя бы поправить в мелкой детали. Какую бы чушь ни нес рассказчик – встревать нельзя, разве что поддакнуть, посмеиваясь про себя. Но так неприкрыто унижать собрата по ремеслу... О Безымянные, что сейчас будет?!

Хозяину бы куда-нибудь забиться и помалкивать, но проклятый язык от страха ляпнул:

– Почтеннейший Шенги, стоит ли так неуважительно обращаться с другими Подгорными Охотниками?

– Что ты, почтенный Даупар, – с насмешкой ответил гость, – я уважаю Подгорных Охотников. – Он мягко, но заметно выделил голосом последние слова.

Урихо не выдержал: встал со скамьи, пересек комнату, навис над сидящим Шенги.

– Будем знакомы... – В любезных словах звенела угроза. – Я Урихо Эхо Оклика из Рода Саридек. Шестнадцать лет брожу по Подгорному Миру.

Шенги поднял на него спокойные серые глаза и сказал негромко:

– Хозяин называл мне твое имя, но только сейчас я вспомнил, где слышал его раньше.

Не завидую я твоим напарникам, Урихо из Рода Саридек.

С искажившимся от ярости лицом светлосый красавец отшатнулся от стола. А Шенги продолжал неторопливо:

– Шестнадцать лет, говоришь? Очень, очень много для пролазы! И до сих пор еще человек... по крайней мере с виду. Крепок ты, благодари за это Безликих.

– Да как ты!.. – захлебнулся словами Урихо. А оскорбивший его человек обернулся к хозяину:

– Клыкастая Жаба – страшный зверь. Но опаснее всех в Подгорном Мире не она. И даже не дракон. Самая коварная, подлая и хитрая тварь была когда-то человеком. И зовется она – пролаза!

Компания Урихо была уже на ногах, готовая наброситься на пришельца и разорвать его. Хозяин юркнул под стол.

Коротко замахнувшись, Урихо обрушил кулак на ненавистное лицо чужака...

Нет, это лишь со стороны показалось, что обрушил... Кулак застыл у самого лица Шенги. Урихо почувствовал, что его запястье стиснули железные пальцы. Необоримая сила вывернула руку Урихо за спину, повалила его на стол.

Измученная компания глядела на своего главаря, лежавшего лицом в миске с творогом, и на Шенги, который встал над противником, удерживая его левой рукой.

Это был уже не прежний Шенги. Не мирный путник, смакующий свой немудреный ужин. Все попятились, поняв, как взбешен этот человек. Глаза его сверкали, а когда он заговорил, казалось, что рот извергает раскаленную лаву:

– Пролаза тем и опасен, что ум у него человеческий, а душа звериная! И каждый знал, на что идет! Знал, что в воздухе Подгорного Мира разлит яд, губящий душу! Сладко вам? Не можете без этого жить? Да неужто сами не понимаете: это болезнь! Она прикует вас к Подгорному Миру, сомнет в ком глины и вылепит заново – но вылепит зверюгу! Будете шляться из складки в складку, изувеченные душой и телом, и от ревнивой злобы начнете нападать на тех, кого мудрость Гильдии хранит от подобной участи. Все вы одинаковы! Видал я таких и в Грайане, и в Силуране! Наряжаетесь в атлас и шелк, обвешиваетесь золотыми побрякушками, швыряете деньги направо и налево – хоть день, да мой! И знаете, что скоро Подгорный Мир позовет своих рабов – уже навсегда. Пейте, веселитесь, хвастайтесь, пока вы еще люди! Недолог ваш срок, сами знаете! Но не смейте называть себя Подгорными Охотниками, пролазы!

Мощная рука сдернула Урихо со стола и с такой силой швырнула прочь, что он врезался в стену.

Поднялся на ноги. Покачнулся. Смахнул с багровой физиономии творог.

Дружки со страхом глядели на трясущиеся губы главаря.

– За такое убивают, – выдохнул Урихо. – Сейчас мы безоружны, но...

– Это ты безоружен, – прежним, спокойным голосом перебил его Шенги. – А я безоружным не бываю никогда.

На правом плече колыхнулся плащ. Откинув темную ткань, на стол со стуком легла рука.

Нет, не рука. Лапа.

Твердая, с пятью длинными пальцами, с шишковатыми неровными суставами, которые делали ее похожей на ветвь сухого дерева. А черная, с мелким сетчатым рисунком кожа, напоминающая чешую, навела скорее на мысль о жуткой рептилии. Или о беспощадной хищной птице.

В первую очередь привлекали взор когти – изогнутые, грозные, с сизым металлическим отливом. Под взглядами всех, кто был в комнате, страшные пальцы разжались и снова сжались. Каждому ярко представилось, как эти когти впиваются в плоть, разрывая кожу и ломая кости.

– Если у кого есть охота подраться, – негромко, почти жалобно сказал Шенги, – лучше начать поскорее. Потому что я устал и хочу спать. С дороги, знаете ли...

Ответом было молчание. Урихо распластался по стене, не сводя взгляда со страшной лапы.

Немного выждав, Шенги заговорил вновь:

– Почтенный Даупар, я не знаю, что ты обронил под стол, но разыщешь свою потерю позже. Будь любезен, проводи меня в мою комнату.

Хозяин вынырнул из-под стола и с видом лунатика двинулся к двери. Следом не спеша направился Шенги, оставив за плечами потрясенную, смятенную тишину.

2

Конечно, невежливо пялить глаза на обстановку комнаты, где тебя принимают гостем, но ведь интересно же! Подгорному Охотнику, даже знаменитому, не каждый день случается бывать во внутренних покоях дворца Хранителя города.

А поглядеть есть на что. Не в том дело, что вокруг много дорогих и красивых вещей, а в том, что вещи эти – разноплеменные, собранные со всех концов земли.

Столик, за которым трапезничают Хранитель и его гость, мраморный, на ножке в виде стоящей на хвосте рыбы; над этой прелестью потрудились грайанские резчики по камню. Изящные решетки на окнах выкованы в Силуране, можно и точнее сказать: в Джангаше. Благовоения, курящиеся в бронзовой жаровне, прибыли из Ксуранга, а пушистый коричневый ковер, в который упираются ножки жаровни, не мог быть соткан нигде, кроме Наррабана. Одна из стен сплошь заплетена диковинными выющимися растениями – может, это подарок с Проклятых островов?

А есть что-нибудь свое, гурлианское? Ну как же! Ткань, которой накрыта огромная птичья клетка в углу, вышла из рук столичных ткачей... узоры-то, узоры! Не вышиты, не краской нанесены, а так и сотканы!

И вот что удивительно: вся эта пестрота, разнородность не делают комнату похожей на чулан, где свалены непроданные товары. Вещи, созданные мастерами разных стран, сошлись здесь и словно заговорили на одном языке. Сплелись в одно целое – необычное, но очень изящное и красивое.

Но все же нехорошо зыркать глазами по сторонам. Тем более что почтеннейший Тагиарри Большой Сапфир заметил любопытство гостя. В близоруких, чуть прищуренных темных глазах хозяина мелькнула добродушная усмешка.

– Да, – мягко сказал Хранитель, – это Издагмир, Придорожный Город. Здешний люд говорит: «Мы живем тем, что падает с возов проезжих торговцев». Ты ведь не первый раз в нашем городе, верно?

– Был здесь однажды... когда мне было девятнадцать лет...

– Конечно! Об этом отцы детям рассказывают: знаменитый Подгорный Охотник, спасенный богами на Совином капище, стал «помнящим вторую жизнь» и получил в храме новое имя. У нас, в нашем городе!

– Не был я тогда знаменитым. Мальчишка...

– Зато теперь про великого Шенги все бродячие сказители!.. – Тагиарри заставил себя оторвать взгляд от правого плеча собеседника под плащом. – Могу ли я узнать, что мой уважаемый гость намерен делать дальше?

– Ну... доберусь до столицы, повидая Главу Гильдии. Пока по чужим землям шлялся, порядком задолжал в Гильдию, заодно рассчитаюсь.

Хранитель, лысеющий человечек с грустными глазами и короткой темной бородкой, недоумевающе скривил губы под полоской усов:

– Эти ваши расчеты... как-то я не понимаю! Десятая часть от всего, что продано... Ну, в казну вы каждый год платите, это понятно – там определенная, неизменная сумма. А эта десятая часть – кто же вас проверить может?

Гость усмехнулся, откинувшись на спинку кресла:

– Проверить? Почтеннейший Тагиарри, сам удивляюсь, но платим честно! А в неудачные годы даже переплачиваем, чтобы Глава Гильдии и собратья по ремеслу не догадались, упаси Безликие, что дела идут скверно! Приходилось ли моему господину видеть разоряющуюся знать? Ходят голодными, а последние деньги тратят на дорогие наряды. Так по сравнению с Подгорными Охотниками эти люди – скромные, застенчивые создания! Хвастовство есть одно из первейших качеств Охотника – наряду с болтливостью и нахальством.

Хранитель хмыкнул:

– Хорошо бы мне горожане так налоги платили. Болтливости и нахальства у них предостаточно, а вот как с денежками расставаться... Ну хорошо, увидишься ты с почтеннейшим Лаурушем Ночным Факелом, уладишь все дела, а что потом?

– А потом хочу отдохнуть. Куплю домик на берегу, буду смотреть на корабли, слушать, как шумит море. Когда прискучит безделье, возьму ученика.

– Послушай, – вкрадчиво начал Хранитель (и Шенги подобрался, поняв, что начинается настоящий разговор). – Море подождет, оно с сотворения мира шумит, где шумело, вряд ли Безымянные в ближайшие годы соизволят его передвинуть. И кораблей в порту Аргосмира предостаточно, хватит наглядеться и внукам твоим. Может, удержишься и спасешь один симпатичный городок от большой напасти?

Шенги выжидающе молчал. Хранитель со вздохом продолжил:

– Издагмир – процветающий город, не столько большой, сколько богатый и веселый. Мы исправно платим налоги и узнаем вести из чужих земель раньше, чем они дойдут до столицы. И все это нам дает проезжая дорога. Торговый путь. Посчитай, сколько в Издагмире постоянных дворов, сколько таверн... есть два игорных дома, даже две бани на иноземный манер... ага, улыбаешься – слышал уже, да? У нас больше портных, сапожников, поваров, лекарей, чем надо для здешних жителей. А сколько горожан перекупают товары у чужеземцев и везут в столицу сами! Проезжая дорога – становой хребет нашего благополучия. Убери ее – город захиреет и умрет. Мы это знаем, заезжих любим, уважаем и бережем. Даже штрафы с подгулявших иноземных буянов берем аккуратнее, чем с местных. Или, к примеру, два года назад был случай. С голубиной почтой пришла весть, что в Нарра-до от заразной болезни скончался Светоч, а с ним – грудной малыш, его наследник. В городе стояли три наррабанских каравана – стекло везли, шелк, сушеные фрукты, сладости. Я известил наррабанцев, что у них уже другой Светоч, брат покойного. Ну, вопли, молитвы, задержались купцы на три дня – Светоча оплакивали. Так не поверишь: три дня во всем городе траур был. В знак сочувствия!.. Ну, что на меня так смотришь? Я такого приказа не давал. Велел только закрыть на три дня игорные дома и занавесить во дворце окна черной тканью... Так во всем городе не было окна, в котором ни висел бы хоть клочок черной тряпки! И ни музыки, ни песен!

– Да-а, – протянул Шенги с легким осуждением. – Этак, глядишь, здесь и храмы иноземных богов строиться начнут.

Хранитель смутился:

– Вообще-то есть небольшое святилище Гарх-то-Горха... собственно, не в городе, за стеной...

С невольным восхищением Шенги покрутил головой:

– Ну и городок, храни его Безликие! Такой не впадет в нищету и убожество!

– Не знаю, не знаю! – Хранитель вздохнул, его крупный нос уныло опустился. – Приготовься, начинаю ныть и скулить. Не знаю, чем прогневали мы Безымянных, но на нас посыпались беды, словно Серая Старуха из подола их вытряхнула. Если без подробностей – дорога от Рудного Кряжа до Издагмира подвергается нападениям Подгорных Тварей. Причем все настолько серьезно, что боюсь худшего: купеческие караваны будут искать другой путь, безопасный. А мы... наш город...

– Так чего проще, – усмехнулся Шенги, – взять да пригласить на службу двоих-троих Подгорных Охотников. Послать письмо Главе Гильдии...

– За кого ты меня принимаешь, уважаемый? Я платил деньги не «двоим-троим», а четверым Охотникам, причем Лауруш заверил меня, что в Гильдии они на прекрасном счету. На меня работали братья Нурвеш и Нурбиш.

– А, близнецы! – оживился Шенги. – И впрямь неплохие парни, дело знают.

– Еще старый Айтин Белая Чаша, а в напарниках у него парнишка без имени, из Отребья, прозвище не припомню. У старика в учениках был, недавно надел браслет.

– Айтина не встречал, но слышал много хорошего.

– Они меж собой договорились: одна пара бродит по Подгорному Миру, другая приглядывает за дорогой – истребляет тварей, если вылезут... но это редко бывало. Иногда сопровождали караваны, если купцы просили... тоже нечасто. Признаться, я подумывал, что зря на них деньги трачу.

– Деньги, заплаченные Охотникам, – веско сказал Шенги, – не бывают потраченными зря!

– Да понял я, понял уже! Тогда и понял, когда близнецы из-за Ворот не вернулись.

Шенги горестно распахнул глаза, но сдержался и произнес бесцветным голосом:

– Давно?

– В начале Хмурого месяца. Может, еще появятся?

– Нет, – ровно ответил Охотник. – В Подгорном Мире время течет быстрее. Если до сих пор не возвратились... Очень, очень жалко! Хорошие были парни... нравом такие разные, даром что близнецы!

– Мне особенно Нурвеш нравился – весельчак, пел красиво, – Хранитель вздохнул. – Нурбиш – тот угрюмый, нелюдимый, разговаривать с ним трудно было.

– Да будет милостива Бездна к их душам! Но что их понесло за Врата поздней осенью?

– Не знаю. Нурвеш перед уходом был во дворце, деньги получал за себя и за брата. Мы перебросились парой слов. Он с таким загадочным видом заявил, что выследил дичь, какая раз в жизни попадается. И чтоб я готовил кошель поувесистее, иначе это чудо в столицу уйдет. И все, больше не встречались.

– Вот такая работа! – не выдержал Шенги. – Вот так и жрет нашего брата Подгорный Мир!

– Не только Подгорный Мир. Сразу после ухода близнецов погиб тот парнишка, напарник Айтина. Глупо погиб: озеро только-только ледком затянулось, а он напрямик перебежать захотел. А через два дня – Айтин... ну, там история непонятная, жуткая, весь город об этом говорил.

Шенги взял с блюда тонкое, хрусткое печенье с медом, надкусил. С ленивой позой и мягкими движениями не вязалось острое, напряженное выражение глаз.

– Есть на северной окраине полуразвалившаяся башня, воздвигнута в Огненные Времена, – угрюмо продолжил Тагиарри. – Эти руины называют Грайанской башней. Весь город знает, что там обитает злокозненный призрак. Там и нашли Айтина-Охотника... у входа... со свернутой шеей. Вокруг белый снежок – и никаких следов.

– А его собственные следы?

– Ничего не было. Незадолго до того, как нашли труп, мимо проходил Киджар, десятник городской стражи. И обратил внимание, как красиво лег первый снег. Не было ни следов, ни трупа. А снегопад уже кончился – не могло позже запорошить...

– Горожане, конечно, на привидение грешат?

– То есть никаких сомнений! Но я, собственно, о другом. Остались мы без Охотников, а тут как раз санный путь установился. Основной поток путников летом идет, зимой поменьше. А в распутицу никто не суется...

Заметив нетерпение в глазах гостя, Хранитель заговорил сухо и точно:

– За зиму – четыре разгромленных каравана. Уцелело семь человек. Трое – рабы из диких мест, нашего языка не знают. Один купец от ужаса спятил, от него толку не добились. Наемник-грайянец толково описал нападение ящеров-вертунов...

Шенги так резко подался вперед, что чуть не опрокинул столик.

– Вот как? И где сейчас этот толковый человек? Очень, очень любопытно бы побеседовать!

– В Аргосмир отправился... а что?

– А то, что у ящеров-вертунов кровь холодная, они мороза и снега боятся. На зиму спать укладываются клубком, как наши змеи.

– А если у них в складке было лето, а к нам их случайно занесло?

– Может быть, – с сомнением отозвался Охотник. – Но, значит, открылись новые Врата – чуть ли не на дороге!.. А что говорили остальные путники?

– Парнишка-наррабанец, сын того спятившего купца, при первых признаках беды удрал в лес. Вернуться осмелился весьма нескоро, и обнаружил на дороге лошадь с разорванным брюхом, труп раба-погонщика и пятна крови.

– А товары? Их тоже Твари прихватили?

– Товары были в седельных вьюках... лошади, должно быть, разбежались. Но я главного не сказал: мальчишка нашел гигантские трехпалые следы. Он мне их потом нарисовал. Подгорные Охотники хором говорят, что это следы Клыкастой Жабы.

– Подгорные Охотники? – сдвинул брови гость. – Ты говорил, почтеннейший Тагиарри, что...

– Нет, не гильдейские. – Хранитель заметил возмущенный блеск в глазах гостя и заторопился: – Я, конечно, тут же отправил письмо в столицу Лаурушу. Сразу после этого – последний налет на караван. Уцелела грайянка – ехала к отцу, он здесь торгует. Как поднялся шум, забилась под телегу. К этому времени я уже приказал конным разъездам охранять дорогу. Отряд обнаружил разгромленный караван, мертвых купцов и девушку под телегой. Она ничего не видела. По звукам решила, что на ее спутников напали разбойники. Но десятник видел в небе странных улетающих тварей, а на обочине дороги нашел два длинных щупальца, отсеченных чьим-то мечом.

– Эх, меня там не было! Очень, очень интересно бы взглянуть!

– Взглянули Подгорные Охотники... прости, я хотел сказать – люди, которым приходилось иметь дело с подобными существами. Это щупальца пузыря-убийцы.

– Так... Ты сказал о трех караванах. А четвертый?

– Просто не дошел до Издагмира. Испарился.

– Да, дела... А что ответил на твое письмо Лауруш?

– Прислал двоих Охотников. Но я же говорю – тень плаща Многоликой над нашим городом! Прибыли, зашли во дворец, представились, а на другой день мы для обоих костер складывали!

– Оба – за один день?

– За одну ночь. Женщина... ее звали Дейзана Соленая Вода. Немолодая, крепкая, серьезная. Остановилась на постоялом дворе «Золотой кубок». За ужином ей стало плохо. Лекарь провозился с больной до утра, а утром ей уже не лекарь был нужен, а жрец. И еловая поленница.

– Да? И часто у вас так гостей потчуют?

– Совсем такого не бывает. Я сам разбирался в этом деле. Виноват подручный повара, его незадолго до этого купили. Хозяин таверны держал у себя сушеные листья крапивняка – припарки делал, спина у него больная. Новый невольник принял листья за приправу и в котел бухнул. Мог всех потравить, но, к счастью, женщина ела первой, ей сразу стало плохо. У остальных хватило ума ничего не есть. Раб ударился в бега, до сих пор ловим.

– А со вторым Охотником что стряслось?

– Этот по глупости! Как приехал, закатился в игорный дом «Путь по радуге», ввязался в ссору из-за певички. Есть такая, по прозвищу Черная Азалия, страшный сон законных жен... И нарвался на нож.

– Очень, очень странно все совпало.

– Там были свидетели, заслуживающие доверия. Но и в самом деле странно. Мне он показался таким строгим, важным, даже мрачным.

– А как его имя? Может, встречались...

– Чингир Луговой Ручей из Семейства Шагутар.

– Ну уж нет! – быстро отозвался изумленный Шенги. – Господин мой, да такого просто не... Я Чингира знаю, напарниками были. Зануда он, неприятный, скучный человек – но чтоб в игорный дом?! Да он скорее в чумной барак... Из-за певички, да? Он при мне сто раз говорил, что всех этих сучек – танцовщиц, певиц, циркачек и прочих шлюх – в рудники бы, пустую породу откатывать!

– Мало ли на свете людей, которые говорят одно, а делают другое?

– Только не Чингир! Не в такой семье рос, да и вообще был слегка не в своем уме.

– Вот видишь! От таких всего можно ожидать. Но меня не это сейчас больше всего волнует. Прошли весенние дожди, просохли дороги. Тронулись в путь торговые караваны... да только нашей ли дорогой они пойдут?

– Понимаю, почему господин почтил откровенностью именно меня. К сожалению, я... ну, я уже говорил: хочу отдохнуть, купить домик у моря...

– Что ж, – с неожиданной легкостью согласился Хранитель. – Жаль. Ладно, буду искать другой выход. Писать в Гильдию поздно, да и не знаю, согласится ли кто-нибудь из людей Лауруша приехать в такое злосчастное место. Тут призадумаетесь! Не далее как позавчера приходил ко мне Урихо, предлагал помощь, ручался за своих парней и деньги просил весьма умеренные.

– Урихо? – гневно изумился гость. – Этот пролаза?

– Да, знака Гильдии нет, – вздохнул Хранитель, отводя коварно поблескивающие глаза. – Но в Подгорных Тварях разбирается, не так ли?

Тагиарри ожидал возмущенной отповеди, но не был готов к такой неистовой вспышке ярости.

Из-под плаща вылетела страшная черная лапа, грохнулась о столешницу – только мраморная крошка брызнула из-под когтей.

– Нельзя! – рявкнул Шенги. – Нельзя, Хранитель! Да я скорей убью этого гада со всей его шайкой! Есть же указ!.. На государственную службу – только гильдейских!.. Хранитель, король узнает! Я первый об этом позабочусь! Да такого со времен Артана Золотого Щита...

Хранитель, не обращая внимания на жуткую лапу, бесстрашно встретил взгляд разъяренных серых глаз.

– Королем меня пугать вздумал? А если и дальше чудища купцов жрать будут, думаешь, мне король благодарственное послание пришлет? За интересы Гильдии стоишь, да? У меня люди гибнут!

Эти слова остудили гнев Подгорного Охотника, он почувствовал себя виноватым.

– Господин мой, с пролазами опасно иметь дело. Воздух Подгорного Мира сводит людей с ума. И чем больше вокруг опасностей, чем стремительнее стучит в груди сердце, тем быстрее овладевает человеком яд. Говорят, ощущения изумительные, такого не могут дать ни женщины, ни вино. Не знаю, сам не пробовал и пробовать не стану. Хочется умереть человеком, а не безумной зверюгой.

– Да, – задумчиво протянул Хранитель, – ваше знаменитое Снадобье выдумал умный человек. Не понимаю, как вы, гильдейские, ухитряетесь скрывать этот секрет?

– Легко! – усмехнулся гость. – Состав Снадобья – последнее, что узнает ученик. Сначала он проходит Обряд Посвящения – на нового Охотника накладываются сильные чары. После этого тайну при всем желании не выболтаешь. Ни за деньги, ни под пытками. Просто не получится.

– Но в остальном эти... э-э... пролазы ничем не хуже гильдейских...

– Мой господин считает, что дворняга, которая заразилась бешенством, ничем не хуже обученного охотничьего пса? – удивился Шенги.

– Я полагал, что пролазы знают Подгорный Мир. – Не обращая внимания на возмущенный возглас Охотника, Тагиарри встал и подошел к птичьей клетке. – Хочу показать тебе кое-что.

И сдернул узорчатое покрывало.

В клетке оказалось странное существо – то ли толстенькая ящерица, то ли жаба с длинным хвостом и тонкими, как прутики, лапками. Хлынувший в клетку свет потревожил существо, оно запрыгало по слою жесткой сырой травы и застрекотало, обнажая мелкие острые зубки.

– Вот! – гордо заявил Хранитель. – Ее зовут Алмазное Горлышко. Правда, красавица?

– С ума сойти! – благоговейно прошептал гость. – Второй раз в жизни вижу!

Хранитель обернулся к столику, взял с блюда куриную ножку, помахал ею перед клеткой:

– А вот кому вкусненькое дам? Моей девочке вкусненькое дам! Спой, лапушка, для гостя, потом курочку будешь кушать!

При виде лакомства существо успокоилось, приподнялось на лапках. Горло раздулось полупрозрачным пузырем. По комнате заструились рулады, странные и прекрасные, словно небрежно пробовал голос певец – все ниже, от тенора к баритону. Звуки текли свободно и легко, радовали гибкостью и неожиданностью. В них не было мелодии, зато были свобода и скрытая гармония; они ласкали слух и нежили душу.

Наконец Алмазное Горлышко замолчала. Вытянув тощую лапку, она проворно сцапала протянутое сквозь прутья клетки угощение и начала обгладывать косточку.

Хранитель вновь набросил на клетку покрывало.

– Да, – вздохнул Шенги, – такая добыча не по мне. Очень, очень завидно, да ничего не поделаешь. Что редко встречается, это полбеда... но ведь ее, негодяйку, только одним способом изловить можно – подманить на голос! Точь-в-точь повторять ее рулады! Ну, это мне никак...

– Это редкое животное, – сухо сказал Хранитель, – в начале зимы продал мне Урихо.

Растроганное выражение сразу исчезло с лица Охотника.

– Да, это достижение, – неохотно признал он. – Но все равно я не могу уважать этого... этого... даже если вижу такую добычу!

– Почему? Ведь он, как и ты, учился у самого Лауруша!

– Да, учитель у нас один, – мрачно кивнул Шенги. – Старик до сих пор переживает из-за той мерзкой истории. Урихо прошел весь срок ученичества. Перед Обрядом Посвящения нужно показать, чему ты научился: сходить в Подгорный Мир с другим новичком и выполнить простенькое задание. В тот раз ушли за Врата двое, а вернулся один. Урихо чуть ли не балладу спел о своих героических, но бесполезных попытках спасти напарника. Ему бы поверили, но второму парнишке чудом удалось выжить и добраться до Врат... бедняга остался калекой. Он рассказал, как Урихо бросил его на верную смерть – то ли из трусости, то ли из жадности: юношам попалась россыпь Черных Градин, а это и впрямь ценная находка.

– Говорят, – с тягостным чувством сказал Хранитель, – что теперь Урихо в Подгорный Мир ходит без напарников.

– Да? Вот идиот! И до сих пор жив? Очень, очень непонятно!

– Послушай, Охотник, я сам не хочу иметь дела с пролазами. Прошу, помоги мне, останься! Жалованье положу, как двоим платил. Дом купить захочешь – найдем хороший и устроим, чтоб недорого. Ученика взять пожелаешь – ну и прекрасно! Что еще? Моря с кораблями тебе не хватает? О Безликие, да я готов у тебя под окнами залив выкопать! Лопатой! И водой заполнить!

Шенги фыркнул, представив себе это зрелище, и сказал, готовый уже сдаться:

– Я не смогу в одиночку перебить всех тварей в округе. Понадобится хотя бы небольшой отряд.

– Возьмешь лучших наемников. Сам выберешь.

Шенги опустил глаза и нахмурился, только сейчас заметив на мраморной столешнице безобразные бороздки от когтей.

– Да простит мой господин... я изуродовал красивую и наверняка дорогую вещь! Конечно, я готов возместить...

– Ни в коем случае! До сих пор столик был лишь обработанным куском мрамора, а с сегодняшнего дня стал реликвией. Внуки будут хвастаться друзьям: «За этим столом наш дед трапезничал с Совиной Лапой! Видите, вот и следы от когтей!» А друзья будут отвечать: «Вранье! Это вилкой нацарапано!..» Впрочем, поговорим о твоём жалованье. Ты увидишь, что я могу быть весьма сговорчивым и щедрым.

– А ты, почтеннейший Хранитель, увидишь, что я могу быть весьма прижимистым и алчным... Хорошо, давай все обсудим.

3

Костер почти догорел, пламя лениво плясало над углями. Деревья, сомкнувшиеся вокруг полянки, шумели пышными кронами, словно осуждая беспечность спящего у костра человека. День клонился к вечеру, солнце пружинисто покачивалось на верхних ветвях, а странный человек лежал, как в собственной постели.

Не болен ли он? Вполне возможно. Иначе зачем бы в такую жару кутаться в лохматый плащ из медвежьей шкуры, а на голову напяливать плотную шапку? Видны были только часть шеи, ухо и высокая скула. Этот клочок загорелой кожи среди бурого меха казался трогательно уязвимым и придавал человеку беззащитный вид.

Из листвы к костру протянулась ниточка цепкого взгляда. Кто-то невидимый оценил добычу и остался доволен: хорошее мясо, спокойное, и много.

По кряжистому стволу граба потекло вниз странное мерцание. Казалось, нагретый летний воздух колыхается среди листвы. Иногда на странную рябь падал луч солнца и отражался пронзительной вспышкой.

Нечто странное, чуждое этому миру зависло на толстой ветви над головой добычи, прислушиваясь и принохиваясь. Мясо не убегало и не пыталось обороняться.

Сверкающий шар развернулся в длинную гибкую тварь размером с крупного кота. Покуны приподнявшись на задних лапках, тварь огляделась. На гладкой коже искаженно, переливчато отражалось все вокруг: отсветы догорающего костра, листва, темная кора.

Успокоившись, зверь легко спрыгнул на косматый плащ (став бурый от отразившегося на коже медвежьего меха) и метнулся к открытой шее человека.

Но атакующее движение было оборвано у самой цели: возникшая из складок плаща черная лапа перехватила зверя и стиснула так, что когтистые пальцы утонули в податливой зеркальной коже.

Не обращая внимания на трепыхающегося, пронзительно верещащего пленника, человек встал из-под плаща, тряхнул головой, сбрасывая шапку, и левой рукой положил на угли заранее приготовленный пучок темной, резко пахнущей травы. Тут же к небу потянулась черная струя дыма.

На берегу лесной речушки Киджар Деревянный Нож, десятник издагмирских наемников, свистом поднял на ноги маленький отряд, загоравший в густой траве.

– По коням, лодыри! Совиная Лапа знак дает!

* * *

Костер уже не дымил, а весело пылал, похрустывая сухими сучьями. Наемники столпились вокруг Шенги, продолжавшего стискивать в когтях зверька с небывалой – зеркальной! – кожей.

– Тут жало, – объяснял охотник. – В верхней челюсти. Укусит – паралич. Зверь капризный, падаль жрать не станет, ему подавай живую дичь. Потому и называется зеркальный живоед. Парализует добычу, отъест кусок, рану зализет (у него слюна такая – кровь останавливает), выпится, проголодается, еще кусок отгрызет.

– У живого?! – охнул один из наемников.

– Ну и что? Ты вчера варил раков, тоже их в котел живыми бросал. Глянь лучше, красивый какой, переливается! Здесь его выдают вспышки солнечных лучей, а в Подгорном Мире солнце тусклое, неяркое, там он просто невидимка. Думаю, Хранитель пошлет его в Аргосмир. Король собрал неплохой зверинец.

– Да он сдох у тебя, этот живоглот! – хмыкнул десятник.

– Не живоглот, а живоед. И не сдох, а притворяется. Кто-нибудь, дайте вон тот кожаный мешок!

Ловко водворив пленника в мешок и заверив наемников, что зверюга не сумеет его прогрызть («Кожа-то не бычья, парни, а драконья!»), Шенги уселся у огня. Наемники, возбужденно переговариваясь, прилаживали над костром олений бок.

– Повезло тебе, Охотник! – остановился рядом Киджар. – С добычей вернешься! Хранитель за всякую диковинную живность платит не скупясь.

– Повезло? Да я его два дня как выследил! И приманить было несложно, только запарился под этим мехом. Но ведь мы не за такой дичью в поход отправились!

– Чем ты недоволен? – удивился десятник, усаживаясь рядом. – Дорога спокойна, караваны идут, никто купцов не трогает. Мои парни поначалу собственную тень за Тварей принимали, а теперь, глянь-ка, хохочут, купаются. Прогулочка по лесу! За что нам только деньги причитаются?

Шенги веткой поправил угли костра. Десятник ему определенно нравился: славный, веселый парень, – а дисциплину в десятке держит правильную, вояки ему поперек тявкнуть не смеют. К тому же Киджар сам вызвался идти с Охотником, а схватка в ночном лесу с Подгор-

ными Тварями – не ловля воришек на городском рынке! Нельзя же было заранее угадать, что поход окажется таким спокойным.

– А как же та брошенная стоянка? – спросил Шенги. – Кострища, шалаши...

– Ты ж не хуже моего читаешь следы! – фыркнул десятник. – Там ночевало морд пять, не больше. А то и четверо. На них, что ли, грессишь? Брось! Я поспрошал мужиков в той, помнишь, деревеньке, в Ольшанке. Да, шастают по лесу несколько беглых рабов с дубинами, у одного даже меч есть. Жутко опасные злодеи: то у бабки корзинку грибов отнимут, то с шестов одежду, вывешенную для просушки, утянут... Думаешь, это они грабили торговцев, при которых была неплохая охрана?

– Не думаю, – помедлив, отозвался Шенги. – Но потолковать с ними хочется.

Киджар пренебрежительно повел широким плечом, прикусил белыми зубами стебелек медуницы.

– Они могут что-то знать, – сосредоточенно продолжил Совиная Лапа. – Все-таки не верю, что с нападениями на купцов все было так просто.

Десятник выплюнул стебелек и повернул к собеседнику широкое загорелое лицо. Ясные, светло-карие с рыжинкой глаза были веселы и слегка насмешливы. Одна бровь изгибалась чуть круче другой, от чего лицо десятника всегда имело такое выражение, будто он собирается лукаво подмигнуть.

– Не веришь, да? Ты у нас ни во что не веришь! Наш сотник слышал от Хранителя: мол, Шенги и в призрака из Грайанской башни не верит!

– Сотник ошибся. Я сказал: не поверю, пока не увижу.

– Вот вернемся в город – сходи в развалины, если не боишься. Место жутковатое, как раз в таких привидениям и водиться.

– Что там было раньше?

– Замок властителя – еще в Огненные Времена, когда город был большой деревней. Король за что-то казнил властителя и взял земли под свою руку. Деревня разрослась, превратилась в городок, подступила к замку. А в Железные Времена нагрянула грайанская армия.

– Да, знаю, в тридцать девятом...

– Во-во... Захватили городок, замок велели горожанам снести – не хотели оставлять его в тылу. Пощадили только главную башню, чтоб было откуда врага высматривать. Оставили десяток солдат, а сами вперед пошли, но дальше Непролазной топи не дошагали.

– Мой учитель считал, что историю надо знать человеку любого ремесла. Так что можешь не рассказывать, как Артан Золотой Щит врагов в трясины опрокинул.

Киджар сдвинул брови, ловя нить повествования.

– Как докатилась до городка весть о разгроме грайанской армии, издагмирцы пришли в такой боевой восторг, что толпой ринулись бить оставленный у них десяток наемников. Бедняги пытались отсидеться в башне, но куда там! Издагмирцы, они неустрашимые, когда их двадцать на одного.

– А ты не здешний?

– Я-то? Нет, служу здесь года три, а сам из Силурана... Ну, потом, как водится, сложили чужеземцам костер. Да вот беда – одного тела недосчитались. Десятника этого самого... никто уж не помнит, как его звали. Решили, что сбежал в суматохе... ну и ладно, его счастье!

– А он погиб и тело осталось без костра?

– Во-во! Большой грех на издагмирцах! Не смогла душа воина попасть в Бездну, очиститься, воплотиться в новорожденного. И остался призрак десятника в башне, жалуется на горькую участь, проклинает издагмирцев, призывает страшные напасти на Озерное королевство. Тогдашний Хранитель чего только ни пробовал: и со жрецами, и с чародеями советовался, и рабов посылал в развалинах шарить – может, кости сыщутся, сложили бы костер...

Да все без толку! Так башня пустая и стоит. И рядом два дома заколоченных, никто там жить не хочет.

– Ничего, к осени каменщики подлатают башню, поставят ограду. Рядом уцелели пристройки, их тоже приведут в порядок. И расчистят колодец.

– Да ты что?! Эти проклятые руины кому-то понадобились?!

– Ага. Мне. Я там жить буду.

Десятник попытался что-то сказать, но из горла вырвалось лишь шипение. Совиная Лапа невозмутимо продолжил:

– Хранитель рассказал о башне, я из любопытства пошел глянуть и влюбился. О таком доме я с детства мечтал. Маленькая крепость! И колодец во дворе! Тагиарри башню продал очень, очень дешево.

– Дешево, да? – обрел голос Киджар. – Да я бы и с приплатой... А про призрак грайанца ты не забыл? Он как раз этой зимой одному Охотнику шею свернул.

– Сколько лет он в башне обитает – двести с лишним, да? А сколько человек убил?

– Вообще-то первый случай, – озадаченно кивнул наемник.

– Ну, вот... Посмотрим, побеседуем с ним... Как оленина-то пахнет!

Десятник был так потрясен, что не сразу понял, о какой оленине зашла речь.

– А, да! Пахнет славно. Давай-ка по кусочку. Внутри сырая, а снаружи хороша.

Охотник глядел, как Киджар ловко орудует ножом с костяной ручкой, на которой выжжен странный зверь – мощный, толстоногий, с рогом на морде. Он хотел спросить наемника, что за тварь такая, но Киджар уже протягивал ему аппетитный, истекающий горячим соком ломоть мяса. Коротко вздохнув от удовольствия, Шенги взял мясо... и уронил его в золу, вскочил, бросил когтистую пятерню на эфес меча. Тут же оказались на ногах и встревоженный Киджар, и весь его десяток.

Потому что в чаще раздался хриплый рев, который ледяным ознобом отозвался в человеческих душах. Были в этом реве и гнев, и угроза, и злобная радость существа, сознающего свою мощь.

Люди оцепенели, но их заставил прийти в себя спокойный, твердый голос:

– Хворосту в костер! Факелы есть?.. Я спрашиваю: есть факелы?

– Есть, – очнулся десятник. – Три факела.

– Держите наготове, чтоб сразу зажечь. Арбалеты взведите. Если притащится: бейте стрелами по глазам и в пасть. А я пошел...

– Куда? – не понял Киджар.

– Поищу этого горластого парнишку.

И Совиная Лапа, подхватив арбалет, исчез в обступившем поляну враждебном мраке. Его провожали взглядами потрясенные наемники.

Отходя от стоянки, Охотник переложил арбалет в правую руку, а левой вытащил из-за ворота рубашки стальную цепочку с бархатным мешочком на ней. Нетерпеливо сдернул бархатный чехол, под которым оказалась треугольная серебряная пластинка. Снова заправил цепочку за ворот, холодное серебро прильнуло к коже...

Шенги помедлил, привыкая к изменившемуся миру. Лес словно превратился в карту, на которую нанесены каждый ручеек, каждый овраг. Где ближайшие Врата? На северо-западе... очень, очень далеко! Охотник сосредоточился, прижал ладонь к груди, вдавливая талисман в кожу, и сумел уловить за Вратами мерный шум волн. Море! Не могла оттуда явиться Клыкастая Жаба!

Так, ладно, а где она сейчас?

Прикрыв глаза, Охотник представил себе поднявшуюся на задние лапы жабу размером с корову. Плоская голова с круглыми глазищами и мощными клыками... длинные передние

лапы, сложенные перед грудью... выпуклые мышцы под бледно-коричневой кожей... тяжелый чешуйчатый хвост...

Ну, нет поблизости такого существа! Нет, и все!

Не может быть, чтоб подвел талисман, до сих пор служивший безотказно! Правда, Шенги старался применять его пореже – с колдовскими штуками нужна осторожность.

Для проверки Шенги пожелал узнать, где находятся оставленные им наемники. Карта услужливо подсказала, где в лесу горит костер. Наемники были там... кроме одного! Он шел следом за Совиной Лапой!..

И тут же за спиной Охотника треснул сук. Шенги обернулся, прислонился к черному стволу и выжидающе застыл.

На прогалину, в полосу лунного света, вышел Киджар с мечом наизготовку. Напряженно огляделся.

– Эй, – негромко окликнул его Охотник, – тебе что, у костра жарко стало?

– Ты здесь? – обрадовался наемник. – Ну, хвала Безликим! Я почти сразу за тобой пошел.

Как же тебе одному против такого зверя!

– Смело! – оценил Охотник. – А сейчас вернемся к костру. Нет здесь Клыкастой Жабы.

– То есть как это? Мы же слышали...

– Верно, слышали. Но сейчас твари поблизости нет. Просто поверь на слово, у Охотников свои секреты. Объяснение вижу только одно: зверь ушел во Врата – и они тут же за ним закрылись.

– А такое бывает?

– Многоликая его знает... Я слышал, что бывает, но это говорили пролазы, им веры нет.

Десятник немного расслабился, но еще с опаской поглядывал во мглу.

– Говоришь, нет зверюги?

– Ручаюсь... Хвала богам, лето кончается, а ни одного нападения на караваны. Нам очень, очень везло.

– А вот это Хранителю знать не обязательно! Пусть думает, что наша отвага купцов берегла.

– Шутки шутками, а ты, десятник, молодчина. Как ты за мной следом... во тьму, от костра! Не трус! Может, даже наберешься смелости и зайдешь ко мне в гости, а? В Грайанскую башню?

– А что, – хохотнул Киджар, – может, и зайду проведать!

4

Да куда же смотрели Безымянные? Человеку скоро сорок, а он впервые проводит ночь под крышей своего дома. Собственного. Настоящего. Никому другому не принадлежащего.

Тихо. Одиноко. Хорошо. В каком-нибудь Грайане или тому подобном Силуране набегала бы толпа с подарками и поздравлениями, притащили бы музыкантов, а хозяин вынужден был бы следить, чтоб всем хватило еды и вина и чтоб перепившиеся гости не поубивали друг друга. Это вместо того, чтобы вслушиваться в священную тишину своего нового крова, ощущая себя единым целым с домом, где отныне будет протекать жизнь.

Нет, в Озерном королевстве понимают, что такое новоселье! Тревожить хозяина в такие мгновения – все равно что беспокоить молодоженов в брачную ночь. На днях зайдет Киджар, один или со своими парнями. Возможно, дом почтит визитом и Хранитель. Будут поздравления, будут подарки. Но эта ночь, первая, принадлежит хозяину. И его семье, если она есть.

Ну, это не для Совиной Лапы. Не тянет как-то к семейной жизни. Особенно с тех пор, как исчезла Ульнита...

Куда же она пропала, светлокосая красавица силуранка? Не могла же и впрямь бросить его, когда он валялся с приступом лихорадки, подхваченной на иномирных болотах! Бросить напарника, беспомощного, умирающего, в незнакомой деревне на попечении каких-то подозрительных людей... ну нет! Только не Ульнита!

Когда он пришел в себя, с ужасом выслушал рассказ хихикающих и подмигивающих хозяев о том, что его красотка подружка смылась не попрощавшись. Схватился за талисман, но драгоценная пластинка не могла показать весь мир, а поблизости Ульниты не было...

С тех пор были другие напарники, некоторые очень хорошие. Были и женщины, но ни одна не навела на мысли о доме и семье. Да оно и к лучшему!

Ладно, Совиная Лапа, незачем грустить. Скоро и в твоём доме зазвенит детский смех. Не зря с вечера над воротами приколочено решето – знак, что мастер намерен взять ученика. Причем решето перевернутое – ученика возьмут без платы.

Еще бы! Мало кто из родителей захочет купить своему ребенку такое опасное будущее! Тут надо рассчитывать на сироту, шустрого и смелого бродяжку, каким был он сам до встречи с Лаурушем.

Такому, наверное, новое жильё с непривычки покажется сказочным дворцом...

А может, наоборот – жутким логовом, полным опасных тайн?

Новый хозяин Грайанской башни обвел взглядом высокое просторное помещение, лишь частично освещенное пламенем очага. Кованая решетка отбрасывала на пол четкую тень.

Когда-то в зале жили стражники властителя, потом королевские наемники, потом воины-грайанцы. На память о тех временах вдоль стен остались каменные выступы: на них настилали доски, на которых спали солдаты. Надо будет сделать такие постели для себя и ученика – поближе к очагу. А сегодня придется спать на полу, раз успел купить только стол да скамью, да и те еще в зал не затащил, во дворе оставил.

Ничего, скоро будет уютнее. На пол лягут тростниковые циновки. Распахнутся ставни – стекольщик принесет стекло, хорошее, наррабанское. Очень, очень дорогое удовольствие, зато не надо заколачивать ставни на зиму. Не бедняцкая лачуга – дом Охотника! Посветлее станет. Не будет убегать во мрак вырубленная в стене лестница на второй ярус. Кстати, опасная лестница: ступеньки узкие, крутые, без перил. Надо предупредить мальчишку, чтоб зря не шастал наверх. Тем более что на втором ярусе ничего интересного нет: пусто, пыльно и холодно. Потом – это уже мечта! – там будут полки с книгами. Всегда хотелось иметь библиотеку – вот и пожалуйста, лишь бы деньги позволили. Надо плотнику полки заказать.

А мальчишка все равно полезет наверх, запрещай не запрещай. Их, паршивцев, всегда на верхотуру тянет. К тому же над вторым ярусом – площадка, обнесенная зубчатым парапетом. Весь город оттуда виден. Какой малец устоит...

Когтистая лапа взяла из железной скобы факел, поднесла к огню очага. Факел вспыхнул, тьма шарахнулась прочь. Сводчатый зал показался просторнее, но не стал приветливее и веселее.

Факел плавно двинулся вдоль стены, отбрасывая неровные отсветы на темно-серый слой войлока. Зимы тут холодные, каменную махину протопить – никаких дров не хватит. Пришлось обшить стены досками, а поверху пустить войлок. И сволочи же эти мастера: содрали как за ремонт дворца, а дело сделали паршиво. Вон какие щели! Впрочем, у Совиной Лапы была причина принять кое-как сляпанную работу – нелегко было найти смельчаков, которые рискнули бы сунуться в Грайанскую башню!.. Ничего, щели законопатить можно. И развесить шкуры или ковры подешевле.

Шенги поймал себя на том, что проговорил последнюю фразу вслух. С ним такое случилось – стареет, что ли?

Хозяин Грайанской башни поднял факел, огорченно разглядывая пазы между досками. И тут неверные, коптящие языки пламени озарили нечто такое, чего здесь никак быть не могло.

Шкура, бурая шкура громадного медведя, растянута поверх войлока. Огромная голова скалилась во мрак, в мертвых глазах отражались красные блики огня.

Человек не шарахнулся прочь, даже держащая факел лапа не дрогнула. Шенги просто стоял и глядел на шкуру, словно чего-то ожидая.

Медвежья голова медленно повернулась к человеку. В маленьких плоских глазах стыла ненависть. Клыкастая пасть распахнулась. По угрюмому темному залу пополз заунывный голос:

– Жалкий смертный, как посмел ты переступить этот порог? Прочь отсюда, не то древние стены содрогнутся от вида медленной смерти, что настигнет тебя!

Выразительная декламация пропала зря: «жалкий смертный» не бросился наутек. Более того, на лице его появилось разочарование.

– А разве не в стихах?.. – огорченно спросил он.

– Чего-чего-о?.. – От неожиданности в голосе косматого чудовища зазвучали вполне человеческие нотки.

– Говорят, ты изъясняешься стихами, как в старых пьесах. Люблю старые пьесы! Ничего, сосед, не огорчайся, все равно спасибо на добром слове. Это насчет медленной смерти. Согласен, спешка тут ни к чему.

По медвежьей шкуре прошла рябь, она начала расплываться, терять очертания. На том месте, где грозила клыками страшная пасть, начали проступать черты лица, немолодого, с длинными длинными усами и глубоким шрамом через правую щеку.

– Это кто ж в моей башне такой смелый завелся? – недобро прищурилось лицо.

– Вот это правильно! Не мешает познакомиться, раз под одной крышей жить будем. Я прозываюсь Шенги, иначе – Совиная Лапа. – Человек, переложив факел в левую руку, гордо продемонстрировал лапу, покрытую сухой черной кожей. – А тебя как прикажешь величать?

Увлеченный созерцанием лапы призрак не сразу понял, что к нему обратились с вопросом. А когда понял, угрюмо отозвался:

– Смертный, ты недостойн знать мое имя.

– Да? Ну, как знаешь. Но называть тебя как-то надо, верно? Рассказывали мне про твою судьбу, очень, очень печально! Вот что, будешь теперь ты у меня Бедняжкой!

Неистовый рев всколыхнул воздух, яростной волной ушел под невидимый во мраке свод и, отразившись о каменный потолок, рухнул вниз. Перед человеком на уровне глаз из стены выросла уродливая голова, покрытая чешуей, украшенная кроваво-красным глазом и изогнутыми рогами.

Шенги отшатнулся, выставив между собой и чудовищем факел, но тут же опомнился и расхохотался:

– Здорово! Вылитая Железнорогая Черепаха! А других Подгорных Тварей изображать умеешь?.. Слушай, у меня к тебе просьба будет. Я надумал взять ученика. Можно здорово устроить: я ему рассказываю о разных тварях, а ты их показываешь, а, Бедняжка?

– Не смей называть меня Бедняжкой! – проскрежетала пасть.

– Извини, но ты же отказался назвать свое имя!

Голова чудовища вновь сменилась вислоусой физиономией, на которой теперь было озадаченное выражение.

– У меня имени сроду не было, – угрюмо сообщил наконец призрак. – Я из Отребья. В десятке меня называли Старый Вояка.

– Хорошо, – покладисто согласился Шенги, – и я так буду.

– Тебе не придется со мной разговаривать! Тебе и жить здесь не придется! Проклятые гурлианцы! Ненавижу!

– Потому и рабочим моим пакостил? – попенял ему Шенги. – А знаешь, сколько их хозяин за твои штучки с меня слупил? Да и то сказать, каково работягам приходилось – берешь

ведерко с белилами, а из него кровь капать начинает! – Охотник представил себе эту картину и, не удержавшись, расхохотался.

Смущенный и раздосадованный его смехом, призрак начал быстро таять.

– погоди! – окликнул его Совиная Лапа. – Ты куда? Мне еще столько спросить... Эй! Старый Вояка!

Ответом было молчание. Пожав плечами, Шенги вернулся к очагу и начал устраивать себе на полу временное ложе.

Он ожидал, что до рассвета над ним будут раздаваться стоны, вопли и проклятия. Однако ночь была тиха, ничто не нарушило сон владельца Грайанской башни.

* * *

У ночи свои чары, у рассвета – свои. Солнце хлынуло в распахнутое окно, превратив зал из мрачного и таинственного в скучный, неудобный и нежилой. Голые плиты пола, серый войлок по стенам, стылая зола в очаге...

Шенги вышел на крыльцо. Огляделся. Напомнил себе, что все вокруг – его собственность. И круглый колодец посреди двора. И раскидистая старая яблоня над колодцем. И пустая конюшня с пустым сеновалом над ней. И пристройка, которую надо определить под летнюю кухню, чтоб реже топить большой очаг в башне... О Безликие, обо всем-то хозяину думать нужно! И столько дел! Купить доски для постелей, затащить в дом стол и скамью, что сиротливо торчат во дворе. О запасах позаботиться: купить муки, вина, масла, окорок побольше... что еще? Ох, никогда своим домом не жил! Может, проще купить рабыню-стряпуху, она скажет, чего недостает на кухне? Тем более что времени на возню с готовкой не будет – хватит хлопот с учеником...

Ученик! Вновь и вновь мысли возвращаются к нему. Однажды выйдет Шенги со двора, а у ворот сидит мальчишка. Ждет, когда мастер соизволит обратить на него внимание. А Шенги – уж как водится! – даже глазом не поведет, пройдет себе мимо. В лавку ходит или по другим каким делам. Нельзя ж так сразу... несолидно!

Конечно, ученик явится не скоро – решето над воротами лишь вчера приколочено.

А ноги сами несут к калитке – выглянуть, проверить...

Работать нужно! Делом заниматься! Стол в дом затащить!

А руки сами засов из пазов вынимают...

Калитка, противно взвизгнув на новых петлях, открывается.

Ну и что тут можно увидеть, кроме пустыря да заколоченных домов?..

Ребятишек можно увидеть. Девочку и двоих мальчишек. Сидят чинно, руки на коленях сложили, как велит обычай. А глазами друг на дружку сверкают, что-то зло шипят сквозь зубы. Сразу трое! Выбирать придется... не ждал, не ждал!

– Эй, мелочь, вы ко мне? Заходите, раз пришли!

Ох, а традиции-то как? Ну, раз позвал, не гнать же обратно!

Во двор вошли чинно. Похоже, оробели: мастер забыл накинуть плащ, лапа на виду во всей красе. Ничего, пускай любуются. Трусишки в этом доме не нужны.

Мальчишкам лет по двенадцать-тринадцать. Разные какие! Вон тот, темноволосый, в бархатном камзолчике, – ну, львенок! Гордая посадка головы, глаза сверкают, плечи расправлены! На лапу с когтями глядит без страха... какое там – с восхищением!

Второй – тощий, белобрысенький, остроносый – и держится скромнее, и одет так, словно у огородного пугала наряд выпросил поносить. Похоже, уже не рад, что сунулся в логово Совиной Лапы. Что ж, ворота не на запоре, никого силой не держим.

Девчонка помладше будет, лет одиннадцати-двенадцати. Ясно, что этот цветок расцвел не на здешних полянках. Наррабанскую кровь за драконий скок видно! Не в том даже дело, что

смуглая да черноволосая... а какие движения плавные! Какая походка! До чего же в этих мелких паршивочках видна будущая женщина! Глазки смиренно потупила, однако можно поспорить на лепешку с медом – успела рассмотреть и двор, и дом, и его, Шенги.

Что ж, даме – первое место.

– Юная госпожа, кажется, из Наррабана? Как зовут?

– Нитха-шиу, господин.

Вот так! Не просто Нитха, а Нитха-шиу. Обязательно надо уточнить, что девственница, а то вдруг кто усомнится... Ох уж этот Наррабан!

А голос у малышки почти взрослый – глубокий, бархатный, с придыханием:

– Я из Нарра-до, господин. Из очень хорошей, уважаемой семьи. Мама умерла, старшая жена отца меня не любит. А я много слышала о подвигах великого Шенги... и умирала, просто умирала, так хотела стать его ученицей... Подгорной Охотницей...

– Эге, девочка, стоп! Это очень, очень трогательно, но плохо ты гурлианские обычаи знаешь. Когда впервые беседуешь с мастером, ни за что врать нельзя! Не нравится вопрос – промолчи, а врать – беду накликаешь. Примета такая.

Оскорбилась так, что вскинула глаза. Огромные, в пол-лица, и черные, как отчаяние. И в них закипают слезы.

– Я не лгу, господин! Когда была маленькой, мне вместо сказок... – Голос пресекался так обиженно, что Шенги почувствовал себя виноватым. Но тут же опомнился: ведь врет, негодница, определенно врет! Он, конечно, Охотник известный, но не настолько, чтоб за морем, в чужой земле, про его приключения – детишкам на ночь вместо колыбельных...

Вот, кстати, повод избавиться от красавицы. Брать ученика, так парнишку, а с этими пташками-щебетуньями – одна головная боль.

– Ну-ка, Нитха из Нарра-до, расскажи, что тебе про Совиную Лапу слышать приходилось! Сейчас вконец смутится и разревется...

Ничего подобного. Приободрилась, сверкнула мгновенно просохшими глазищами. И начала плавно, словно впрямь давно заученное:

– Случилось однажды, что волей богов Подгорный Охотник, не носивший еще имени Совиная Лапа, и его напарница обнаружили ведущие из Подгорного Мира Врата, через которые не проходил еще ни один человек. И сказали друг другу: «Пусть мы погибнем, но узнаем, куда ведут эти Врата!» Решив так, они вверили судьбы богам и бесстрашно шагнули за Грань Миров...

Красиво излагает, паршивка! А ну-ка, если попробовать сбить эту сказительницу?

– А как звали напарницу, случайно не знаешь?

Даже бровью не повела, не задумалась ни на миг:

– Ульнита Серебряное Кольцо из Семейства Шагупаш. Из Силурана, из деревни Сладкий Родник... Рука судьбы вывела отважных Охотников на берег реки Литизарны, к месту черного колдовства. На берегу возвышался алтарь злого демона по прозванию Совиное Божество. Там вершилось кровавое жертвоприношение...

И поет, и поет! Ульните бы понравилось, она любила такой возвышенно-торжественный слог. И ни слова о неопытных щенятах, не заметивших, как проскочили Врата. И о ледяном страхе, о струйках пота вдоль спины. И конечно, ни словечка о талисмানে. Тайна, она тайна и есть.

Мальчишки уши развесили, а заморская птичка продолжает заливаться:

– И в знак той победы боги отняли часть силы у мерз-

кого демона и даровали эту силу Подгорному Охотнику. Превратилась его правая рука в подобие лапы, могучей, со стальными когтями, каждый из которых острее меча. Возрадовался Охотник и воскликнул: «Отныне я никогда не буду безоружным!» В благодарность богам он изменил в храме имя и стал называться Шенги, что означает Совиная Лапа...

– Так, стоп. Это ты могла услышать где-нибудь по дороге. А ну-ка, еще что-нибудь расскажи!

Белобрысый паренек бросил на Шенги быстрый взгляд и тут же потупился. Но Совиной Лапе показалось, что в глазах мелькнула насмешка. Дескать, нравится господину слушать, как девчонка ему хвалы поет...

А малышка уже излагала историю о том, как Шенги и его напарница остановились на ночлег в силуранском замке и предложили властителю купить добычу. Коварный властитель решил получить товар бесплатно и угостил Охотников вином из особого кувшинчика. Очнулись они в подземелье, связанные по рукам и ногам.

– И тогда Шенги, могучий, как три воина, напрягся и разорвал веревки, словно они были гнилыми. Он грозно произнес: «Я никогда не бываю безоружным!» И вонзил он когти в дверь, и вырвал засов, как вырывают сердце из груди врага...

– Ладно, хватит. Извини, что не верил. И ты приехала сюда через три страны?

– Через четыре, господин. Море тоже страна, ею правит Морской Старец.

– Учить она меня будет... Как тебе родня-то позволила?

– Не позволила. Но отец знает, я оставила ему записку.

Шенги почувствовал, как под ложечкой заворочался тугой ком страха.

– З-записку? Но с кем же ты ехала? Ведь кто-то из взрослых с тобой был?

– В Наррабане говорят: «Если смелый в пути один, у него боги в попутчиках!»

Черные глаза блестели таким победным торжеством, что Охотник раз и навсегда поверил: да, эта ненормальная прибыла сюда одна. Через Наррабан, Грайан и Гурлиан. И через море, которым правит Морской Старец. Она добиралась сюда, чтобы стать ученицей Совиной Лапы. На каждом шагу ее могли ограбить, изнасиловать, продать в рабство, убить... Она стоит перед ним, торжествующая и веселая, в чистенькой дорожной одежде (где стирать-то ее ухитрялась?). То ли на редкость смышленная, смелая и ловкая, то ли ей потрясающе, невероятно везет!

И Шенги должен сказать: «Извини, малышка, но я хочу взять в ученики мальчика. Поезжай-ка домой. Через Гурлиан, Грайан, Наррабан... ах да, и через море...»

Чтобы скрыть смятение, Совиная Лапа обернулся к белобрысому мальчугану:

– А тебя как величать прикажешь?

– Дайру, господин, – почтительно ответил мальчик и замолчал. Молчал и Шенги, ожидая продолжения. Наконец Охотник не выдержал:

– Ну, дальше-то как? Дайру Говорящий Журавль... из какого Семейства? – Шенги скользнул взглядом по нищенской одежде мальчика и без особой уверенности продолжил: – Или... из Рода?

Темноволосый парнишка презрительно хмыкнул.

Уши Дайру запыхали.

– Я... нет, господин, это не имя... просто мама говорила, что я похож на птицу... на журавля...

Девочка поджала губки. Видно, знала уже, что это значит, если сыну дает имя мать, а не отец. Собственно, не имя даже, а прозвище.

Незаконнорожденный. Отребье.

– Я из Грайана, – мучительно отвел взгляд Дайру. – Из Анмира. Мой отец был переписчиком книг и смотрителем библиотеки Хранителя. Он не дал мне имени, но воспитывал меня. С четырех лет читаю и пишу, с семи помогал отцу в библиотеке.

Вот как! Потому-то у мальчугана и речь такая гладкая, книжная.

– Так в чем же дело? Помогал бы и дальше, чудесная ведь работа!

– Да, господин мой, но отец умер. У него оказалось много долгов, все пошло с торгов... мама умерла за год до этого... А я всегда мечтал стать Подгорным Охотником, перечитал

все, что сумел найти. Подумал, надо попробовать... – Голос мальчика от волнения начал срываться. – Но тогда надо к лучшему...

– А лучший, стало быть, я?.. М-да, как сговорились... Только, во имя Безликих, не рассказывай истории обо мне. Лучше назови прочитанных тобой авторов, ну, кто писал о Подгорном Мире...

Мальчик сразу успокоился и начал перечислять неторопливо, вдумчиво:

– Тагишагр, Лауруш, Зантиянш, Юнтагифер, Сайдан...

– Стоп... ты что, и Сайдана уже осилил?

– Да, господин, «Природу складок».

– Серьезная книжица! А ну-ка... – Шенги задумался, по памяти подыскивая в длинном, нудном трактате место, которое мальчику было бы не слишком сложно пересказать своими словами. – Как Сайдан объясняет происхождение складок?

Дайру выпрямился. Взгляд серьезных серых глаз уплыл куда-то за плечо Охотника. Из уст ребенка плавно потекло:

– «Теперь, когда доказано, что Подгорный Мир суть несколько миров, исковерканных и смятых в прозрачные взаимопроникающие складки в результате некоего катаклизма, возникает вопрос: какова причина упомянутого катаклизма? Существует шесть гипотез, кои я готов рассмотреть поочередно, начиная с той, которую считаю наиболее убедительной. Выдвинул ее в пятом году Железных Времен Санфир Ясная Память из Клана Лебеда, Ветвь Белого Пера. Высокородный Санфир считает, что виновниками превращения Подгорного Мира в клубок складок являются пятеро Ночных Магов, происходящих из Силурана, Грайана и Гурлиана. Прозвища этих преступников (отринувших свои истинные имена) следующие: Фолиант, Ураган, Орхидея, Немое Дитя и Вечная Ведьма. Основав на территории Силурана так называемую Кровавую крепость, богомерзкие колдуны в результате опасных экспериментов сумели пересечь Грань Миров. За Гранью они встретили нелюдей, трое из которых (известные как Ящер, Безумец и Чуткий) стали их единомышленниками, в результате чего преступники вошли в историю под прозвищем Восьми Магов. Точную дату...»

– Стой, малыш! – преодолел оторопь Шенги. – И долго так можешь, наизусть?

– Сколько прикажет господин. Отец говорил, что у меня уникальная память. Все, что прочту, запоминаю навсегда.

– С ума сойти! А ну-ка, проверю! Говоришь, читал Лауруша? А какую из его книг? «Хищники Подгорного Мира» читал?

– Конечно, господин. Очень интересно.

– Как он описывает Черных Прыгунов?

– «Опасные существа, похожие на черных кузнечиков размером с филина. Нападают стаей, прыгают на добычу, вцепляются в нее передними лапами, терзают когтями задних. Кровь из нанесенных ими ран течет не останавливаясь. В когтях Черных Прыгунов яд, вызывающий бред и влекущий медленную смерть. Твари эти...»

– Ладно, хватит. Верю.

Ну, парень! Ну, чудо!.. И что теперь с этим чудом делать? У заморской перелетной пташки хоть в дальних землях отец есть, а у этого бедолаги...

– Дайру, у тебя какая-нибудь родня имеется?

– Нет, господин. Никого.

Вот и решай!.. Ладно, потолкуем с третьим. А то он от нетерпения губы себе искусал.

– А тебя как звать, паренек?

– Нургидан Черный Арбалет из Рода Айхашар. Сын властителя Замка Западного Ветра.

Вот откуда надменность! Сын Рода! Этот не пропадет и без Шенги. Достаточно взглянуть на дорогой камзол – фиолетовый, с серебряным шитьем. И на меч в богато украшенных ножнах.

– И ты, как я понимаю, всегда мечтал стать Подгорным Охотником?

– Конечно. Настоящее дело для настоящих мужчин.

Красив, паршивец! Лет через пять девчонки в окна будут выскакивать, чтобы побывать в его объятиях! Правильный нос, твердый рот, хорошо очерченный подбородок, ровные дуги бровей. Необычнее всего глаза – не зеленые, а зеленоватые, мерцающие.

– Нитха добралась сюда из самого Наррабана. Дайру целые книги наизусть цитирует. А ты чем можешь похвалиться?

– Я брал уроки карраджу и неплохо научился держать меч.

– Карраджу – это очень, очень хорошо, но в Подгорном Мире «смертоносное железо» – не главное... Впрочем, посмотрю, чему ты научился.

Принести оружие – дело недолгое. Нургидан ждет, подняв меч в оборонительной позиции «верхний щит». Разумно, когда противник выше ростом.

– Не стой столбом! Атакуй!

Этому дважды повторять не надо! Налетел, завертелся, залязгал клинком о клинок. Надо же, проворный какой! И злющий, как звереныш. Его отшвыриваешь, а он снова в бой бросается!

На какое-то мгновение Шенги утратил снисходительное отношение к противнику. Ему показалось, что против него выставлен опытный взрослый боец.

Пора эту забаву кончать, а то парнишка что-то разошелся. Удар, зацеп, захват... рывок! И меч Нургидана улетает на другой конец двора.

– Подними свое оружие. Ты молодчина! Слушай, а почему не хочешь в наемники?

Ответил сразу, не задумываясь:

– Наемник подчиняется десятнику, десятник – сотнику, сотник – дарнигару. Не хочу подчиняться никому! Разве что сначала, пока ученик...

– И на том спасибо. А твой отец не оторвет мне голову за то, что я его наследника в опасное дело втягиваю?

– Я не наследник, у меня есть старшие братья. И еще... вот!

Развязав лежавший на земле мешок, мальчик достал пергаментный свиток.

Холодное, сухое письмо, в котором Аргидан Золотой Арбалет из Рода Айхашар, властитель Замка Западного Ветра, позволяет своему младшему сыну Нургидану избрать для себя любое ремесло, какое ему, Нургидану, придется по душе.

Ох, что-то тут не так...

Шенги медлил с письмом в руке. Юный Сын Рода догадался, что мастер не хочет его брать, и в отчаянии бросил последний довод, припасенный, словно кинжал за голенищем:

– И я уже убил Летучего Скорпиона!

Ого, вот это уже очень, очень серьезно! Такой победой мог бы гордиться любой Охотник.

– В самом деле, мой мальчик? И как же ты его убил? Расскажи-ка поподробнее!

Нургидан остановился, словно конь на всем скаку, яростно дыша. Когда наконец заговорил, в голосе зазвенели тоскливая безнадежность и злой вызов:

– Я... я не могу рассказать! И не скажу почему... Но клянусь именем отца, клянусь золой с костра моего деда, я убил эту летучую тварь! И это был честный поединок!.. Ты не берешь меня, Совиная Лапа? Ну и ладно! Все равно стану Охотником! В «Счастливом путнике» остановился Урихо, он возьмет, он научит...

Мальчик подхватил мешок и, резко повернувшись, пошел к воротам, прямой, словно пламя свечи. Голова высоко поднята – не для того ли, чтобы удержать слезы?

– Подожди, – негромко сказал ему вслед Шенги. Мальчик сразу остановился, но не обернулся.

Шенги еще не принял решения, но понял: он никогда не простит себе, если этот гордый, отважный паренек уйдет к пролазам.

Как же выбрать одного из троих? О, вот мысль! Еще одна проверка на смелость!

– Ребята, я забыл предупредить... Моему ученику придется жить под одной крышей со зловещим, недобрый призраком!

– Грайанский десятник, что ли? – презрительно отозвался Нургидан, все еще не оборачиваясь. – Слышали! По-ду-ма-ешь!

– Призрак? – восхищенно взвизгнула Нитха. – Ой, интересно! Как в сказке!

Серые глаза Дайру затуманились мечтательной дымкой:

– А разговаривать с ним можно? Он же, наверное, самого короля Лаограна видел!

Вот и пугай их, такую лихую команду...

Стоп! Что это он, Шенги, сам себе сейчас сказал?

Команду?

Очень, очень интересная мысль! А почему бы не вырастить команду Охотников? Тройку, которая с детства привыкнет действовать как один человек! Учил же Лауруш его вместе с Ульнитой! И как потом хорошо работалось с такой напарницей!

Конечно, денег понадобится уйма, ведь трое на шею окажутся... Ничего! Он все-таки не нищий.

– Ну, что с вами делать, настырная вы банда? Беру всех троих!

Грайанская башня лет триста не слыхала такого ликования. От пронзительных счастливых воплей призрак Старого Вояки, наверное, забился в самый темный угол.

– Ладно, уймись, горластые! Цыц, я сказал! Сегодня пойдем в храм и принесем клятву. Нургидан, взберись на ворота, сними решето, пока Серая Старуха на мою голову четвертого ученика не принесла!

5

Это только с парадного входа игорный дом «Путь по радуге» украшен большими светильниками из цветного стекла. Это только у главных дверей девицы в нескромных нарядах бойко жонглируют зажженными факелами, а поэт в пестрой одежде во весь голос читает стихи о лисе-удаче, что, вертя хвостом, бегаёт от игрока к игроку. Это лишь у порога, раскрашенного в семь цветов радуги, звенят струны в такт речам поэта и сквозь их напев прорываются хриплые крики сидящего в клетке наррабанского попугая: «Пр-риходите! Игр-раем! Игр-раем!»

А заднее крыльцо утонуло в зарослях калины и бузины, буйно заполонивших задворки до каменной полуразрушенной ограды.

Какой-нибудь рачительный хозяин мог бы упрекнуть владельца игорного дома в том, что тот запустил задний двор. Вырубить бы эту поросль, заодно ограду починить. Мало ли кто перемахнет через полуразвалившуюся каменную кладку, прокрадется сквозь спутанные ветви к заднему крыльцу...

Но владелец «Пути по радуге» знал, что делает. Не было в городе вора, который рискнул бы полезть за добычей в игорный дом. Конечно, от погребального костра никому не уйти, но зачем же самому себе поленницу складывать?

А вот от крыльца к ограде сквозь заросли часто скользили тени. Особенно во время визитов стражи. Десятники действовали расторопно и сноровисто, заранее ставили своих людей у входа и под каждым окном, но никогда – никогда! – на пустыре, который отделяла от заднего двора каменная стена. Неписанные правила – самые строгие.

На крыльце стояли двое – дышали ночным ветром, живительно свежим после приторного запаха благовоний, которым был густо насыщен воздух игорного дома. Мужчины не начинали разговор, наслаждаясь тишиной, чистой и ясной.

Наконец один из них, высокий, плечистый, в плаще с наброшенным на голову капюшон, из-под которого виднелась седая бородка, сухо спросил:

– Принес?

Второй – плотный, коренастый, одетый как зажиточный торговец – похлопал по бархатному мешочку у пояса:

– Здесь. Все три. Деньги?..

Тяжело звякнули золотые монеты. Бархатный мешочек перешел из рук в руки.

– Сколько они у тебя лежали?

– Полтора года. Ты не бойся, ничего им от времени не делается. Главное – в воду опустить, хоть в ледяную... Впрочем, кого учу, сам лучше меня все знаешь.

– Я? – деланно удивился седебородый. – Мне-то откуда в таких делах разбираться? Я просто посредник. Мне велели достать – я и нашел.

– Мог бесплатно найти, за Гранью. Эх, Урихо! Нацепил бороду из пакли – так тебя и не узнать? Сапоги бы сменил, вон какие приметные вырезные отвороты!

Глухо помянув Хозяйку Зла, Урихо откинул капюшон. Седая борода нелепо выглядела на красивом лице, искаженном гримасой досады.

Торговец с удовольствием наблюдал за произведенным впечатлением.

– Слушай, я не спрашиваю, зачем тебе понадобился такой поганый товарец...

– Вот и не спрашивай, – перебил его Урихо, который уже пришел в себя.

– ...но хочь сказать, что я продешевил.

Торговец остановился, ожидая возражений, но Урихо молчал. Нахмурившись, торговец пояснил:

– Не та диковина, чтоб перед соседями хвастаться, верно? Не знаю, зачем ее кто-то покупает, но скоро узнаю. И весь город узнает. Люди кричать об этом будут!

– Не будут. Заказчик на днях уезжает. Если и поднимется крик, то не у нас.

Торговец недоверчиво хмыкнул:

– Может, и так. Я в чужие дела не суюсь. Я скромный, тихий и неразговорчивый. Неужто такие добродетели останутся без награды?

– Особенно неразговорчивость, да? – усмехнулся Урихо. – Ладно, потолкую с заказчиком.

На самом деле он уже принял решение. Дурак торговец подписал себе смертный приговор.

Торговец, не подозревающий, что перед ним уже распахнута Бездна, вслушался в доносящийся из глубины дома женский голос.

– Это Черная Азалия поет?

– Нет, Шелковинка. Черная Азалия сегодня не выступает.

– Азалия – дрянь и ломака! – обиженно поведал торговец. – Я ее на днях в гости позвал, намекнул насчет красивого браслета. Все вежливо, благородно. А она... мало того что хохотала, как гиена наррабанская, так еще Гахтхору наябедничала. Ну, знаешь, торговец рабами. Такой детина, что если приделать к нему колеса – выйдет осадная башня. Кричал, что из меня потроха через глотку выдавит. Как же, испугался я! Не дождется!

Урихо быстро сообразил, что подворачивается удобный случай.

– Гахтхор? – переспросил он. – А я-то думаю, с чего это он сегодня такой мрачный? Сидит у дверей и вином по самую макушку наливается.

– Кто? Гахтхор? – изумился торговец. – Он же вчера... в Наррабан... домой...

– Задержался на три дня. Говорят, из-за Черной Азалии.

Это известие явно не сделало торговца самым счастливым человеком в Издагмире.

– Ах ты, привела же Многолика! Знаешь, не буду возвращаться в дом, уйду через пустырь. А ты не забудь, потолкуй с заказчиком.

– Потолкую, – серьезно ответил Урихо, нагнувшись и поправляя подколенный ремень. Сквозь мягкую, прекрасно выделанную кожу сапога он нащупал за голенищем нож. На пустыре найдут еще один труп, не первый и, надо полагать, не последний.

Торговец пробирался сквозь кусты, пыхтя и треща ветвями. Урихо беззвучно двинулся за ним. Вот это ничтожество карабкается на стену. Метнуть нож в спину? Или догнать и ударить?

И тут в осеннюю ночь ворвался кошмар из старых сказок. Непомерно большие крылья распахнулись на полнеба перед глазами оцепеневшего Урихо, бесшумно плеснули по воздуху. На мгновение луна отразилась в огромных желтых глазах. Мышонком пискнул торговец, унесенный в черное небо.

Урихо упал на колени, беззвучно, но истово благодаря богов за спасение.

Древний демон вновь вылетел на добычу!

* * *

В этот миг на другом конце города проснулся человек по прозвищу Совиная Лапа.

Разом сбросив марево сна, он поглядел на свою правую руку. Черные сухие пальцы жили собственной жизнью. Они сжимались, сухо постукивая когтями, и резко разжимались. Лапа словно хотела что-то выцарапать из воздуха. Такое уже случалось с Охотником. И он догадывался, что означают эти злобные движения.

Медленно, сосредоточенно Шенги подчинял себе взбунтовавшуюся лапу. Хищные подергивания понемногу прекратились, рука смирно легла на колено. Однако Шенги она казалась коварным зверьком, который затаился и выжидает случая напасть.

«Я никогда не бываю безоружным...» – с горькой иронией вспомнил Шенги фразу, которую любил повторять на людях. А что делать? Скулить? Ныть? Рассказывать каждому встречному о том, как восемнадцать лет назад на берегу Литизарны орал напарнице: «Ульнита, руби!..» Не дождутся!

Хорошо, что Ульнита растерялась тогда... И никакой он не калека! Лапа хорошо держит меч, особенно после того как мастер из Аргосмира переделал рукоять. А тонкую работу можно делать и левой рукой.

Отгнав невеселые мысли, Шенги встал, огляделся и негромко выругался, вспомнив вечерние события, из-за которых он очутился в пристройке-кухне, вместо того чтобы почивать на своей постели у погасшего очага в башне.

Вечером он и ученики улеглись спать, и тут призрак грайанца-десятника решил, что настало время напомнить о себе. Из мглы слышались завывания, мрачные и грозные, они доносились со всех сторон одновременно.

Испугались ли ребяташки? Да они в восторг пришли! На три голоса завывали в ответ, подражая руладам привидения. Шенги сначала хохотал, потом сообразил, что паршивцы будут резвиться до утра. Попытался их унять, но из тьмы отзывались невинные голосишки: «Это не я, учитель! И не я! И не я! Это Старый Вояка!», хотя несчастный призрак давно стушевался, заткнулся и исчез.

А вскоре не выдержал и Шенги. Сказал: «Ну и войте, пока не надоест!» – взял плащ и ушел спать на кухню.

Но теперь можно вернуться – ребяташки наверняка уже утихомирились.

Выйдя на залитый лунным светом двор, Шенги думал: а правильно ли он поступил? Может, надо было выдрать их для порядка? Да нет, жалко. Подумаешь, расшалились! Даже гордый Нургидан, который любит строить из себя взрослого. Даже серьезный умница Дайру. Даже Нитха, объявившая себя вэшти этого дома.

Шенги хмыкнул, вспомнив, как в первый день состряпал похлебку и позвал учеников за стол. Ели из общего котелка – мисками позже обзавелись. Мальчишки не заставили себя

ждать, а Нитха, удивленно оглядев стол и скамьи, спросила, точно ли, что в доме нет других женщин. Услышав заверение, что она – единственная на все хоромы, малышка преобразилась: задрала нос, сверху вниз поглядывала на мальчишек, после еды властным тоном начала раздавать им поручения по хозяйству. А в ответ на их насмешки негодуя закричала: «Вы должны слушаться, я же вэшти!»

Шенги тогда опешил и даже слегка испугался. Насколько он помнил, вэш по-наррабански означает «замужняя женщина». Не вообразила ли малявка себя супругой хозяина дома? Кто знает их заморские порядки! Но на следующий день купец-наррабанец на рынке объяснил, что вэшти – это главная женщина в доме, хозяйка, которая имеет право делить трапезу с мужчинами. Вот так-то.

Шенги открыл дверь. Лунный свет хлынул в зал. Черная тень хозяина легла на тростниковые циновки.

Напротив входа белело пятно занавески – Нитха в первый же день отгородила себе угол, объявив его «женской половиной». Занавеска была сдвинута, виднелась свесившаяся с подушки толстая черная коса.

Взгляд учителя метнулся в сторону очага. Постели мальчиков были пусты – Нургидан и Дайру исчезли.

6

– Ну, если б не наше доброе знакомство!.. Если б мы по лесу не мотались, Тварей не отлавливали!.. Я б твоих гаденышей наизнанку вывернул и в узел завязал!

– Не надо в узел, Киджар, не надо! Я их сам... я с них шкуру полосками... Это же просто дети! Побаловались...

– Дети?! Разбойники, а не дети! Если б соседскую грушу обтрясли, тогда да, побаловались. А сад Хранителя к дворцовому имуществу относится. За это – порка и на болото, канавы рыть... Да ты мне не подливай! Все равно этим кувшинчиком не отделаешься. Раз я для тебя такую историю замаял, должен ты меня упоить по всем статьям Устава Наемников, от макушки до пяток.

– Где посидим, в «Алмазном дожде»?

– Нет, хочу в «Путь по радуге». Заодно сыграем по мелочишке. Завтра, идет?

– Командуй, десятник! Мы с моим кошельком за тобой в огонь и в воду!

Киджар довольно ухмыльнулся:

– Ну, если так... Эй, Косматый!

В дверь караулки просунулась голова стражника.

– Выпусти из холодной сопляков, – распорядился десятник. – Дай по шее, только не усердствуй. Скажи, пусть летят домой и ждут учителя – он, как придет, им головы поотрывает. Совиная Лапа будет... – Киджар оценивающе встряхнул над ухом кувшин, – малость попозже.

– Заодно скажи, – добавил Шенги, – чтоб дрова перекололи и воды в бочку натаскали!

Кивнув, стражник исчез.

– Вот стервецы, а? – Киджар плеснул себе вина. – Мало им садов по соседству!

– Да у нас своя яблоня есть.

– Во-во, а им айву подавай, отродью Серой Старухи! Всего-то два дерева на весь Издагмир! Специально из Наррабана три саженца привезли, два прижились...

– Из Наррабана? Тогда все очень, очень ясно! Небось Нитха похлопала своими заморскими ресницами: «Ах, у нас в Нарра-до... Ах, я сто лет не вдыхала запаха айвы!..» Этой поганке-интриганке и лепешки с медом не нужно, лишь бы втравить кого-нибудь в передрагу,

а потом хихикать. Над этими героями так насмешничать начнет, что сами запросятся болото осушать! С виду смиренная, тихая девочка, а на деле – хитрая злыдня!

– Не зря, выходит, Нитхой назвали! – глубокомысленно изрек Киджар. – Верно сказал какой-то, не-помню, мудрец, что имя определяет характер и судьбу человека!

– А что это значит? – заинтересовался Шенги. – Я по-наррабански не очень...

– Нитха – это змея. Большая, коварная и жутко ядовитая. В Грайане такая тоже водится – на юге, у моря. Там ее называют коброй.

– Кобра? Знаю кобру, видел. Надо же, имечко девочке папа дал! А эти два птенца перед ней друг друга перешеголять норовят.

– Но наглецы-то какие! К Хранителю, в дворцовый сад...

– Это еще ничего! – заулыбался захмелевший Охотник. – Я в Аргосмире жил, в учениках у Лауруша, так мы с Ульнитой в королевский парк забрались, на спор! – Шенги умиленно глядел куда-то за плечо собеседника. – Было очень, очень весело! Стражники бегут со всех сторон, шум, гам, собаки лают! Я к ограде встал, Ульнита по плечам наверх вскарабкалась, подала мне руку... – Он стряхнул сладкие воспоминания и удрученно спросил: – Эти мальки-неудачники как попались?

– Пришлось повозиться. Этот... ну, Сын Рода... как звереныш, носился по кустам. А когда поймали – уй-юй-юй! Дерется, как взрослый! Мои парни его вчетвером вязали... ну, вру, втроем, но все равно крепкий щенок. Если выгонишь, к себе возьму, хороший наемник выйдет.

– А второй?

– Второй?.. Помнишь, в саду фонтан «Мудрость – кормилица добродетелей»?

– Не было как-то случая в дворцовом саду побывать.

– Да, верно... Там фигуры в человеческий рост. Мудрость держит чашу, к которой спешат припасть Скромность, Усердие, Благодетель и еще с полдюжины таких же скучных уроков. Трубки давно засорились, чаша пересохла... Так твой парень тоже в очередь пристроился, в аккурат за Целомудрием. Ночь, луну тучами закрыло, свет факелов по кустам да по статуям мечется, а он, добродетель хренова, стоит, не шевельнется. Так бы его и не заметили, да не выдержал, чихнул.

Совиная Лапа не улыбнулся рассказу. Он налил себе вина, поднес чашу к губам и опустил, не отпив ни глотка.

– Вот! – сказал Охотник горько. – Отвага Нургидана, ум Дайру, и все впустую. А мы с моей подружкой-силуранкой были дети как дети, ничего особенного. Но все нам удавалось. Потому что вместе действовали! Понимаешь, вместе!

– Ты пей, пей! – успокоительно сказал десятник.

– Хотел, понимаешь, вырастить команду, – тоскливо изливал душу Охотник. – Какая там команда! Не поубивают друг друга до конца ученичества, и на том спасибо. Учить их работать вместе – все равно что воздух штопать или составлять карту Подгорного Мира. Нургидан смел, карраджу знает почти как я. Но высокомерен до наглости! На каждом шагу свой замок поминает, предков перечисляет. Чуть отвернусь – он Дайру поколотить норовит. А когда я, как водится, задаю ученикам работу по дому, ух, тут уж начинается представление бродячего балагана!

– Что, Сын Рода не хочет ручки пачкать?

– Напрямую не отказывается, обычай есть обычай. Но у него талант изящно и непринужденно спихивать свою работу на других. Главным образом на Дайру.

– А белобрысый, стало быть, за него трудится?

– Этого жалеть не стоит! Он только с виду несчастный сиротинушка: слова поперек никому не скажет, ударят – сдачи не даст, работать велют – не откажется. Но если Нургидан кувыркком летит с намыленной ступеньки, или находит в миске что-нибудь незабываемое, или

обнаруживает у себя на штанах прореху на заднем месте... ну, ни за что не поймаешь хитрюгу на месте преступления! Дайру – человек с неиссякаемыми запасами коварства!

– Да-а, повезло тебе с учениками.

– Все бы ничего, если бы подружнее жили! Так-то они молодцы, старательные, понятливые. Очень, очень славные ребяташки.

– Но выдрать ты их все-таки выдери.

– Еще как выдери! Им айва эта самая в черных кошмарах мерещиться будет! На рынке запах айвы учуют – бегом с рынка бросятся, вот как я над ними поработаю... Эй, да у тебя чаша пустая! Ну-ка, подставь!

7

Осенний ветерок оведал разгоряченное лицо, Охотник трезвел с каждым шагом. Настроение было паршивое. Сгоряча чего не посулишь, но на самом деле кого-то впервые в жизни выпороть...

Бродячие сказители любили рассказывать о вспыльчивом нраве Совиной Лапы, о коротких, но бешеных приступах гнева, заживавших душу Охотника. А сейчас Шенги нарочно пытался вызвать в себе ярость, но чувствовал лишь омерзение при мысли, что придется взяться за плеть. А ведь надо же, надо! Раз отвечаешь за ребяташек... чтоб им впредь неповадно было проказить...

Но разве поднимется рука на гордого, самолюбивого Нургидана, для которого обычная трепка наверняка станет трагедией? Или на Дайру, который и без того шарахается от резкого движения – видно, пареньку в свое время пришлось очень, очень несладко.

И все же к тому времени, как рука Шенги легла на кованую решетку ворот, Охотник убедил себя, что воспитание негодных мальчишек – его святая обязанность, а плетка – часть этого воспитания.

Мелькнула мысль, что хитрый Дайру наверняка постарается скрыться с глаз, чтобы первый, самый горячий, гнев учителя выплеснулся на Нургидана.

А вот и ошибочка! Именно Дайру откинул засов и распахнул створку ворот, впуская Шенги в дом. Худая длинная физиономия сияла веселым оживлением:

– Учитель, а у нас гость!

Совиная Лапа почувствовал прилив радостного облегчения, словно с него сняли тяжелые цепи. Кем бы ни был неожиданный гость, при нем не станешь чинить расправу!

* * *

От стола навстречу хозяину поднялся круглолицый человечек с большими, чуть навыкате, светлыми глазами, приветливый, немного суетливый и, как сразу выяснилось, разговорчивый.

– Умоляю простить мою бесцеремонность... Меня зовут Вайсувеш Теплый Плащ из Семейства Тагихарш. Я купил пустующий дом по соседству, вот и решил зайти, познакомиться.

– Прошу, будь как дома, – сказал Шенги, с удовольствием отмечая, что кто-то (скорее всего, маленькая вэшти) догадался поставить на стол кувшин вина, миску с ломтями окорока, лепешки и яблоки.

– Наслышан о моем новом соседе! – разглагольствовал Вайсувеш. – Бродячие сказители охотно повествуют о Подгорных Охотниках, а уж имя великого Шенги у них просто не сходит с уст! Мое ремесло куда неприметнее: я мастер по изготовлению чучел, звериных и птичьих. Правда, скажу без скромности: мастер, какого поискать! В Расмире, где я жил, отбоя не было

от заказов. Господин, вероятно, слышал, что теперь вошло в моду украшать дома чучелами. Это создает уют и придает комнате неповторимый облик. Если уважаемый сосед желает, могу и для его жилища смастерить чучело орла с распахнутыми крыльями. Или, скажем, филина, лебеда, глухаря...

Шенги невольно кинул взгляд под мрачный сводчатый потолок и подумал, что только филина там не хватало. С распахнутыми крыльями. Это уж точно придало бы Грайанской башне неповторимый облик!

– Что же привело моего господина в Издагмир? – поинтересовался Охотник, левой рукой наливая гостю вина.

– Любезное письмо здешнего Хранителя. Почтеннейший Тагиарри замыслил создать собрание чучел зверей и птиц... и даже Подгорных Тварей. Он намерен отвести для этого особый дом и брать с желающих за вход чисто символическую плату.

– И Подгорных Тварей? Очень, очень интересная затея!

– Я так и думал, что господину любопытно будет об этом услышать. Я охотно буду покупать тушки – по возможности с не очень поврежденной шкуркой. Честно говоря, больше всего люблю работать с птицами – ах, какой материал!

У локтя учителя возник Дайру, от восторга забывший и о своей обычной робости, и о правилах приличия.

– Почтеннейший Вайсувеш написал книгу «Птицы Озерного королевства»! – сообщил он хриплым от волнения голосом. – Очень хорошая книга!

Учитель бросил на мальчишку укоризненный взгляд, а гость просиял:

– Как приятно это слышать! Да, в птицах немножко разбираюсь. А здесь, возможно, смогу осуществить давнюю мечту.

– Какую же, если не секрет?

– Создать чучело болотной совы... ах, какая интересная птица! Я приехал два дня назад и, не успев даже подыскать себе дом, прямо на постоялом дворе начал справляться, кто мог бы добыть для меня эту птицу. Но стоит при здешних жителях произнести слова «болотная сова», как они цепенеют с разинутыми ртами, словно из них самих кто-то чучело набил. Даже глаза становятся стеклянными!

– Понятно, – кивнул Охотник. – Боятся одного древнего демона.

– Слышал, слышал, – отмахнулся чучельник, – Совиное Божество... Пусть так, но при чем здесь обычные птицы?

– Люди боятся ненароком убить одного из слуг демона.

– Что за вздор! Неужели и ты, знаменитый Охотник, тоже боишься?

– А почему бы и нет? – обманчиво ровным голосом сказал Шенги. – Я встречался с Совиным Божеством и...

На стол перед гостем легла жесткая черная лапа.

Охотник привык к разной реакции малознакомых людей – от откровенного ужаса до назойливого любопытства. Но Вайсувеш повел себя не так, как другие. Нагнувшись над когтистой пятерней, быстро осмотрел ее, поднял голову – глаза полны были горькой, какой-то детской обиды – и возмущенно произнес:

– Неправильная лапа!

– Что? – опешил Охотник.

– Не совиная. Пятипалая человеческая кисть, только с когтями. А у совы лапа оперена до когтей. И четыре пальца: два смотрят вперед, один – назад, а четвертый может отводиться вперед, назад и вбок. Очень удобно хватать добычу.

И Вайсувеш обрушил на слушателей водопад сведений о совах. Он знал о птицах куда больше, чем надо чучельнику. Говорил не только о мягком и рыхлом оперении сов, под которым крепкое тело кажется толстым и неуклюжим, но и о гнездах, о сложном брачном ритуале,

похожем на воздушную игру в пятнашки; о сухих тревожных криках и о грозной бесшумной охоте. Да, во тьме сова страшна! Она не преследует, а подкарауливает жертву, возникая из мрака словно рок, словно смерть!

Шенги невольно заслушался. Слова гостя тревожили его, поднимали из глубин памяти то, что хотелось забыть: ночь, берег, серый алтарь и бесшумная мягкая тень над ним...

От тягостных воспоминаний Охотника отвлек хохот ребятишек: чучельник едва не свернул себе шею, показывая, как далеко может повернуть голову сова.

– Я добуду для тебя птицу! – сверкнул глазами Нургидан. – Я не боюсь демона!

– Ты смелый юноша. – Гость запоминающим взглядом скользнул по лицу парнишки. – Впрочем, читал я у одного древнего философа, что в детстве люди бесстрашны, потому что не осознают краткости и непрочности жизни. Не могу об этом судить, потому что успел порядком подзабыть свое детство. Вот ты, молодой человек... ты боишься смерти?

– Я?! – расправил плечи Нургидан. – Пусть она со мной еще сладит!

– Весьма интересно... А ты, юноша... тоже ее не боишься?

– Я?! – расправил плечи Дайру, передразнивая Нургидана. – Пусть она меня еще поймает!

– Занятно, очень занятно... Но засиделся я у вас, пора и домой.

У порога Вайсувеш обернулся:

– Разговоры про Совиное Божество теперь начнутся с новой силой. Я слышал на рынке, что за городской стеной нашли изорванный в клочья труп... кажется, это был здешний торговец. Говорят, такого не было несколько лет. Все почти забыли о Древней Сове. Теперь, конечно, вспомнят!

С этими мрачными словами он перешагнул порог.

– Как говорят у нас в Наррабане, – весело сказала Нитха, – хороший гость приходит без приглашения и уходит без напоминания!

Шенги не улыбнулся: он почувствовал, что его лапа сама собой сжалась и разжалась.

* * *

Проводив гостя, учитель вернулся и с порога обрушился на провинившихся мальков. Он бегло обрисовал их сложную родословную, подробно остановился на отдельных гранях их омерзительной натуры и в ярких красках живописал их нелегкое будущее:

– На болоте вас заждались! Самый трясиновый участок для вас придерживают! Из-под руки надсмотрщики глядят: когда, мол, эту парочку к нам доставят?.. Айвы захотелось, да? Сегодня айва, а завтра городскую сокровищницу ограбите? Люди будут говорить: «Это что за злодеи, ни стыда у них, ни совести?.. А, так это же ученики Совиной Лапы!» Со стыда помру, второй призрак в башне объявится! Этого хотите, да? Ну так не дождетесь! Своими руками с вас шкуры попускаю, лиходеи окаянные!

Окаянные лиходеи не оправдывались. Нургидан побагровел. На лице его было ясно написано: «Ну, если бы это мне сказал не учитель!..» А Дайру – тот больше изображал раскаяние, понимая, что человек, который всерьез решил кого-то выпороть, не станет тратить пыл на длинные монологи.

– Думаете, меня учитель не драл? – разжигал себя Шенги. – Еще как драл! Может, я потому человеком и вырос! Правда, как жив остался, сам не знаю. Помню, бывало...

Осталось неизвестным, какой еще поклеп возвел бы Совиная Лапа на своего сдержанного, скромного учителя – сзади донесся нежный, с придыханием голос:

– А мне рассказывали, что Лауруш...

Охотник развернулся на каблуках и попытался испепелить нахалку взглядом. Та не смутилась:

– Мне рассказывали, что почтенный Лауруш любил говорить: «Учить побоями – что кормить помоями!» Это правда, учитель?

За спиной у Шенги кто-то хихикнул. Но растерявшийся Охотник не обернулся.

– А... откуда ты это знаешь?

– Так, слышала от кого-то, – туманно ответила ученица, потупив глазки.

Воспитательный порыв погас, Шенги вздохнул и тоскливо спросил:

– Хоть дрова-то перекололи, негодяи?

Негодяи на два голоса ответили, что да, перекололи, и в поленницу сложили, и воды в бочку натаскали, и двор подмели... Не дослушав, Шенги махнул рукой и вышел, кляня себя за мягкотелость.

* * *

До темноты Совиная Лапа не появлялся в доме – сколачивал дощатые щиты для будочки-бани. Зимой он поставит их вокруг очага в пристройке и мыться можно будет в любой холод.

Дважды прибежала Нитха. Первый раз принесла лепешку с ломтем окорока и кружку вина, а заодно сообщила, что мальчишки умяли все, что было на столе, после чего она заставила их перемыть миски и выскоблить столешницу... Ого! Крепко, видать, расстроены юные преступники, если без спора подчинились маленькой вэшти!

Придя второй раз, девочка покрутилась вокруг Охотника и совсем уже собралась исчезнуть, но в последний миг решила:

– У нас в Наррабанае говорят: «Не бери сегодняшний гнев в завтрашний день...»

– Что-о?! – грозно обернулся к ней учитель.

Малышка не струсилась, не дрогнула:

– Учитель, они очень, очень переживают!

(Это «очень, очень» было произнесено с подозрительно знакомой интонацией.)

Совиная Лапа мрачно ответил маленькой заступнице, что вся шайка должна немедленно укладываться в постели и чтоб к его приходу было слышно только сонное сопение!

– Не выйдет насчет сопения, учитель, – повеселела девчонка. – Там Старый Вояка рассказывает, какие муки ждут в Бездне всех гурлианцев. Так интересно! А у нас в Наррабанае бог смерти Гхурух своими черными скользкими щупальцами...

– Цыц и брысь! – четко скомандовал Шенги. Глядя в спину удаляющейся девочки, подумал: «Вредина-то вредина, но сердечко доброе...»

Не спеша закончил сколачивать щиты. Скинул рубаху, с удовольствием вымылся холодной водой, оделся и, насвистывая, пошел к крыльцу.

Дверь без скрипа приоткрылась, и Шенги замер на пороге, поняв, что происходит в темном зале. В свете догорающих углей вершилось одно из чудес детства: звучали страшные истории.

Как любил их мальчик, которого еще не называли Совиной Лапой! Как памятен до сих пор мучительно-сладкий ужас, когда собственная тень в свете очага, обернувшись чудовищем, заставляет волосы встать дыбом; когда скрип двери отзывается в душе беззвучным воплем...

Только в детстве страх может доставлять такое острое и чистое наслаждение. Взрослый человек идет на свой страх, как на врага: или уничтожает его, или бывает сломлен сам. Правда, Лауруш говорил, что есть и третий путь, самый лучший: высмеять страх.

А эти мальки – не стоит вторгаться в их мирок! Пусть потешатся. У них редко выпадают такие мирные мгновения, без драк и взаимных злых насмешек.

Шенги сел на крыльце, прислонился плечом к новенькому сосновому косяку и с удовольствием вслушался в плывущий из тьмы голосок с мягким придыханием и нарочито низкими – для таинственности – нотками:

– Черные, шестилапые, глаза огромные, в темноте видят... Люди их в давние времена победили и загнали в подземелье, а название осталось: Наррабан – «земля нарров». Они по ночам выбираются на поверхность, днем отсиживаются в заброшенных домах. Ловят в сумраке запоздалых путников, перелезают через заборы во дворики и воруют младенцев. Лапы длинные, гибкие, могут через окна вытаскивать детей...

– Особенно непослушных, – с преувеличенной серьезностью поддакнул Дайру.

– Тебе смешно, – обиделась Нитха, – а у меня няньку-рабыню украли и съели.

Все приумолкли. Затем Дайру поинтересовался с той же мрачной серьезностью:

– Это тебе сами нарры рассказали или все-таки родители?

– И добавили, – подхватил Нургидан, – что если Нитха не прекратит озорничать, ее тоже кто-нибудь съест!

– Ну и пожалуйста! – фыркнула девочка. – В Наррабане говорят: «Беседовать с глупцом – что кормить осла халвой». Не верите – сами рассказывайте!

Ответом была тишина. Совиная Лапа решил было, что ребятам надоело болтать, но тут Дайру заговорил – негромко, неторопливо и гладко, словно читал по книге:

– Я жил в Анмире. Рядом – на севере, за горами – Силуран. Оттуда шла дорога через перевал Чаргрим. Однажды у нас заночевал бродячий сказитель. Отец любил их слушать, я тоже. Сказитель этот, Зиннигир Стекланный Ручей, поведал историю, которая – он в том поклялся – случилась с ним самим. Он тогда был мальчишкой-поводырем при слепом певце. Они шли в Джангаш и решили сократить путь – махнули через лес. Дело к ночи, тропка по лесу кружит, из-под ног, как змея, уползает. Вдруг деревья расступились. Видит Зиннигир – стоит у ручья деревня. Бревенчатые домишки, запах свежеспеченных лепешек...

Певец и поводырь обрадовались, постучались в первые же ворота. Хозяин пустил их ночевать, усадил за стол. После ужина стал расспрашивать старика, где ему побывать довелось, как в тех краях люди живут. А Зиннигира хозяйская дочка увела в уголок возле очага, принесла цветные камешки, и начали они играть в «лягушек и журавлей». Востроносая такая девчушка, бойкая, косички в разные стороны. Шайтира Быстрая Шука ее звали... А мальчишка устал с дороги, хотел спать. Он возьми да скажи: «Что за интерес на щелчки играть? Не хочу больше! Если б на деньги или на другое что...»

Шайтира призадумалась, а потом говорит: «Давай еще разик сыграем! Ты поставь медяк – у вас деньги есть, твой старик моему отцу хвастался. А я, если проиграю, для тебя доброе дело сделаю!»

Мальчишка согласился – и выиграл. Смеется: «Ну, делай свое доброе дело!»

Повела его Шайтира во двор, на конюшню. Внизу лошаденка в стойле дремлет, над потолком сеновал. На сеновал со двора приставная лесенка – сено наверх подавать. А в потолке люк, чтоб прямо в ясли корм сбрасывать.

– Понятно, как у нас, – перебил рассказчика Нургидан. – Дальше-то что было?

– Пока Зиннигир соображал, за каким демоном его сюда притащили, девчонка за порог выскочила и дверь закрыла. Слышно – лягнул снаружи замок. А мальчишка успел заметить, что замок там – хоть на дверь королевской сокровищницы вешай! Большой такой, цепь железная – будто стоит в конюшне не крестьянская клячонка, а скакун астахарских кровей!

Парнишка застучал в дверь, потребовал, чтоб эта мышь деревенская бросила свои глупые шутки. А та отвечает: «Не ори! Я же проиграла тебе доброе дело, верно? У тебя над головой люк. Заложь его на щеколду и не высовывайся. До утра сиди тихо да помни: не открывай, кто бы тебя ни звал!» Ушла было, но вернулась и еще раз повторила: «Кто б ни просил – не открывай люк!..»

Зиннигир говорил, что в этот миг ему стало холодно, словно в сугробе очутился. Даже зубы застучали. Было темно, но в щели между косяком и дверью падало немного света. Маль-

чишка разглядел над головой люк, взял в углу вилы и рукоятку задвинул щеколду – здоровенную такую, настоящий засов. А потом забился в уголок и стал утра ждать. Страшно ему было.

Настала ночь. И слышит Зиннигир – кто-то по лестнице на сеновал поднимается. Вот доска скрипнула у кого-то под ногой... Вот лошадь в стойле прижала уши и захрапела... Зиннигир в комочек сжался, а наверху возле люка возня... И вдруг сверху голос хозяина: «Эй, паренек! Твой старик тебя кличет!»

Зиннигир обрадовался, хотел было отозваться, да вовремя смекнул: а почему хозяин сразу его не позвал? Зачем наверх полез, люк открыть пробовал? Притих мальчишка – ни словечка, ни звука. Хозяин и так, и этак, и по-хорошему, и с бранью, а Зиннигир молчит.

Слышно, спустился хозяин с сеновала. А вокруг конюшни вроде как толпа негромко переговаривается, только слов не разобрать. И вдруг голос звонкий такой, знакомый: «Эй, дурень, вылезай, я же пошутила! Тебя твой старик зовет, беги скорее!»

Зиннигир не осмелился даже ответить: мол, что ж ты дверь не отворишь, почему я через люк карабкаться должен? Трясется в углу, а рядом лошадь копытами в стену бьет, ржет от ужаса. Но человек любопытнее скотины: Зиннигир подполз к двери, глянул в щель. Видит – двор лунным светом залит, а по нему серые тени скользят. И такой голодный вой со всех сторон всколыхнулся, что бедняга потерял сознание.

Когда очнулся, в щели светило солнце. Подумал: может, примерещились ночные страхи? Вскарabalкался по яслям к люку, взобрался на сеновал, стал по лесенке во двор спускаться. А на земле у лестницы сидит Шайтира. Ждет. В руках его дорожную суму держит. Испугался Зиннигир, а девчонка этак строго говорит: «Выспался? Вот твоя сума, а вот дорога. Беги, догоняй своего старика. Он тебя дожидаться не стал. Хоть слепой, а побрел понемножку – дорога-то ровная!»

Глянул мальчишка ей в лицо – а у нее на подбородке полоска засохшей крови...

От страха Зиннигир света не взвидел. Выхватил у девчонки суму и бросился бежать. Ног под собой не чувал, голова шла кругом. Бежал, пока не свалился...

Очнулся в какой-то повозке. Оказалось, его подобрали циркачи. Начал Зиннигир рассказывать про свои приключения, а они ему мокрую тряпку на лоб: помолчи, бедолага, тебя лихорадка бьет! А потом он сам поверил, что ему в бреду тот вой чудился.

Но несколько лет спустя рассказал ему кто-то легенду о Полуночной деревне. Остановился там в давние времена гость с тугим кошельком. Крестьяне позарились на золото и убили его. Умирая, тот проклял деревню. С тех пор живут там с виду люди как люди, но в полнолуние превращаются в двуногих волков. И горе человеку, который попадет к ним в лапы – растерзают и сожрут!

– Это не здесь, да? – боязливо спросила из-за занавески Нитха. – В Силуране?

– Это не здесь, – вместо Дайру ответил Нургидан. – Здесь водится кое-что пострашнее. Слышали, что сказал чучельник? Возвратилось Совиное Божество!

– Ой! – мышонком пискнула Нитха. – То, с которым учитель сражался?

Шенги на крыльце усмехнулся, вспомнив рассказ девочки в день их знакомства.

– То самое! – подтвердил Нургидан. – Превращается то в человека, то в сову. Твари, что ему служат, прежде были людьми, но серый камень их изуродовал.

Наступило молчание. Шенги догадался: в памяти ребятишек возникла его лапа.

Наконец Нургидан хрипло заговорил:

– Когда он в человеческом облике, его можно убить. Тогда душа в образе совы улетает в лес и забывает, что она – демон.

– Да, – отозвался Дайру, – я читал... Сова летает по лесу как обычная птица, но ее тянет к алтарю, который охраняют жрецы. Садится на камень, впитывает темную силу, раз за разом, из года в год. А потом демон вспоминает, кто он такой... мечется по лесу, ударяется о грудь

встречного путника, вцепляется когтями в тело, и мертвая птица падает на землю, а дух Совиного Божества вселяется в человека.

– Значит, сейчас по свету ходит... – Нитха не закончила фразу.

– Да! – зловеще сказал Нургидан. – Мужчина, женщина или ребенок. И не просто по свету, а по Издагмиру!

– Вот почему все боятся сов! – догадалась Нитха. – А можно совсем убить этого?..

– Можно, – тоном знатока заверил Нургидан. – Надо разбить алтарный камень.

– Еще можно его убить, когда он в совином обличье, – припомнил Дайру. – Только для этого нужна какая-то особенная ненависть.

– Какая еще – «особенная»? – не понял Нургидан.

– Ну... не знаю, как слышал, так и повторяю. Сказители говорят: мало обычной ярости боя – надо, чтоб сердце ядом жгла черная ненависть. Иначе удар придется мимо и сова сумеет улететь.

– И откуда эти сказители всегда все знают?! – восхитилась Нитха.

– Да им бы только красиво набрехать! – веско заявил Нургидан. – Трепотня все это! Птица, она и есть птица. Главное – ее поймать, а там разберемся.

– Поймай сначала! – фыркнула Нитха. – Да она сама тебя...

– Ну, есть у меня кое-какие мысли... – не спеша начал Дайру, но не закончил: учитель, который замерз на крыльце, отворил дверь и вошел в зал.

Занавеска «женской половины» поспешно задернулась. Воцарилась трогательная тишина. Славные, послушные детки кротко спали, очень, очень ровно дыша.

Шенги усмехнулся, стянул сапоги и нырнул под одеяло, сшитое из меховых обрезков.

* * *

Можно было ожидать, что неприятный день останется позади, плавно перейдя в тихую ночь, дарующую отдых и покой.

Как бы не так!

Где-то за полночь со двора донесся душераздирающий вопль. Шенги, вскочив, сорвал со стены меч и босиком вылетел за порог. За плечом колыхнулось что-то белое. Шенги на бегу обернулся, но тут же сообразил: это запуталась в занавеске маленькая вэшти.

В потоке лунного света посреди двора стоял Старый Вояка. В этот миг он был очень похож на живого человека, причем перепуганного до потери соображения.

На крыльцо следом за Шенги выбежал Дайру с горящим факелом.

– Что случилось? – взволнованно спросила из-за спины Дайру девочка, которая успела вырваться из объятий коварной занавески.

– Чудо-о-вище! – взвыл призрак. – Здесь... только что...

Нитха ойкнула.

– Здесь никого нет! – отозвался голос с порога конюшни: Нургидан стоял в дверях с топором в руках. – И на сеновале никого!

– Чудо-овище! – снова возопил призрак.

– Ты-то с какой стати орешь? – ответил неожиданно спокойно Дайру. – Хоть бы и впрямь чудовище – что оно тебе сделает? Покусает? Тебя пристукнули два с половиной века назад!

Призрак замолчал. Он был похож на человека, который во всеоружии примчался на поле боя и обнаружил там вместо битвы веселый деревенский праздник.

– Осмотреть двор! – скомандовал Шенги и, спрыгнув с крыльца, направился к кухне.

– Пугает нас глупое привидение! – фыркнула Нитха, перегнувшись через край сруба и заглядывая в черный провал колодца. Дайру светил ей факелом.

Поиски были недолгими и ни к чему не привели.

– Этотдохлыйнаемниксовсемсдурелзадвести лет! – дружно решили новые хозяева башни. – Тупые казарменные шуточки!

Старый Вояка был оскорблен. Даже забыл, что разговаривает со своими врагами.

– Было чудовище! – рявкнул он, свирепо топорща усы. – Вот такое!

Вместо разгневанного седого человека в лунном свете возникла тварь весьма неприятного вида – словно крупный волк встал на задние лапы... нет, спина была по-человечьи прямая, а лапы, хоть и покрытые шерстью, напоминали руки. Оскаленная морда заставила бы вздрогнуть даже покойника.

– Грозно! – оценил Нургидан. – Впечатляет! Только знаешь, будь у зверя две головы, смотрелся бы страшнее. Еще бы пену с клыков и раздвоенный язык из пасти!

– Издеваешься?! – рассвирепел призрак, но его перебил Дайру:

– Постой, постой, что-то я... ах да, понял! Это же мой рассказ. Помните, вечером, про волков-оборотней... Он нас подслушивал, а теперь решил напугать.

Призрак попытался возразить, но его возмущенный голос утонул в хохоте.

– Ты бы лучше нарром прикинулся! – кричала Нитха. – Я б до Нарра-до всю дорогу бегом, даже моря под ногами бы не заметила!

– А с двумя головами страшнее бы выглядел! – гнул свое Нургидан.

– Хватит! – приказал учитель. – Живо по кроватям! Вторую ночь толком не сплю!

– Не верите, да? Ладно, пожалеете еще! – грозно посулил Старый Вояка. – Вот будет страшилище вас жрать – и посмеюсь же я тогда!

– Договорились, тогда и смейся, – разрешил Шенги. – А сейчас уймись, хорошо? А если притащится еще какое чудовище, будь добр, попроси его подождать на крылечке до утра. Я спать пошел.

8

Золотистая пышная птица в венке из красных ягод лукаво подмигивала с расписной лакированной шир-

мы. Левое крыло ее было приподнято, словно она хотела закрыться от взоров захмелевших гуляк, как бойкая кокетка, притворяющаяся застенчивой.

– Любят наррабанцы всякие ширмочки, занавесочки, – ухмыльнулся Киджар, откидываясь на высокую подушку и разглядывая хитрую птичку. – Не нравится им, когда человек со всех сторон на виду. Вот в наших тавернах – полсотни морд за одним столом, все жрут, пьют, орут песни, хлопают друг друга по плечам... весело!

– Северный варвар! – подделяваясь под гортанный наррабанский выговор, изрек Шенги. – Гурлианский дикарь, не обзовать бы тебя и вовсе силуранцем! Боги дают тебе случай приобщиться к культуре южных земель... – Оборвав фразу, Охотник продолжил уже без акцента: – Я думал, будет больше народу.

– Так осень же! Ты бы летом сюда зашел...

Шенги взял с подноса, стоящего меж сотрапезниками, кусочек халвы и рассеянно обвел взглядом круглое помещение, разгороженное вдоль стен такими же открытыми с одной стороны «клетушками» с расписными стенками-ширмочками и с пушистыми коврами на полу. В самом зале ковров не было – гладкие мраморные плиты. Там велась игра, по традиции костяшки вытряхивались из коробок прямо на пол.

В центре зала возвышалась круглая сцена. На ней вяло танцевала тощая рыжая девица в наряде лисы – если судить по пушистому хвосту и забыть о том, что ни одна лиса не позволила бы себе щеголять в таких жиденьких клочьях меха, сквозь которые весьма откровенно просвечивает тело. Под доносящуюся сверху музыку «лиса» уныло кружилась возле спускаю-

щейся с потолка узкой винтовой лестницы. Соблазнительным зрелище назвать было трудно. Девица вертела задом, заставляя хвост виться вокруг ног, но сидящие у сцены игроки почти не поднимали на плясунью глаз.

Впрочем, игроков всего-то было четверо: толстяк с обвислым брюхом, который, судя по всему, обыгрывал дряхлого низенького старикашку, и плечистый парень, пытавшийся что-то толковать своему пьяному партнеру. Тот размеренно кивал.

– А ну-ка, – неожиданно вскинулся стражник. – Да это же Хислат из моего десятка! Эй, Хислат! – рявкнул он так, что «лиса» на сцене подпрыгнула, а невидимые музыканты наверху сбились с ритма.

Плечистый парень изменился в лице и, уронив коробку, поспешил на зов десятника. Его покинутый партнер, ничего не заметив, продолжал тупо клевать носом.

– Где гуляет десятник, там рядовому наемнику не место! – назидательно сказал Киджар. – Был бы тут наш сотник, я бы враз исчез, а так исчезнешь ты. Понятно?

– Да, господин! Конечно, господин! Считай, господин, что я уже в казарме!

– И ни в какой ты вовсе не в казарме! – Выпитое вино прихотливо играло с голосом наемника. – Я тебе вконец испорчу вечер. Стой у входа и жди. Потацишь своего командира домой. Буду гулять во весь размах, пока ноги не откажут.

– Да, господин! Как прикажешь, господин! – И стражник испарился.

– Уважают они тебя, – хмыкнул Шенги.

– Посмели бы не уважать! Этот молодой, в страже всего ничего, а уже понимает...

– Строго ты... – Охотник не окончил фразу, лицо его стало напряженным.

В зал вошли трое. Одним из них был Урихо – все так же роскошно одетый, с тем же дерзким выражением на физиономии. Его спутников Шенги видел среди пролаз в «Счастливом путнике».

Урихо с видом принца в изгнании обвел зал безразличным взглядом – и подобрался, помрачнел, встретившись глазами с Подгорным Охотником. Несколько мгновений враги обменивались взглядами. Затем Урихо резко повернулся, еще надменнее вздернул плечи и двинулся вокруг сцены. Дружки последовали за своим вожаком. Все трое уселись на противоположной стороне зала, неподалеку от черного хода, и, насколько можно было разглядеть, начали игру.

– Др-рянь, – с чувством сказал Охотник.

– Если назревает драка, – с энтузиазмом начал Киджар, – то я сегодня не на службе и могу со всем удовольствием...

– Не будет драки. На лепешку с медом спорю – не будет! Мы с ним потолковали в «Счастливом путнике» и очень, очень хорошо друг друга поняли.

– И теперь он издали любит тебя робкой, застенчивой любовью?

– Вот именно. Эта рыжая уберется когда-нибудь? Не женщина, а набор костей!

– Это ты зря. Она, конечно, не Черная Азалия, но терпеть вполне можно. Ее Клюквочкой прозвали – интересно, почему?

– Наверно, потому, что ей самое место на болоте, – мрачно предположил Шенги.

– Ну, зачем так сурово! Может, потому, что у нее вечно кислая мордашка... Во, уходит! Не переставая вилять бедрами, девица медленно поднималась по лестнице.

– А что наверху? – заинтересовался Шенги.

– Каморки, где передеваются красотки. И еще две комнаты, их хозяин сдает.

– Это если сговоришься с какой-нибудь девицей?

– Или из города кого приведешь. Чужую жену или... Во-во, слушай!

Сверху полилась нежная, трепещущая мелодия. По лестнице прошуршал узорчатый подол. Стройные босые ножки, мелькая в разрезе ткани, легко сбежали по ступенькам.

– Черная Азалия! – жарко выдохнул Киджар.

Посерьезнев, Охотник взгляделся в женщину... нет, в язык черного пламени, что полыхал на сцене! Как могут такие пышные формы сочетаться с легкостью и изяществом? Как может каждая линия быть такой мягкой и в то же время чистой, словно тут потрудился великий скульптор?

Глубокий, низкий, томный голос воцарился над звоном струн:

Ты, скупец, золотые монеты, как жизнь, бережешь,
Но взгляни мне в глаза – и свои сундуки распахнешь!
Дали имя цветка мне – душа моя с этим согласна,
Погляди на меня – и увидишь, что это не ложь.
Лепестки моих губ приоткрылись так пылко и страстно,
Небывалые ласки сулит их невольная дрожь.
Я серебряный кубок наполню вином темно-красным.
Подойди, припади – и блаженство, мой друг, обретешь.
Как ручная газель в цветнике, я нежна и прекрасна.
Уходи и попробуй забыть – но обратно придешь!

Восхитительный голос смолк. Струны еще вели мелодию, но их осиротевший звон казался неприятным дребезжанием. Урихо и его дружки разразились восторженными криками, к ним присоединились старик и толстяк. Только пьяный, вконец раскиснув, не поднял на певицу глаз.

Красавица оглядела зал и легко спрыгнула на мраморные плиты пола. Возвышение не осталось пустым – по лестнице спускалась бронзовокожая толстуха с невероятным количеством браслетов и цепочек и в не заслуживающих упоминания лоскутах парчи.

Черная Азалия, увернувшись от объятий старика, темной бабочкой порхнула через зал. Не успел Шенги удивиться, как обнаружил, что рядом с ним в «клетушке» на ковре сидит смуглое чудо с огромными смеющимися глазами.

– Ты – Совиная Лапа? – без предисловий поинтересовалась женщина. – Тот, про которого по всей стране ходят легенды?

– Ты – Черная Азалия? – в тон ей отозвался Охотник. – Та, про которую по всему городу ходят сплетни?

Певица фыркнула, как смешливая девчонка.

– А я – Киджар Деревянный Нож, – попытался наемник привлечь внимание красавицы. – Десятник стражи.

Певица не оглянулась. Черные миндалевидные глаза, загадочно мерца, не отрывались от глаз Шенги.

– Я знаю балладу о тебе, Совиная Лапа. Хочешь спою? Обожаю Подгорных Охотников! И всем телом подалась к мужчине. Вот-вот выскользнет из узорчатого платья!

Кто тут не потерял бы головы? А вот нашелся один! Мелькнувшее воспоминание разом охладило Шенги.

– Знаю, – спокойно, почти приветливо ответил он. – Но некоторые из них платят тебе не золотом, а кровью.

В глазах певицы мелькнуло недоумение. Затем она вздрогнула, побледнела.

– Зачем ты мне об этом напоминаешь? Да еще так, словно я в чем-то виновата! Разве я отвечаю за всех сумасшедших в городе? Не помню даже имени этого приезжего, только тяжелый взгляд...

– Чингир Луговой Ручей из Семейства Шагутар, – подсказал десятник, но красавица упорно не желала его замечать.

– Вот противника его помню хорошо. Такой милый юноша, такой щедрый! Авимет Светлый Шелк, из богатого Рода... ах, какой славный мальчик! Это был такой ужас! У обоих ножи, оба вцепились друг в друга, да так, что и мертвых не растащить было! – Черная Азалия махнула рукой в серебряных кольцах, отгоняя воспоминание, и сказала уже без волнения, с легкой брезгливостью: – Весь ковер в моей комнате кровью залили! – Певица вдруг засветилась детской, наивной гордостью и уточнила: – Я не сплю, где остальные девочки, у меня своя комната! Я ведь не рабыня!

– Вольноотпущенница, – уточнил Киджар, задетый ее невниманием.

Женщина впервые соизволила обернуться к нему. И уж взглянула так взглянула! Такого взгляда могла бы удостоиться шелудивая шавка, начавшая вычесывать блох в опасной близости от платья Азалии. Десятник поспешно уставился на сцену, где коричневая толстуха вызывала своими браслетами и цепочками замысловатый ритм.

А красавица вновь расцвела навстречу Шенги:

– Забудем о печальном! Как тебе понравилась моя песня?

– Ты, госпожа моя, слишком хороша для этого убогого игорного дома, – отделался Шенги вежливой фразой, про себя удивляясь двойственному чувству, которое испытывал.

– Знаю, – спокойно сказала красавица. – Я отлично пою. И еще лучше танцую. Но главный мой талант не в этом.

Она сделала неуловимое движение и оказалась рядом с Шенги так близко, что пышная горячая грудь коснулась плеча полулежащего на подушке Охотника. Шенги ощутил сладкое дыхание.

– Мой талант, – томно вздохнула Азалия, – делать мужчин счастливыми. О, это высокое искусство! Каждый понимает счастье по-своему, а я сумею угодить каждому! Вот ты, Совиная Лапа, что считаешь высшим блаженством на свете?

Остренький язычок тронул нежные полные губы, ярко-розовые, как два лепестка шиповника.

Краем глаза Шенги заметил движение – это приподнялся на локте Киджар, готовый оставить друга наедине с женщиной.

И тут Охотника словно Хозяйка Зла за язык дернула:

– Лепешку с медом.

Он пожалел о сказанном прежде, чем закрыл рот. Но было поздно.

– Что?.. – растерялась Черная Азалия.

Ошеломленный Киджар застыл на месте.

– Ты же спросила, что я считаю высшим блаженством, – дружелюбно разъяснил певице Шенги. – Лепешку с медом. Белую. Сдобную. С детства обожаю.

И улыбнулся самой простодушной улыбкой, на какую был способен.

Надо отдать должное Черной Азалии – она повела себя великолепно. Откинула голову, рассмеялась:

– Если бы всем мужчинам было так просто угодить!

Обернулась (черный поток волос бурно заволновался) и повелительно что-то крикнула по-наррабански. Затем низко склонила голову перед Шенги:

– Твое лакомство сейчас принесут. Надеюсь, вы оба еще не раз посетите «Путь по радуге». Здесь и впрямь хорошо готовят.

Поднялась на ноги и переливающейся походкой заскользила к сцене. Легко вскочила на возвышение, изящно обогнула пляшущую толстуху и удалилась по винтовой лестнице.

– Тебя что, Охотник, – хрипло спросил Киджар, – маленьким в колодец уронили и слишком долго вытаскивали? Такая женщина на шею вешается, а ты...

– Вот именно, – негромко ответил Шенги. – Не выношу в женщинах нахальства и самонадеянности. Даже если она красива, настырность все испортит. – Он взглянул на Киджара,

который ответил серьезным, дружеским взглядом. – Это с юности. Первая девушка, в которую я был влюблен, была прекрасна и горда, как северная королева древних времен. Она не знала, что такое кокетство. Но мужчин тянуло к ней со страшной силой! С тех пор меня раздражают бабы, которые уверены, что стоит им скинуть юбку – и все вокруг падут к их ногам.

– Понимаю, – задумчиво протянул Киджар. – Мужчина должен быть стрелой, а женщина – мишенью?

– Именно. А если мишень гоняется за лучником, это очень, очень странно... Кстати, что такое «газель»?

– Да коза какая-то.

– Надо же так себя обозвать... Глянь-ка, пролазы уходить собрались. Правду говорят – этот тип ходит в «Путь по радуге» только ради пения Черной Азалии.

По другую сторону сцены Урихо поднялся на ноги и двинулся к черному ходу.

– Ого! – восхитился стражник. – Через заднее крыльцо пошел! Боится мимо тебя лишний раз пройти. Хорошо ты ему... внушил.

– Их же трое было, а ушло вроде двое.

– Да ну, пересчитывать их... Ох, раздражила меня эта газель, мысли такие сладкие... Словом, я наверх, а ты?

– Пожалуй, выпью еще.

– Ладно, скоро вернусь. Азалия мне не по кошельку, а с Клюквочкой договарюсь. Помнишь, рыжая, «лисий танец» выплясывала? Что-то захотелось проверить, крепко ли у нее хвост пришит!

Десятник направился в сторону главного входа (там в коридорчике была лестница наверх). Шенги отметил, что походка наемника осталась ровной и твердой.

Подбежала служаночка с подносом. Конечно, лепешка с медом! Девчонка еле сдерживала смех, ставя поднос перед Шенги. Охотник усмехнулся, подмигнул служанке и отломил кусок лепешки.

Рабыня пошла было прочь, но ее окликнул толстяк. Девчонка шустро подбежала к нему, присела рядом на пол, и толстяк облапил малышку. Та визгливо захихикала.

Переведя взгляд на сцену, Шенги обнаружил там новую танцовщицу, закутанную в множество полупрозрачных покрывал, – не женщина, а витрина торговца тканями! Танец заключался в том, что, плавно извиваясь под музыку, она сбрасывала покрывало за покрывалом. И далеко она намерена зайти в этом занятии? Очень, очень интересно!

– Могу я поговорить с господином?

Охотник с неудовольствием оторвал глаза от увлекательного зрелища. И как он ухитрился подойти незаметно, этот тощий, бледный человечек с черными кошачьими усишками и чахлой бородкой? Шенги только что видел его в компании Урихо. Тот самый третий спутник, что не ушел с остальными. Почему он, Совиная Лапа, гордость Гильдии, должен беседовать со всякими пролазами?

– Господин мой, это серьезно! Готовится подлое дело, могут погибнуть люди!

Вроде не врет пролаза. Надо бы его выслушать... Шенги неохотно посторонился.

Человечек, как хорек в нору, проскользнул мимо него. На ходу дернул витой шнур в углу, и сверху спустилась еще одна ширмочка, отделив «клетушку» от зала. Надо же! А Шенги думал, что этот шнурок – колокольчик для вызова прислуги...

Человечек с облегчением прислонился к расписной «стенке», закрыв собой золотистую птицу.

– Меня зовут Женби Жало Шмеля. Из Семейства Юнорчар.

– Безумно счастлив это слышать, – буркнул Шенги.

Пролаза не обратил внимания на враждебность Охотника. Он почти успокоился.

– Как считает мой господин... если я разоблачу подлые замыслы и спасу много жизней, вознаградит ли меня Хранитель города?

– Поди спроси у него, – пожал плечами Шенги.

– Я – маленький человек. Кто допустит меня к почтеннейшему Тагиарри без долгих объяснений? А дело срочное, завтра будет поздно.

– Ага, а уже темнеет. Выходит, из-за твоих рассказов я должен ворваться во дворец и вытащить Хранителя из постели?

– Такой прославленный герой, как Совиная Лапа, сам может придумать, как избежать беды.

– Кончай вилять. Знаешь что-нибудь – говори. Я прикину, стоит ли платить за твой рассказ.

– Придется довериться великому Шенги. Такое дело: завтра, на рассвете...

Он не договорил – дернулся всем телом, издал странный звук, словно поперхнулся хлебной коркой. Глаза его закатились, лицо застыло.

Охотник вскочил, подхватил человека за обмякшие плечи. Тот тяжело обрушился на руки Шенги. Из-под крыла веселой птицы – там, где к ней прислонялся пролаза – торчал окровавленный железный прут. На таких держались ширмы «клетушек».

Вцепившись в ширму когтистой лапой, Шенги рванул ее на себя. Расписная перегородочка рухнула. В соседней «клетушке» никого не было.

От рывка упала и та ширма, что загораживала от Шенги зал. Танцовщица, на которой осталось лишь одно покрывало, обернулась на шум, увидела тело с кровавым пятном на спине и пронзительно закричала, тыча пальцем в сторону разгромленной «клетушки». Толстяк, все еще тискавший служанку, и его старик-партнер обернулись. Пьяный, свернувшись калачиком, спал возле сцены, вопль женщины не разбудил его.

Эту картину Шенги окинул быстрым взглядом, а затем бросился к выходу.

В конце коридорчика, между дверью на улицу и выходом наверх, стоял молодой стражник, встревоженный несущимися из зала криками.

– Произошло убийство, – быстро и властно сказал Шенги. – Кто-нибудь только что пробежал на улицу или наверх?

– Н-нет... – отозвался юнец, хлопая глазами.

На лестнице послышались шаги – это поспешно спускались взволнованный хозяин и натягивающий на ходу рубаху Киджар.

* * *

Стемнело. Холодный ветер заставил поднять воротник куртки. А ведь Шенги собирался до утра развлекаться в игорном доме! Ничего не скажешь, развлекся.

Всю дорогу до дома Охотник пытался сообразить, куда исчез убийца. Черный ход исключался – преступник не успел бы перебежать через зал. А если бы успел, привлек бы внимание игроков и танцовщицы.

Убийство совершил один из игроков? (Или – ха-ха! – танцовщица?) Но толстяк держал на коленях служаночку. Старикашка рассыпается на глазах и для злодейств никак не годится. А пьяный оказался действительно пьяным, без подделки. Так и не удалось растолковать ему, что произошло.

В соседних «клетушках» никого не было. Остаются главный выход и лестница наверх. Но там стоял стражник... этот, как его... как-то имя с деревом связано... ах да, Падающий Бук... Хислат.

Сообщник... или убийца?

Шенги вспомнил глуповатое розовошее лицо, почти мальчишеское, не вяжущееся с плечистой фигурой. Конечно, всякие бывают хитрецы, кем только не прикидываются, но... На лепешку с медом можно спорить, что юнец тут ни при чем! Хотя на всякий случай надо попросить Киджара узнать о нем побольше.

Кстати, хозяин сгоряча предположил, что сам Шенги уколошил собеседника. Спасибо Киджару: посоветовал дураку заткнуться. Интересно, как бы Охотник смог заколоть пролазу сквозь ширму?..

У калитки Шенги остановился, потрянул головой, отгоняя неприятные мысли. Пусть с убийством стража разбирается!

Просунув руку сквозь решетку, Охотник вставил ключ в висящий изнутри замок – уходя, велел ребятам его не ждать, запереть калитку и пораньше ложиться спать.

Похоже, его в кои веки послушались. Тишина, в окнах ни огонька. Вроде бы везде порядок, даже колодезный сруб не забыли крышкой прикрыть. Вот только на шесте у каменной ограды торчит куртка Нургидана. Прибрать бы надо...

Шенги рассеянно тронул куртку, и вдруг ладонь прилипла к воротнику. Охотник брезгливо отдернул руку, но куртка слетела с шеста следом за «добычей». Тут Шенги допустил промашку: попробовал правой рукой оторвать воротник от левой ладони. И влип, как тушенный заяц в подливу!

Заслышав свирепый рев, ученики вылетели на крыльцо. Им предстало пугающее зрелище: учитель кружился по двору с курткой в обнимку и изрыгал такие проклятия, что луна на всякий случай юркнула в тучу, хотя была здесь явно ни при чем.

Дайру охнул, спрыгнул с крыльца, помчался к колодцу, вернулся с ведром воды.

Пока все вместе отмывали руки учителя от клейкой гадости, мальчишки хором каялись. Оказывается, за спиной Шенги был выношен план охоты на демона. Дайру состряпал некий состав, чудовищно липкий и клейкий, и вымазал куртку Нургидана. Мальчишки дождались, пока Нитха уснет, после чего Дайру помог бы Нургидану облачиться в куртку. Дальше просто: Нургидан отправляется бродить по ночным улицам. Древняя Сова, разумеется, не пропустит приманку, нападет и увязнет когтями в липкой толстой коже. Конечно, у нее свободен клюв, но у Нургидана-то меч!..

Ну и что скажешь этим идиотам?

Впрочем, Шенги нашел что сказать! Еще как нашел! Нависший над двором призрак Старого Вояки вздрагивал и завистливо гримасничал при каждом новом залпе виртуозной брани.

За спиной учителя бушевала Нитха. Но поскольку от волнения девчужка перешла на наррабанский язык, некому было оценить по достоинству силу ее гнева. (А гневалась она главным образом на то, что мальчишки не посвятили ее в такую восхитительную тайну.)

Нургидану досталось больше всех. Самое глубокое впечатление на него произвела не ругань, а то, что в припадке ярости учитель разорвал пополам его кожаную куртку. Это какую же силу надо иметь!..

Немного остыв, Охотник обернулся к Дайру:

– Я-то надеялся, что из всей вашей банды хоть у тебя есть мозги!

– Есть у него мозги, есть! – злобно высунулась из-за локтя учителя Нитха. – Он все рассчитал: поймают Нургидан Сову – хорошо, поймают Сова Нургидана – тоже неплохо!

– Твоим бы языком да масло сбивать! – прикрикнул Шенги на вредную девчонку. Взглянул на потупившегося Дайру и вдруг сообразил, что в словах маленькой злючки есть доля правды. Это так расстроило Охотника, что он даже ругаться перестал.

– Да, надежда Гильдии, с вами не скучно... с вами страшно! – махнул он отмытой от клея рукой. – Живо по кроватям, пока я вас не поубивал!

Три понурившиеся маленькие тени скользнули в дверь. Шенги глядел им вслед и думал: есть тысяча вещей, которым должен научиться человек, прежде чем самому стать учителем. И

самые неотложные из них, наверное, две: умение прощать и способность посмеяться над самой нелепой ситуацией, в которую угодишь. Хотя бы про себя, в душе.

Ладно, пора спать! Охотник шагнул было к крыльцу, но остановился – так поразила его представившаяся вдруг картина, яркая, словно увиденная наяву.

По залитой лунным светом улице идет мальчик. Не крадется, не прячется в тени заборов. Походка ровная и твердая, голова высоко поднята. С неба в любой миг может бесшумно пасть крылатый убийца. Все ворота заперты на замки и засовы, никто не выйдет на крик, никто не поможет юному смельчаку...

И ведь пошел бы, не испугался...

9

Еще не рассвело, когда Шенги проснулся – резко, словно от грубого толчка. Перед глазами стояло ночное видение – узкое бледное лицо с торчащими усами.

Женби – вот как его звали, этого бедолагу. Жало Шмеля.

За раздумьями о тайне убийства все забыли о жертве. Это щуплое тело с красным пятном на спине было для всех лишь знаком неприятностей. И для Шенги, и для хозяина игорного дома, и особенно для Киджара. Какое раздосадованное лицо было у десятника, когда он, завязывая тесемки у ворота, недовольно бубнил: «Раз почти при мне все случилось, стало быть, мне с покойничком и возиться! И что у меня за судьба такая злосчастная? Как в ЛПути по радуге“ что стрясется, так обязательно мне разбираться! Будто в страже других десятников нету!»

У всех покойный пролаза вызывал лишь раздражение. А ведь он пытался сказать про какую-то беду... о том, что погибнут люди...

Шенги рывком сел на постели, уставился перед собой в темноту. Женби говорил, что завтра будет поздно! Ну-ка, поточнее – каковы были его последние слова?

«На рассвете...»

Охотник сам не заметил, как натянул сапоги. Одна ниточка есть, и надо идти туда, куда она поведет.

* * *

В белесой полумгле постоялый двор «Счастливого путника» выглядел сонным и мирным, как свернувшийся калачиком кот.

Шенги вжал в ладонь талисман так, что края серебряной пластинки врезались в кожу. Если верить колдовской вещи, Урихо спокойно спит за этой бревенчатой стеной! А ведь Совиная Лапа был уверен, что, какая бы гадость ни затевалась, светлоусый пролаза в ней запачкан по макушку!

Неужели ошибка? Вряд ли. Ведь убитый был в тот вечер в компании Урихо! В компании... так-так... их же трое было! А третий?

Память упрямылась, рисовала то выпяченный вперед массивный подбородок, то морщинистый лоб с высокими залысинами, то близко поставленные глаза... и вдруг разом выбросила на поверхность грубое, суровое, словно из камня высеченное лицо.

Пришла уверенность: человек, виденный в игорном доме, идет сейчас берегом озера. Талисман еще ни разу не лгал. Но что там понадобилось пролазе в такую рань? Может, это и есть ниточка, которую Шенги поспешил счесть оборвавшейся?

* * *

Ветер отнес туман в сторону, и озеро нежилось в берегах, словно женщина, во сне сбросившая с себя одеяло. Только веяло от «красавицы» не уютом и негой, а стылým холодом. Да и берег с пожелтевшими клоками травы не наводил на сладкие мысли.

За облетевшей ивой в озеро убегали деревянные мостки – на таких прачки полощут белье. Но сейчас здесь не болтали женщины с подоткнутыми подолами и красными от холода руками. На краю мостков на коленях стоял плечистый человек в кожаной куртке и пристально всматривался в воду.

Охотник шагнул из-за корявого ствола ивы, прикидывая, как завести разговор со вчерашним спутником Урихо. Но когда тот по-звериному настороженно оглянулся через плечо, Шенги понял, что ничего сочинять не надо. Вежливой беседы не будет. От пролазы, поднывавшегося на ноги, веяло холодом сильнее, чем от осеннего озера.

– Выследил? – спросил он, точно сплюнул.

– Как видишь, – сухо отозвался Шенги с таким видом, словно был посвящен во все секреты всех темных личностей в Издагмире и его окрестностях.

Глаза пролазы скользнули по открытому берегу, по чахлым голым кустикам.

– Неужто один пришел? – хрипло хохотнул он. – А ты, выходит, дурак! Вот первый им на мясо и пойдешь!

– Так и ты вроде не с армией, – сдержанно ответил Охотник, про себя отметив слова «им на мясо». Уж не людоедством ли здесь пахнет?

Насчет людоедства неизвестно, а вот дракой не пахнет, а прямо воняет. У мерзавца уже меч в руке – кстати, в левой. Правая застыла в опасной близости от пояса, за который заткнут топорик с короткой рукоятью. По виду игрушка, а на деле пакостная штука.

Противники смерили друг друга взглядами. Было ясно, что мирно разойтись не удастся. Охотник мгновенно оценил широкие плечи и длинные руки противника. Но больше всего неприятностей сулил взгляд – холодный, уверенный, равнодушно-безжалостный. И правильная стойка. Может, сейчас этот парень и пролаза, но раньше определенно был наемником.

– Болтливые у тебя дружки, – наугад сказал Шенги, обнажив меч.

Жесткий рот противника искривился в неприятной ухмылке:

– Был один болтливый, так ему сегодня на костре гореть. Если тянуть не буду, ты с ним на одну поленницу лечь успеешь.

И пролаза сделал шаг вперед. Шенги чуть переместился, чтобы помешать противнику покинуть мостки. Он стоял на твердой почве и намерен был не выпускать врага с хилых пружинящих досок.

– Тогда поторопись, – сказал Охотник. – Я предупредил кое-кого из стражи. Скоро здесь будет мой друг со своим десятком.

Почему-то эти слова позабавили пролазу. Видимо, не поверил. Скверная улыбочка стала шире, с губ сорвался смешок. Топор словно сам прыгнул в правую руку.

– Лучше бы подальше от берега, – вдруг озабоченно сказал пролаза. – А то не вышло бы драки без победителя.

– Стой, где стоишь, – откликнулся Охотник. – С утра пораньше искупаться – милое дело. Вот ты у меня сейчас нырять и отправишься.

Он бросил это просто так, чтобы поддразнить противника... и с удивлением заметил метнувшийся в глазах детины страх. И тут же пролаза кинулся в атаку.

Отбить сильный, но бесхитростный прием «гроза над лесом» было легко, но, чтоб не попасть под удар топора, Шенги пришлось упасть наземь и перекатиться навстречу врагу. Снизу вверх Охотник коротко ударил, как ужалил. Меч прорезал жесткий кожаный рукав

и задел руку противника. Послышалось глухое ругательство. Охотник приготовился отбить падающий сверху топор, но пролаза вместо удара перепрыгнул через Шенги и отступил на несколько шагов от берега.

Шенги вскочил на ноги, перешел в атаку. Противник оказался бывалым бойцом, оборону держал глухо, не обращая внимания на рану в левой руке. Но даже яростный накал поединка не помешал Совиной Лапе заметить взгляды, которые пролаза бросал мимо него на берег. Сначала Шенги считал это неуклюжей попыткой отвлечь его, заставить обернуться. Но в какой-то момент боя пришло понимание: это не ловушка! Враг действительно нервничает, ожидая опасности со стороны озера!

Не успел Охотник об этом подумать, как пролаза прыгнул в сторону, взмахнул правой рукой. Грозный топор с короткой рукоятью и тяжелым лезвием, которого Шенги опасался больше, чем меча, кувыркнулся в воздухе и порхнул мимо головы увернувшегося Охотника. Пролетел так близко, что задел волосы, и плюхнулся в воду.

Отчаянная попытка разом закончить бой решила судьбу пролазы. Получив преимущество, Шенги могучим ударом отвел вражеский меч, выбросил лапу навстречу врагу и сомкнул когти на горле с такой силой, что сломал противнику шею.

Стоя над трупом врага, Охотник осмотрелся. Он победил, но что дала ему победа? Ничего не узнал, не сумел предотвратить неведомое злодейство... всего лишь отбил от набросившегося на него безымянного пролазы! Какую же тайну тот унес в Бездну?

Вытерев меч и убрав его в ножны, Шенги задумчиво прошелся по шатким мосткам. Кажется, отсюда пролаза глядел в воду... ах да, он на коленях стоял...

Охотник опустил на колени, всмотрелся в воду и оцепенел, не веря глазам. То, что обрисовывалось на мелководье, не могло принадлежать Миру Людей!

В памяти всплыла картина, увиденная некогда за Гранью: зной, пожухлая трава, чавкающая под ногами грязь пересохшего почти до дна озера. И учитель, обеими руками поднимающий небольшой, но увесистый серый шар: «Возьми, не бойся! Его можно молотком расколоть, высох насквозь. Но он жив, просто в спячке, от засухи спасается. Гляди, как свернулся, вроде ежика: со всех сторон спинные щитки. Все внутри – и живот, и лапы. Кожа высохла, легкая, тонкая, можно в пыль растереть. А как пойдут дожди...»

Внизу, на мелководье, серый шар разворачивался, вытягивался. Отчетливо стали видны темный хребет и отходящие от него изогнутые боковые щитки – словно скелет обглоданной кем-то крупной рыбы ожил и пустился в плавание. Кожа между щитками, на животе и лапах была светлее и в воде казалась невидимой.

Тварь, по-змеиному вильнув темным телом, скользнула на глубину.

– Еж водяной! – не то простонал, не то выругался Шенги.

И в ответ вновь зазвучали в памяти слова учителя: «В воде он развернется, кожа набухнет, станет прочной. Тогда не попадайся ему, мой мальчик! Водяной еж – хищник не очень крупный, но свирепый и прожорливый. После спячки его мучит голод, он бросается на все живое, обшаривает воду и берег...»

Ладонь вжала в кожу треугольную пластинку. Шенги, поборов смятение, представил себе скользкий в глубине «рыбий остов» с черными пятнами глаз.

Да эта тварь не одна! Сколько их тут – три, четыре?.. Нет, все-таки три.

Озеро небольшое, но глубокое. Вряд ли сеть достанет до дна. А как еще выловить эту мразь?

Шенги вздрогнул при мысли о горожанах, которые часто здесь рыбачат, о стирающих белье женщинах, о детях, которые любят кататься на самодельных плотках.

Нет, еще не поздно, не может быть поздно! Водяные ежи вряд ли ушли от берега: они голодны, а их пища – животные, которые приходят на водопой.

Шенги спрыгнул с мостков и захлюпал сапогами по глинистому дну. Вода прижала мягкие голенища к ногам. Брр, холодно! Охотник взял меч в правую – когтистую – руку, а левой, наклонившись, плеснул в лицо ледяную влагу. Где ты, гадина? Перед тобой беспечный путник!

Ноги мерзли. Ветер пробирал до костей. Шенги шагнул вперед, зачерпнул в сапог воды и негромко выругался.

И словно ответом на его брань из воды вывернулось длинное тело. Распахнутая зубастая пасть метила вцепиться в запястье, но Шенги, ожидавший нападения, встретил тварь клинком. Острые длинные зубы ударили по металлу, и тут что-то сильно поддало Охотнику под колени. На суше он устоял бы, но скользкое дно предательски разъехалось под сапогами. Шенги грохнулся на спину, оглушающе холодная вода сомкнулась над ним. Он забарахтался, захлебываясь и выронив меч, и даже не понял, что когти сомкнулись на чем-то упругом, трепыхающемся.

Перевернувшись на четвереньки, Шенги оттолкнулся от дна, встал на колени, с кашлем изверг из себя воду, которой успел наглотаться, и поднял над головой лапу – на ней яростно извивалась длинная тварь, похожая на гигантскую щуку с короткими плоскими лапами. Когти просадили водяному ежу серое брюхо, но хищник неистово пытался дотянуться до врага.

Зарывав от ненависти, Шенги подцепил тварь левой рукой за край спинного щитка и с хрустом разорвал водяного ежа пополам. Подгорный Охотник действительно был очень силен.

Страхнул с когтей останки твари и почувствовал боль. Крепкие челюсти, прокусив левый сапог, сомкнулись на ноге. Если бы не кожаное голенище, еж раздробил бы человеку кость, но и так укус был глубок. Взбаламученная вода окрасилась кровью. Мелькнула мысль, что зубы водяного ежа ядовиты, но тут же исчезла. Шенги ударил когтистой лапой в воду, как рыбак бьет острогой. Тварь завертелась, выпустила сапог, но не уплыла: голод перевесил осторожность. Еж понял свою ошибку слишком поздно, – когда удар перевернул его на спину и страшные когти сверху донизу распороли кожистое брюхо.

Шенги, пошатываясь, встал на ноги. Только теперь он почувствовал, как замерз. Лязгая зубами, Охотник нашарил негнушимися пальцами талисман, выбившийся из-под рубахи, и заправил его за ворот.

Остались еще в живых водяные ежи?

Талисман подсказал: позади, за спиной! Шенги обернулся так круто, что ноги разъехались на глине. На берегу, возле трупа пролазы, шевелилась серая длинная тварь.

Совиная Лапа бросился к берегу. Мускулы сводило от холода, в сапогах бултыхалась вода, позади тянулся мутно-розовый след.

Еж защелкал зубами и вытянулся во всю длину – по грудь Шенги. Он опирался на цепочку щитков, как на позвоночник, и стоял твердо и уверенно, выставив перед собой перепончатые лапы. В воде он не пользовался ими для драки, но сейчас из перепонки выросли когти.

Но у Охотника тоже были когти! В боевой ярости, не чувствуя опасности, бросился он на тварь, как кот на крысу. Сбил, вцепился, рвал своей страшной лапой, пока хищник из Подгорного Мира не перестал дергаться...

Шенги тяжело поднялся на ноги. Куртка на груди была изодрана, лохмотья рубахи пропитались кровью. Охотник взглянул вниз, на тело пролазы, которому водяной еж успел выгрызть горло. Подкатила дурнота, в ушах резко и пронзительно жужжали тысячи пчел. Он покачнулся, но кто-то бережно подхватил его за плечи.

Шенги так и не понял, что за люди оказались рядом, зачем боги привели их на берег. Запомнил чужой плащ, брошенный на плечи. Еще запомнил, как рвался к озеру – отыскать утопленный меч. Его не пускали, а он непослушным языком доказывал, что без меча ему никак нельзя.

А потом исчезло и это, растворилось в жаркой, душной темноте.

10

– Жабья Подушка?.. Она... ну, это... на мешок похожа. Кожаный и слизистый. Перекатывается с места на место, может выпускать щупальца...

Нургидан беспомощно огляделся. Никто не собирался ему подсказывать. Дайру стоял у стены, держа в вытянутой руке тяжелый шест: развивал силу кисти. Напряженный, несчастный, лицо сморщилось, зубы стиснуты – жалкое зрелище! Нитха хлопотала у кипящего над очагом котелка, сыпала туда сушеную малину и зверобой – варила снадобье по оставленному лекарем рецепту. Не так уж силен яд водяного ежа, но вместе с простудой сумел уложить Охотника в постель.

Учитель, бледный, осунувшийся, укутан меховым плащом. Глубоко запавшие глаза смотрят строго и неласково:

– Я не спрашиваю тебя, как выглядит Жабья Подушка. Отвечай: что ты сделаешь, встретив ее в Подгорном Мире?

– Щупальца отрублю!

– Все, ты уже покойник. Она из щупальцев молнии мечет. Эй, Нитха! А ты что сделаешь на месте Нургидана?

Девочка повернула к учителю личико, покрасневшее от жара очага:

– Ну... из арбалета ее...

– Молодец. Раздразнила хищника. Стрелой эту гадину не убьешь, а гнаться за тобой после этого она будет очень, очень долго. Дайру, слышал вопрос? Отвечай!

Мальчишка был целиком занят борьбой с непокорным шестом. Сквозь сжатые от напряжения зубы он процедил лишь одно слово:

– Убегу!

– Вот! – просиял учитель. – Наконец-то! Правильно! Пользы от Жабьей Подушки никакой. За нее медяка не выручишь, ни за живую, ни за дохлую. Так какого болотного демона с ней связываться?.. Нургидан, не корчи рожу! Вечно тебя тянет на кровопролитные подвиги! Запомни: Подгорный Охотник – не воин на стене родного города. Для нас убежать от опасности не позор. Убежим, потом вернемся.

– Как говорят у нас в Наррабане, если навстречу тебе идет слон – уступи ему дорогу! – бодро растолковала Нитха слова учителя для особо непонятливых.

– Вот именно. Девочка моя, что за гадость ты сыплешь в котелок?

– Не гадость, а корни фиалки.

– О-ох! Не буду это пить!

– Я меду добавлю, – поспешила Нитха успокоить капризного больного. В голосе ее звучали материнские нотки.

– Посмотрим... – с недоверием протянул Шенги.

– Учи-итель! – проскулил Дайру. – Мне долго еще стоять? Плечи ломит, рука будто не моя...

– Держи, держи... А ты, Нургидан, расскажи, как выглядят пузыри-убийцы.

– Они такие... такие пузыри. С тремя щупальцами. И летают... В жару – высоко, в холод – еле-еле над землей... – начал Нургидан вытряхивать из памяти случайно застрявшие там убогие обрывки недавно прочитанного. Этому мучительному занятию он предпочел бы встречу с голодным пузырем-убийцей.

Дайру, стараясь отвлечься от своей пытки, зорко следил за Нитхой и поймал ее на промашке:

– Земляничного листа надо две пригоршни, а не одну!

– Одну, – бросила девчушка через плечо. – Это ты с липовым цветом спутал.

– Я? – ахнул Дайру, от обиды забыв о шесте, который сразу склонился к полу. – Да я сроду ничего не... вон на столе рецепт, там написано...

– ...что одну пригоршню! – перебила упрямая девчонка. – Нургидан, ты ближе к столу сидишь, глянь, что там лекарь нацарапал!

Нургидан с огромным облегчением прекратил свое бессвязное вяканье, подхватил со стола клочок пергамента, оставленный лекарем, и громко прочел:

– «Если хочешь узнать, кому была продана Аймерра, приходи в игорный дом JПуть по радуге“ сегодня вечером...»

– Э-эй, чего читаешь? – изумилась Нитха.

– Да, вроде не рецепт, – дошло до Нургидана. Он перевернул пергамент. – А, вот он где! Твоя правда, Отребье, земляничного листа надо две пригоршни.

– Постой, – изменившимся голосом перебил учитель и сел на постели. – Дай сюда!

Он повертел в пальцах обрывок пергамента. С одной стороны – перечень трав и корней, с другой – чужая записка, вовсе не касающаяся его, Шенги. Если бы не имя – Аймерра...

Охотник рассеянно велел Дайру отложить шест и отдохнуть, а Нургидану – перечитать то место в книге Лауруша, где говорится о пузырях-убийцах. А сам отвернулся к стене и натянул на голову край плаща. Ребята перешли на шепот, чтобы не потревожить учителя. Но Шенги не спал – его медленно и плавно нес поток воспоминаний.

* * *

Аймерра Белая Роза... Имя было слишком ярким и пышным для худенькой, бледной, застенчивой девочки-подростка с большими серыми глазами.

Многие думали, что бедное дитя запугано суровым, недобрым старшим братом. Но Совиная Лапа был напарником Чингира, ходил с ним в Подгорный Мир, а там трудно таить друг от друга мысли и душу. Шенги знал, что угрюмый, резкий в суждениях Чингир живет ради девочки, служит ей каждым своим помыслом, каждым ударом сердца. А если зачастую строг с ней, так это потому, что не знает иного способа помешать злему и грубому миру запачкать этого ребенка.

Но Хозяйка Зла, старая гадина, терпеть не может, когда два человека становятся друг для друга смыслом жизни, и насылает на них черные напасти.

Когда Аймерре было шестнадцать, брат поселил ее у знакомого пасечника, чтобы мед и целебные травы помогли окрепнуть хрупкой, болезненной девочке. Добрая, приветливая семья, лес, цветы, птицы...

Кто ж мог угадать, что туда забредут из-за Непролазной топи остатки разбитой разбойничьей шайки, голодные, злые, с трудом оторвавшиеся от погони!

И запылал домик пасечника. И лег на пороге с двумя стрелами в груди хозяин, выбежавший с топором навстречу незваным гостям. А жена пасечника и Аймерра прожили еще день, хотя лучше бы им умереть сразу.

Чингир и Шенги прибыли на исходе этого страшного дня. То, что было дальше, врезалось в память Шенги, которому прежде не приходилось убивать людей. Хотя эти... разве они были людьми!

А потом горели погребальные костры и взывал к богам доставленный из города жрец. Печальные хлопоты легли на плечи Шенги: от окаменевшего, с потухшими глазами Чингира не было никакого толку. Он молча глядел перед собой, словно пытаясь понять нечто такое, что доступно лишь богам.

Когда Совиная Лапа поднес факел к краю погребальной пелены, на которой лежало тоненькое тельце, за спиной его раздался глухой невыразительный голос:

– Бедная малышка! Совсем молоденькая, не старше моей Аймерры...

Шенги сразу понял, что произошло, и, похолодев, обернулся.

Чингир глядел на струйки огня, поднимающиеся по еловым поленьям, со спокойным сочувствием постороннего человека:

– Ты хорошо сделал, что помог с похоронами. У бедняжки ведь никого из родни, да будет милостива Бездна к ее душе! А мне, прости, пора. Надо найти, кому эти гады продали мою сестренку.

Не зная, что сказать и чем помочь, Шенги смотрел в глаза, где поселилось безумие...

С тех пор судьба развела Охотников. Стороной до Шенги доходили слухи: Чингир продолжает ходить в Подгорный Мир, причем удачно. Свой дом продал, странствует из города в город и везде расспрашивает работорговцев о девушке по имени Аймерра.

* * *

От воспоминаний Совиную Лапу отвлек радостный визг Нитхи и веселый голос:

– Скорее дверь закроем, а то как бы нам больного хуже не простудить! Ну и ливень! Хорошо сейчас тем, у кого крыша над головой!

Шенги сел на постели, заулыбался. Возле двери тощий парень, веснушчатый и рыжий, сбросил с плеч плотную рогожку, которой укрывался от дождя.

– Промок? – приветливо спросил Шенги. – Плесните-ка вина, пусть согреется!

Дайру бросился к стоящему на столе кувшину. Вошедший излучал такое добродушное обаяние, что всем хотелось сделать для него что-нибудь хорошее или хотя бы сказать доброе слово. Был он рабом и помощником лекаря, которого звали Керусай Сломанная Стрела. Причем, по общему мнению горожан, помощник знал свое дело лучше знаменитого, но стареющего лекаря.

Парень с удовольствием осушил чашу и благодарно поклонился Шенги.

– Ну и как тут наш больной?.. Лучше, лучше! Я так и знал! Будь дело серьезное, хозяин бы сам пришел, а раз меня прислал, стало быть, больной на поправку идет!

– Я снадобье сварила! – гордо заявила Нитха. – Как в рецепте сказано!

– А я с порога запах почуял! – смешно, как кролик, задвигал носом парень. – С таким уходом Совиная Лапа в постели не залежится! Как горло? Глотать не больно?

Быстро осмотрев пациента, помощник лекаря заявил, что много чести для какой-то жалкой простуды справиться со знаменитым Шенги. И всякая плавучая пакость тоже пусть не хвастает, что победила Подгорного Охотника, даже если ей удалось тяпнуть его за пятку или повыше.

– Сам знаю, что скоро встану, – кивнул Шенги. – Но я спросить хочу... Глянь-ка на этот пергамент, да не на одну сторону, а на обе.

Парень в недоумении сдвинул густые брови, затем круглая физиономия просияла:

– А, это! Что ж тут непонятного? Мой хозяин – человек бережливый, не станет выбрасывать пергамент, что попал в руки. Текст можно соскоблить и написать что-то свое. Скажем, рецепт для пациента посolidнее, кому клочок бумаги совать неудобно.

– Я, значит, из солидных? – усмехнулся Шенги.

– А кто-нибудь смеет в этом сомневаться?

– Ладно-ладно... Не знаешь, что было раньше на той стороне, где рецепт?

– Конечно, знаю! Сам соскабливал текст, а на обороте – поленился. Там была записка хозяина постоянного двора «Золотой кубок». Заболела приезжая Подгорная Охотница. А из слуг оказался под рукой только один с Проклятых островов, плохо знал наш язык. Пришлось взять письмо, которое перед этим принесли кому-то из Охотников, и на обороте нацарапать записку к лекарю.

– Как звали женщину?

– Не помню, господин. Тяжелый случай отравления, даже мой хозяин и то не сумел ее спасти.

Сочтя тему исчерпанной, парень поклонился Шенги и принялся наставлять учеников, какие снадобья давать больному внутрь, а какими растирать грудь. Охотник не слушал, уйдя в свои мысли.

– Дейзана, – сказал он вдруг, прервав рассуждения помощника лекаря о целебных свойствах медвежьего жира. – Дейзана, она была напарницей Чингира. Я с ним когда-то за Грань ходил.

– Чингир? – нахмурился парень. – Этого помню! Можно сказать, у меня на руках умер. Он зарезал молодого Авимета из Рода Гайуруш, собственно, они друг друга... Помню, родственники Авимета подняли шум, а они люди влиятельные. Моего хозяина чуть не съели: почему к юному Авимету не сам побежал, а раба послал? А он не посылал, я случайно рядом оказался: танцовщица на гвоздь наступила, ранка загноилась, я мазь накладывал. А тут крики, гам, визг! Эти два ревнивых дурня почти сразу скончались. Я делал что мог, замотался вверх-вниз по лестнице бегать.

– Почему вверх-вниз? – насторожился Шенги.

– Ну как же... Авимет умирал в комнате Черной Азалии, на ковре – я на кровать переносить запретил. А Охотник скончался на заднем крыльце.

– На заднем крыльце? Почему?

– Откуда мне знать, господин мой? Наверно, хотел сбежать, да сил хватило только до крыльца.

Шенги вспомнил рассказ Черной Азалии. Не вяжется все, ох, не вяжется! Да еще это письмо...

В памяти всплыли слова Хранителя: «Согласится ли кто-нибудь из людей Гильдии приехать в это злосчастное место?» И впрямь злосчастное! Зло свивается, сплетается вокруг, словно незримая паутина, в первую очередь опутывая Подгорных Охотников!

Но если есть паутина, то есть и паук. И уж Шенги расстарается – доберется до мерзавца и все лапы ему из брюха повыдергивает!

11

– Ну куда столько кладешь, куда, кобыла ты выючная! Нам же все эти припасы и тащить! На плечах тащить, понимаешь? Хоть окорок оставь!

– А у нас в Наррабане говорят: «Уходишь в путь на день – бери еды на три дня!»

– Отстань от нее, Отребье, пусть возьмет окорок! Я же первый его и смолочу! Знаешь, какой у меня аппетит в дороге?

– Да-а, а как завтра мешки нести, так небось опять мне горбатиться?..

Шенги усмехался, вслушиваясь в разноголосицу за дверью. Надо же – Дайру возражает Нургидану! Меняется мальчик. Каким сюда явился – словно мышонок, чудом вырвавшийся из лап кошки! Потом чуть оттаял, но все же остался напряженным. Даже шутил с серьезным лицом. Изредка появлялась улыбка – робкая, неуверенная, готовая в любой миг исчезнуть. А теперь, смотри-ка, дразнит Нитху, спорит с Нургиданом! Глядишь, и в драку полезет. И давно пора, не все ж исподтишка пакости устраивать!

Охотник нахмурился. Правильно ли он делает, что тащит ребятишек в Подгорный Мир осенью? Чем ближе к зиме, тем неустойчивее Грань... Ничего, они ненадолго! Надо выяснить, как ученики перенесут переход. Некоторые не могут пройти за Врата, тут уж надо подыскивать другое ремесло.

Взгляд скользнул по столу, по неубранной посуде – за сборами взволнованные мальки забыли обо всем на свете.

За столом только что сидел знатный гость – сам Хранитель. Очень, очень любезно с его стороны! Второй раз навещает Охотника. Первый визит пришелся на время, когда Шенги едва переломил ход болезни, перестал метаться по кровати и в бреду звать Ульниту. При попытке встать головокружение валило Охотника на постель, но вместо ясного лица под короной пшеничной косы он уже видел озабоченные мордашки учеников. И говорить мог разумно. Во всяком случае, хотелось надеяться, что Хранитель не примет за плод горячечного воображения все, что Совиная Лапа вперемежку с кашлем сообщил о водяных ежах, пролазах и убийстве в игорном доме.

И сегодня Тагиарри, задумчиво вертя чашу с вином, рассказал, что провел расследование, увы, без результатов. К происшествию в игорном доме Урихо не имеет отношения – ушел до убийства. Охотник это подтверждает, не так ли? Что касается событий у озера, не осталось в живых ни того, кто хотел о них предупредить, ни того, кто пытался осуществить грязное дело... хотя Шенги не видел, как тот человек запускал в озеро водяных ежей, верно? История мерзкая, но концы обрублены. Возможно, под пытками Урихо стал бы многословнее, но...

«Понимаешь, – Хранитель поднял на собеседника умные, грустные глаза, – в молодости я обжегся. Казалось, что раз все ясно и вот он, злодей, так надо хватать его и прижать крепче! Он во всем признается, справедливость восторжествует, зло будет раздавлено! У меня, молодкососа, была в руках власть – реальная, тяжелая. И я имел случай видеть, как под каленым железом люди берут на себя черную вину и идут на эшафот. А потом, когда ничего не исправишь, вдруг выясняется...»

Хранитель замолчал, допил вино и перевел разговор на здоровье Шенги, а затем распрощался.

Охотник, которому ни разу (не считая поединков) не приходилось решать, жить или умереть человеку, понял одно: из-за судебной ошибки, допущенной Хранителем в юности, мерзавец Урихо избежит крепкого, жесткого допроса. Очень, очень жаль!..

В невеселые размышления ворвался со двора пронзительный голос Нитхи:

– Нельзя к нему! Он болен и лежит! Ну как некоторые люди не понимают...

Кого это она так свирепо гонит, мартышка наррабанская?

Плеснулась догадка – невероятная, немислимая, но заставившая вскочить с постели. Хорошо, что рубаха чистая... и побриться догадался...

Шенги вышел на крыльцо. Хмурый осенний день с отвычки показался ослепительным.

Не может быть, но так оно и есть!

Разъяренная Нитха, похожая на встрепанного воробушка, теснила к воротам женщину в длинном плаще с наброшенным на голову капюшоном.

– Нитха, что ты вытворяешь? Кто так гостей встречает? Заходи в дом, красавица!

Черная Азалия, обогнув потерявшую дар речи девчонку, плавно пересекла двор, с улыбкой взошла на крыльцо, перешагнула порог.

– Что девчушка гонит – не беда, – певуче сказала она, – а вот рад ли мне хозяин?

И откинула на плечи капюшон.

Вместо ответа Шенги наполнил чашу и с улыбкой протянул гостье. Пока та мелкими глотками пила вино, Совиная Лапа незаметно приглядывался к женщине. Что-то в ней изменилось... исчезла напористая, откровенная готовность идти в атаку... ох, да она же смущается! Даже если это фальшивая застенчивость, все равно ей очень, очень к лицу! Не роковая соблазнительница, а вдовушка-соседка, забежавшая проведать больного. Только узелка с угощением не хватает.

Словно угадала его мысли! Из-под плаща вынырнула смуглая ручка с полотняным узелком.

– После болезни полезно полакомиться. Мой господин так исхудал!
И скромно положила узелок на край стола. Вот хитрюга!
– Ну, если там лепешка с медом!.. – с шутовой строгостью рыкнул Шенги.
– Что ты, господин мой! Шутка, сказанная дважды, уже не шутка! Там пирог с рябиной.
– Гадость эта рябина! – раздался от входа звенящий яростью голосок. – Нельзя ее больному!

Шенги удержал себя от убийства и очень ровно спросил маленькую нахалку:

– Какого болотного демона тебе здесь нужно?

– Я за метлой... двор подмести...

– Метла на кухне, у очага. Запомни сама и передай мальчишкам: кто сейчас сюда сунется – стоню со двора! Поняла? Брысь!

Хлопок двери был коротким и злым, как ругательство.

Черная Азалия мягко, понимающе улыбнулась и обвела взглядом зал:

– А девочка спит вот здесь, верно?

– Да, за этой занавеской. Это у нас «женская половина».

Глаза актрисы подернулись влажной дымкой.

– «Женская половина»... ах, милая девочка, соблюдает обычаи родины! Я-то давно забыла... Но я догадалась не из-за занавески. Где еще висеть единственному зеркальцу, как не над ее постелью?

– Зеркальце? – удивился Шенги. – Как-то не замечал! Сам даже бреюсь без зеркала, привык.

Женщина легко прикоснулась кончиками пальцев к гладко выбритой щеке Охотника. Тронула и опустила руку. Короткая ласка всколыхнула душу мужчины.

– Девочка ревнует, – потупив глаза, глухо сказала красавица.

– Детские игры, – ответил Шенги. – Придумала себе героя.

И, положив левую руку на плечо женщине, он ласково и властно привлек ее к себе.

* * *

– А ну, вон отсюда! Расселись, бездельники, подметать мешают! – рычала Нитха, багровая от злости. – Нет чтоб воды принести или дрова в поленницу сложить!

– Ты, Дайру, ее слушайся, она вэшти! – назидательно сказал Нургидан, не двинувшись с края колодезного сруба, на котором удобно устроился.

– Пенек лопухий, дармоед, лодырь! – перенесла Нитха внимание персонально на него. – Утопила бы тебя в колодце, да воду портить жаль! Утхару нхэри, рагтха!..

– Хорошо, что я наррабанскому не обучен, – безмятежно бросил Нургидан куда-то в пространство. – Если б я, как дурень, чужие языки долбил, пришлось бы сейчас вставать, гоняться за ней по всему двору...

– А вот я тебя метлой – поймешь без перевода!

– Взбесилась, – убежденно и печально заключил Нургидан.

– Хуже, – уточнил Дайру. – Тяжелый случай: беспросветно влюблена. Как говорят у них в Наррабане...

И резво сорвался с места, улепетывая от растрепанной фурии с метлой наперевес.

– Караул! – вопил мальчишка на бегу. – Убивают! Жизни лишают! Уа-ау! Наррабан пошел войной! Ко мне, единоверцы!

Но его единоведец хохотал так, что чуть не опрокинулся со сруба в воду.

Кошкой взлетев на крышу кухни, Дайру свесился вниз и сообщил преследовательнице, что от несчастной любви есть хорошее средство – как следует поголодать. И он, Дайру, из дружбы готов героически взять на себя ужин Нитхи.

– Дурак! – ответила девочка, гордо вскинула голову и ушла за конюшню. Там, вдали от насмешливых глаз, она швырнула метлу на землю и дала волю слезам.

* * *

Темно-красное платье грудой лежало на полу у постели. Смуглая рука, словно легкая птица, опустилась на мягкие складки материи. Красная река скользнула вверх по стройным ногам женщины, по круглым коленям и замерла. Черная Азалия, уже перехватившая платье поудобнее, чтобы одеться, вдруг забыла о нем, обернулась к Шенги, улыбнулась медленной улыбкой женщины, которая довольна собой и любовником.

А Совиная Лапа испытывал чувства человека, который переплыл ревущий горный поток и теперь наслаждается покоем и гордостью за свое крепкое, сильное тело.

Да что за женщина была в его объятиях?! Пантера, вулкан, землетрясение! Неужели это она сейчас смотрит на него кротким, нежным взором, остановив на коленях утонувшие в красной материи руки?

То, что произошло, нельзя было назвать счастьем – слишком близко к Бездне... Но Шенги знал, что никогда не сумеет этого забыть.

Кольнула мысль: повторится ли это когда-нибудь?

А почему он сомневается? Конечно, повторится!

– Проводи меня, – сказала Черная Азалия. – Темнеет. Пока дойду, ночь будет.

Надо же, и впрямь стемнело! Значит, ему лишь показалось, что время остановилось.

* * *

Ведь не темная улица, не черные силуэты домов, не скользкий по небу месяц причиной тому, что с каждым шагом мужчина и женщина становятся все более чужими друг другу? Однако так оно и есть! Словно идут не рядом, а прочь друг от друга.

На Шенги вновь нахлынули неясные подозрения. Он не стал расспрашивать певицу о письме, понимая, что в любом случае она отопрется от этого клочка пергамента. Спросил о другом:

– Стража вас трясла после убийства?

– Ой, не говори! Этот твой Киджар... видишь, даже имя запомнила... ко всем приставал! Даже из меня потроха выгрыз, хотя я наверху была, ничего знать не знала, пока шум не поднялся. Зачем-то спрашивал про Урихо: кто с ним знаком, нет ли у кого с ним дел. А какие у нас, у девочек, дела?

– И у тебя, стало быть, никаких? – полушутя-полувсерьез спросил Шенги строгим, как на допросе, голосом.

– Ой, пропади он! Взял, дурак, привычку: усядется возле сцены и во все горло мне подпевает. Верблюд паршивый! Хоть бы слух был, а то голосит, как петух, которого лиса за крыло сцапала! Двух нот верно не возьмет! Но щедрый, ничего не скажешь.

И быстро, кокетливо повернула голову к спутнику. Лица не разглядеть было в тени капюшона, но Шенги отчетливо представил себе насмешливую, намекающую улыбочку и вздохнул. Не забыть с первой добычи подарить ей браслет или колечко.

Такой Черная Азалия нравилась ему меньше. И возникало смутное ощущение, что он угодил в ловушку, только еще не понял, в какую именно.

– Завтра на рассвете я иду в Подгорный Мир.

– Правда? Да хранят тебя боги!.. О, мы пришли, «Путь по радуге» за поворотом. Нет-нет, проводи до дверей, девочки обзавидуются.

* * *

Как видно, не только девочки из игорного дома не спят по ночам. Когда Шенги возвращался, его окликнули из-за забора соседнего дома.

– И ты здравствуй, почтенный Вайсувеш, – ответил Совинья Лапа соседу. – Что так поздно на ногах? Заработался?

– Ты бы, Охотник, поосторожнее! – не отвечая на вопрос, многозначительно отозвался чучельник. Его круглая голова торчала над забором, словно насаженная на кол. – Прошлым вечером над твоим двором реяли огромные крылья!

– Спасибо за предупреждение, – сказал Шенги, уверенный, что чудаковатому Вайсувешу все померещилось. – Скажу моим мышатам, чтоб ночью по двору не шастали.

И пошел было прочь, но был остановлен странным голосом за спиной – напряженным, чуть привизгивающим:

– Как это ты сказал? «Мои мышата»? Про детей, да? Мне нравится... я запомню.

Шенги недоуменно обернулся, но над оградой уже не торчал шар головы – Вайсувеш исчез.

12

Крошечный постоялый двор неподалеку от Издагмира выглядел настолько неказисто и неприветливо, что ни один мало-мальски приличный путник не шагнул бы через порог, ну, разве что гроза или снегопад загонят в такое сомнительное место. Но даже гроза, бушующая за окном, не сделала бы уютной грязную комнату, освещенную полудохлыми огоньками двух светильников и густо провонявшую кислым вином и квашеной капустой, которую хозяин щедро клал во все блюда, вероятно, чтобы заглушить вкус несвежего мяса. Обычно посетители были под стать заведению – побирушки и бродяги, с которых хозяин брал вперед плату за еду, вино и ночлег. (Причем не только медью, но и вещами. И никогда не спрашивал, откуда эти вещи взялись.)

Сейчас, несмотря на висящую за окном сетку дождя, за столом сидели всего двое гостей, неспешно поглощали тушеного зайца с неизменной капустой и время от времени бросали взгляды на дверь.

Тот, что помоложе, носил кличку Вертел, поскольку был тощим и долговязым и в прошлом имел отношение к уважаемому поварскому ремеслу. Второй – здоровенный, плечистый, обвитый тугими узлами мышц – был прежде кузнецом и гордо именовал себя Каршихоут Драчливый Пес из Семейства Чатухарш. В кругах, где он сейчас вращался, не принято было трепать направо и налево свое настоящее имя, даже если оно имелось. Все новые знакомые кузнеца давным-давно обзавелись кличками (зачастую против собственного желания). Но кузнец резко пресекал всякие покушения на имя, данное ему отцом. А тот, кто с одного удара кулаком загоняет гвоздь в столешницу по самую шляпку, может звать себя как пожелает.

– Где их демоны носят? – нарушил молчание младший из бродяг. – Сил нету дожидаться и отраву жрать! Этот заяц – преступление против кулинарного искусства!

Его массивный сотрапезник некоторое время молчал, давая услышанному время докаться от ушей до мозга. Затем уставил взгляд в миску и недоуменно прогудел:

– Заяц как заяц. – Помолчал, подумал и веско уточнил: – С капустой.

Вертел посмотрел на упомянутое блюдо с видом придворного художника, разглядывающего трактирную вывеску, намалеванную пьяным маляром.

– Капуста! Да за такую капусту повара на болото надо, канавы рыть...

И тут же предусмотрительно заткнулся, потому что к столу приближался хозяин постоянного двора, человек суровый, не выносящий критики в адрес своего заведения и свято исповедующий принцип «не нравится – не жри».

– Ночевать будете? – спросил он, ставя на стол глиняный кувшин с вином.

– Нет, – ответил Вертел. – Дождемся своих и уйдем.

Взгляд хозяина задержался на добротном кожаном поясе второго гостя. Если бродяги передумают, пояс можно будет взять в уплату за ночлег.

– Зря, – снизошел хозяин до уговоров. – Слыхали, что говорят? Утром еще труп нашли, в ключья изодранный. Древняя Сова летает! Ночью шляться... – Оборвав фразу, он отошел, предоставив посетителям самим сделать вывод из сказанного.

На молодого бродягу эти слова произвели впечатление. Он со страхом оглянулся на распахнутое окно, за которым сгущалась тьма.

– Была б у меня кузница, – мечтательно пробасил его приятель, – я бы по чужим углам не...

Вертел закивал и поспешил налить Каршихоуту вина. Ему совсем не хотелось в сотый раз выслушивать историю об утраченной кузнице – единственную историю, которую кузнец рассказывал не сбиваясь и без долгих пауз после каждой фразы.

Парень и без того знал, что кузнец крепко задолжал соседу. Договорился по-хорошему, что будет ежемесячно платить проценты. И платил. Но потом была ссора из-за ерунды, и гад сосед потребовал, чтобы Каршихоут немедленно вернул долг целиком, даже если придется продать кузницу. Кузнец вспылил, разорался на полгорода, врезал паскуде, что самое глупое – при свидетелях врезал! Потом плюнул и ушел. А наутро соседа нашли зарезанным. Каршихоут струсил и ударился в бега.

Молодой бродяга неодобрительно покосился на приятеля, уткнувшегося в чашу с вином. Да если бы у него была кузница, или поле, или дом... хоть что-нибудь, что он называл бы своим! Разве он сбежал бы? А этот здоровяк даже не пытался побороться за то, что ему дорого. А теперь хнычет!

Впрочем, беспристрастно признал парень, не ему, Вертелу, об этом судить. Ему-то сроду ничего не принадлежало. Сам всю жизнь принадлежал кому-то – раб от рождения! Только и есть дорогого, что своя шкура, которую и спасает в лесу...

Дверь приоткрылась. На пороге встал обтрепанный краснолицый тип неопределенного возраста, с мышинового цвета шевелюрой и бегающими глазками.

Каршихоут и Вертел обернулись к двери. Но если вошедший ожидал приветствий, то их не последовало.

– А где Тертый? – прогудел кузнец.

Вместо ответа краснолицый подсел к столу.

– Налейте винца! Ох, замерз же я! Холодище на дворе – хоть в собачью конуру лезь и бок о бок с дворняжкой грейся!

– Тебя спросили, где Тертый? – прикрикнул молодой бродяга. – Вечно из тебя, Червяк, каждое толковое слово вытряхивать приходится!

Его негодование можно было понять. Тот, кого он назвал Червяком, любил напускать на себя таинственность. Ни один из королевских вельмож не смог бы так дать понять простым смертным, что ему ведомы важные тайны, как это делал безродный оборванец из разбойничьей шайки.

Сейчас его ужимки были особенно неуместны: положение дел не допускало шуток. Подступала зима, неласковая к бездомным. Пора было оставить лесные шалаши. С крестьянами из окрестных деревень отношения давно безнадежно испортились, и виной тому была недавновидность атамана по кличке Тертый. Вечно гнался за сиюминутной выгодой: то на лесной дороге разденет кого-нибудь из местных, то затащит в кусты деревенскую красотку. А теперь,

когда по снежку можно будет выследить бродяг, как зайцев, за помощью к крестьянам лучше не соваться. Оставался Издагмир. Но у каждого были причины держаться подальше от стражи, поэтому планы торжественного прибытия в город как-то даже не возникали.

Разбойники-неудачники решили, что в Издагмир пойдут Тертый и Червяк. Подвиги этих двоих были меньше известны городским властям (не потому, что парни плохо старались, просто они были не местные). Они должны были найти щель, куда четверо бедолаг смогли бы забиться до весны.

А теперь Червяк возвращается один да еще смеет трепать душу собратьям по шайке!

Что Вертел злится, это ничего, а вот то, что похожее чувство начало загораться в маленьких глазках кузнеца...

Оценив опасность, Червяк поспешно заговорил:

– Плохи дела! Тертый влип!

За этим ясным и недвусмысленным сообщением последовал путанный и бессвязный рассказ о некоем господине, с которым лучше не ссориться. Господин этот, чье имя Червяк поклялся держать в тайне, опознал бродяг и приказал своим людям их схватить. Тертый остался в плену, а Червяк отправлен к шайке, чтобы передать слова господина: главаря можно выкупить за некую услугу.

Краснолицый смолк с видом заговорщика, в чьих руках находятся все нити незримой паутины.

– Да говори, Червяк несчастный! – не выдержал молодой разбойник. – А то как врежу! – Он оглянулся на могучего приятеля и поправился: – Каршихоут врежет!

Кузнец согласно кивнул.

– Что за господин такой? – тяжело бросил он. – И что за услуга?

Вертел восхищенно цокнул языком: при всей своей медлительности Каршихоут умел смотреть в суть вещей.

– Вот хоть режьте – имени не скажу! – истово отозвался Червяк. – Это ж я мигом в Бездну кувыркнушь, храни Безликие! А про услугу скажу, для того и послан. Грайанскую башню знаете? Там живет Подгорный Охотник. В ученицах у него девчушка такая, Нитха. Наррабачка, стало быть. Если эту Нитху выкрадем и господину доставим, то и Тертого выручим, и зиму безбедно проживем.

– А на кой ему эта Нитха? – недогадливо спросил кузнец.

На идиотский вопрос и ответ был соответствующий:

– По грибы с ней ходить.

– А сколько лет девчонке? – спросил помрачневший Вертел.

– А мне оно надо – это знать? Вроде господин говорил – двенадцать.

Молодого бродягу передернуло:

– И мы для какой-то сволочи должны украсть ребенка?

– Нет, вы гляньте! Порядочный какой! – зашипел Червяк. – А к хозяину назад не хочешь? За тебя, придурка, умные люди все решили. Трепыхнешься – господин тебя в ниточку вытянет и в клубок смотает! Он каждый твой шаг знает будет!

«Ты как раз ему про меня и нащебечешь!» – тоскливо подумал парень и поглядел в окно. И даже ночная мгла, в глубине которой парил на беззвучных крыльях демон-убийца, не казалась ему такой мрачной и беспросветной, как будущее, которое накатывалось давящим кошмаром.

– Я объяснял, но ты, Нургидан, никогда не слушаешь! Большинство Врат действительно в скалах: пещеры, трещины... Сначала люди думали, что попадают в подгорное царство. А потом где только ни находили трещины в Грани! Даже под водой есть, хотя лично мне нырять не приходилось.

Шенги испытующе посмотрел на учеников. Бледные, однако держатся неплохо.

Нургидан вцепился в рукоять меча. Конечно, ожидает, что сразу за Вратами на него набросится стая чудовищ, сквозь которую придется прорубаться. (А что, и такое может случиться!)

Дайру жметя к учителю, но не паникует и не пищит. Язык время от времени скользит по сухим губам, словно стараясь вновь почувствовать острую горечь Снадобья, которое приготовил для учеников Совиная Лапа.

А Нитха – та вообще молодцом! В карих глазенках больше любопытства, чем страха. На овраг все поглядывает – мол, когда кончим болтать и пойдем за Грань?

Придется обождать, малышка...

– Эй, цыплята, слушать и запоминать каждое слово! На переходе держать друг друга за руки и не выпускать, даже если споткнешься или ветка хлестнет по лицу. В конце перехода дам команду – замрете на месте. Кто знает, куда нас вынесет! Может, на край пропасти. В складке – от меня ни на шаг! Поняли? Ну, храни нас Безликие!

Ладошка девочки доверчиво легла в руку учителя. За другую, когтистую руку судорожно уцепился Дайру. Охотник убедился, что Нургидан держит за руку Нитху, и повел свой маленький отряд по дну глубокого сырого оврага.

Под ногами хлюпала грязь, покрытая густым слоем палой листвы. Над головой сомкнулись голые ветви, исчеркав хмурое небо. Сквозь решетку ветвей лениво глядело солнце: хоть Совиная Лапа и его ученики вышли в путь на рассвете, но до Врат добрались лишь за полдень...

Высокие стены оврага, поросшие мелкими кустиками и пожухлой травой, исполосованные дождевыми потоками, сомкнулись вокруг путников.

Ни один из ребятишек не ойкнул, когда пелена тумана, возникнув ниоткуда, застлала взгляд. Возникла – и сразу рассеялась, открыв глазам иной пейзаж: круглые колючие кусты, разбросанные по сухой, потрескавшейся земле. Меж кустами щетинились пучки сухой белесой травы.

Охотник бросил на открывшийся простор короткий взгляд и тут же перенес внимание на учеников.

Нитха побелела, как сугроб, огромные глаза распахнулись навстречу открывшимся чудесам. Не упала бы в обморок! Дайру, наоборот, успокоился. Взгляд задумчивый – небось перебирает в памяти все, что умные люди писали про эту складку. А вот Нургидану очень, очень худо! Согнулся дугой, наизнанку его выворачивает...

Шенги поддержал ученика за плечи. Тот самолюбиво отстранился, выпрямился и прохрипел:

– Я... Мне нельзя... за Грань, да?

И новый жестокий приступ рвоты сотряс его тело.

– Ты же прошел! – воскликнул Охотник. – Некоторых Подгорный Мир встречает неласково, но потерпи, со временем легче будет!

В зеленых глазах мальчика сквозь дымку страдания засветилась надежда:

– Значит, я не один такой?

– Не один? – хохотнул Шенги. – Ты б видел меня после первого перехода! Учитель очень, очень долго уговаривал меня встать с четверенек!

Эти слова подействовали на Нургидана лучше всякого лекарства. Он глотнул воздух, восстанавливая дыхание, и взял протянутую учителем фляжку с водой.

– Ничего... я сейчас, я уже...

– Жаль, не встретились Твари, – тихо сказал Дайру. – Ты б их своей зеленой рожей распугал.

Нургидан угрожающе дернулся к насмешнику и налетел грудью на вытянутую руку учителя.

– А ну прекратить, вы, оба!.. Дайру, придержи язык! На себя бы поглядел – на погребальный костер таких красавчиков укладывают! Нургидан, запомни: на слово отвечает ударом только слабый человек. Сильный, уверенный в себе отвечает на слово словом... А теперь всем заткнуться и слушать меня! Зашли мы неплохо. Я бы даже сказал, очень, очень хорошо зашли. Складка спокойная, медленная, широкая. Не нужно даже идти след в след. Кто скажет, как я это определил?

Первым откликнулся, конечно, Дайру:

– Если складка узкая, можно насквозь разглядеть соседние складки.

– Правильно. Все вокруг зыбкое, неясное и шевелится. Нельзя на глаз определить расстояние до скал или там деревьев: то они рядом, то вдруг далеко... А здесь – пожалуйста, все как на ладони.

– Я думала, будет море, – протянула Нитха.

– Море? – удивился Охотник. – Почему?

– Ну, волны шумели, когда мы шли по оврагу... громко так...

Шенги резко обернулся к ученице, взял ее за плечи, заглянул в лицо:

– Шумели? А сейчас не шумят? Прислушайся, солнышко мое!

Сдвинув брови и сжав кулачки, девочка сосредоточилась.

– Немножко, – удивленно сказала она. – Сильнее всего позади. – Нитха оглянулась через плечо. – Вон туда шум уходит, налево... слабее становится...

– А по правую руку?

– Нет, там только ветер свистит.

– Так, умница, так! А теперь – очень, очень внимательно... Этот шум сзади – в нем нет ничего странного?

– Да-а... Вот отсюда и досюда, – махнула девочка рукой, – тишина, будто большое пятно.

– Пятно тишины? – не понял Дайру.

– Не мешай! – оборвал его Шенги. – Девочка моя, там не просто тишина, верно? Как будто оттуда все звуки кто-то высосал...

– Да! – расцвела Нитха. – Там, наверно, хоть в бубен бей – ни звука не услышишь!

– Там Врата, умница моя! – растроганно воскликнул Шенги. – Ну, Нитха, любят тебя твои наррабанские боги! Это складки двигаются, трутся друг о друга! – Охотник обернулся к мальчишкам. – Вы тоже со временем научитесь слышать... но чтоб так, сразу... Если со мной что случится, держитесь Нитхи, она выведет обратно.

У Дайру явно вертелся на языке десяток вопросов. Нургидан выглядел пасмурным: девочка отличилась, обскакала его. Нитха приосанилась, подняла голову, поглядывая на учителя: «Попробовала бы твоя певичка услышать шорох складок!»

Шенги заговорил спокойнее:

– Эти кусты называются сухой царапкой. Съедобных плодов царапка не дает, на костер годится, но быстро прогорает. Не ядовита, и на том спасибо. Крупных хищников здесь нет, но вы, мальки, не расслабляйтесь: из соседних складок может кто угодно забежать, залететь и заползти... Живут тут земляные пыхтелки...

– Тагишагр пищет: мышевидный грызун с непарным числом резцов, – встрял Дайру.

– Заткнись, мышевидный... – прошипел Нургидан сквозь стиснутые зубы.

Учитель укоризненно взглянул на Дайру и продолжил:

– Вода в этих краях есть – речушки, маленькие озера. По берегам и трава погуще, и кусты позеленее, и зверье разное бродит. Особо ценные находки нас не поджидают, но для соседа-

чучельника подшибем какую-нибудь тварюшку, не портя шкурки... А теперь, птенцы, думайте, как найти воду! – Шенги привычно скользнул ладонью к талисману на шее, но сдержался, не тронул пластинки – пусть ученики сами осваиваются в складке. – Ну, где, по-вашему, река?

– Вон там, – не задумываясь ответил Нургидан. – Откуда ветер...

– Да? Почему ты так решил?

– Так ветер водой пахнет!

Шенги уже имел случай заметить, что чутье у Нургидана редкостное. Не хуже, чем память у Дайру! Поэтому он не стал возражать, когда отряд бодро затопал в наветренную сторону.

– Будет гроза? – спросил Дайру, лавируя меж шипастых ветвей.

– С чего ты это взял? Здесь гроз почти не бывает.

– Небо низкое... серое, тяжелое...

– А! Здесь всегда так. Кажется, что рукой достать можно. А если до ночи тут застрянем, увидишь сразу две луны.

* * *

Озерко лежало в зеленых берегах, как росинка на листке. Но Шенги запретил купаться и пить воду. Во-первых, в озере могло обитать что-нибудь кусачее и противное, а во-вторых, в Подгорном Мире лучше есть и пить то, что принес с собой.

Шенги чувствовал себя издерганным. То, что с хорошим напарником было бы легкой прогулкой, превратилось в пытку из-за озорников, которые перестали бояться чужого мира. Попробуй-ка одним глазом следить за шустрым парнишкой, другим глазом – за вторым, да еще сетовать на богов за то, что не дан тебе третий глаз для присмотра за смуглой непоседой, которая ухитряется быть в двух-трех местах одновременно.

Росла злость. Шенги готов был поубивать паршивцев. Поэтому заставлял себя говорить очень ровно и спокойно, тщательно следя за словами:

– Нитха, куда ты? Немедленно вернись... Что значит – «бабочка»? А если ядовитая?.. Дайру, Нургидан, прекратите пинать друг друга... О, вот это находка! Очень, очень повезло! Такие кусты растут по всему Подгорному Миру, но в этой складке я их не встречал.

Раскидистые, высокие кусты свесили к воде продолговатые серебристые листья.

– Это крапивняк, нам за него хорошо заплатят. Листья используются лекарями для... Нургидан, не-ет!.. Ну, разве я велел хватать листья голыми руками? Крапивняк ядовит... Нет, Дайру, ты ошибаешься, Нургидан не загнется в страшных корчах. Руки пару дней поболят... иди сюда, промой ладони. Остальные пусть пониже спустят рукава и рвут листья через ткань. Ничего, потом отстираем.

Работа закипела. Ребятишки проворно обрывали длинные листья и складывали на расстеленный плащ, в общую кучу: по правилам Гильдии добыча учеников принадлежала учителю. Нургидан с перевязанными ладонями не отставал от других. Если ему и было больно, он этого не показывал. Сам Шенги действовал лапой – «причесывал» когтями ветку и стряхивал на плащ пригоршни листьев.

В веселую суету ворвался капризный голосок Нитхи, отошедшей дальше по берегу:

– Ох, ну и воняет! Что за гадость?

Охотник вскинулся на голос. Все неожиданное и непонятное действовало на него, как лязг оружия в темной чаше на бредущего по лесной дороге путника.

Дайру фыркнул:

– Не ври, принцесса наррабанская, ничем эти листики не пахнут!

– Здесь не пахнут, – вмешался Нургидан, – а там, дальше, от них прямо разит!

Дайру тут же замолчал: он доверял чутью Нургидана.

Учитель уже был рядом с девочкой. Действительно, от куста исходила весьма ощутимая вонь. Это было странно, а все странное в Подгорном Мире могло обернуться смертельной опасностью. Шенги велел ученице на всякий случай отойти подальше, а сам обследовал подозрительный кустик.

Вот в чем дело! Несколько ветвей сломаны, видимо, какая-то крупная зверюга, пробираясь к водопою, крепко въехала в куст боком. Листья на сломанных ветвях свернулись в трубочки, высохли и источали такое «благоухание», что поморщился бы даже старый чистильщик выгребных ям.

Прежде всего Охотник подумал о животном, повредившем куст. Судя по высоте, на которой сломаны ветви, тварь не мельче коровы. И если она хищная...

– Эй, мальки, хватит! Мы тут жить не собираемся, пора и назад...

Пока ученики, мешая друг другу, сворачивали плащ с добычей, Совиная Лапа разглядывал скукожившиеся листья.

– Сколько по складкам брожу, а не знал, что сухой крапивняк так воняет! Всегда продавал его свежим или подвявшим. – И задумчиво добавил: – Как думаете, птенцы, может повар по ошибке эти листья шваркнуть в котел? Вместо приправы, а?

Нургидан с омерзением сморщил нос и хмыкнул:

– И спяну не шваркнет! И с насморком не шваркнет! И в бреду не шваркнет!

– А если шваркнет, – уточнил дотошный Дайру, – еда так провоняет, что ее в рот никто не возьмет. Наверное, боги позаботились, чтоб никто этим не отравился.

– Ну, это ха-ха-ха! – возразила девчушка. – У нас в Наррабане говорят: «На божью мудрость есть людская хитрость!» Любой запах можно забить, если положить побольше чеснока. Или гвоздики. Или шафрана. Имбирь вот тоже годится.

– Твой отец, случайно, не поваром был? – спросил коварный Дайру и был вознагражден возмущенным шипением, фырканием и водопадом чего-то непереводаемо наррабанского. Отдельные знакомые слова, всплывающие в этом бурном потоке, сообщали наглицу, что мудрые наррабанцы обучают домашнему хозяйству девочек из богатых и знатных семей не менее старательно, чем дочерей плотников, водоносов и всяких прочих гончаров.

Успокоив разгневанную ученицу, Охотник обратил ее внимание на шум приближающегося к озеру края складки. Конечно, он движется медленно, но лучше вернуться к Вратам другой дорогой.

Мальчишки взирали на Нитху с бешеной завистью. Они напрягали слух, но могли уловить лишь шелест листвы да монотонное воркование какой-то пичуги.

Наконец отряд двинулся берегом озера, неся завернутую в плащ добычу. По пути Охотник называл каждое увиденное растение и рассказывал о его свойствах. Паршивцы-ученики слушали невнимательно. Страх перед чужим миром окончательно угас, и они норовили отстать, чтобы за спиной учителя дать друг другу тумака.

Высокие кусты расступились, открыв большую поляну. Посредине возвышался круглый пригорок, поросший травой, в которой светились крупные оранжевые ягоды.

– Учитель, а вон те ягоды есть можно? – поинтересовался Дайру.

– Первый раз их вижу. Пробовать не будем.

И учитель шагнул вперед. Но тут в его локоть вцепились две ручонки.

– Не-ет! – взвыла Нитха. – Не надо!.. Не ходи!..

Шенги взглянул на девочку. В глазах слезы, губка прикушена до крови...

– Да что с тобой, маленькая?

– Не надо туда ходить!.. Я боюсь... не надо...

За спиной встревоженного учителя мальчишки презрительно переглянулись. Впервые эти двое были согласны друг с другом.

– Вот что бывает, когда в мужское дело лезут глупые трусики! – высказался Нургидан. – Думаешь, кто-то засел в кустах? Уймись, рева, мы тебя в обиду не дадим.

Выбежав на середину поляны, он задорно прокричал:

– Кто здесь есть? А ну выходи!

И тут что-то гибкое метнулось из травы, обвило плечи Нургидана, подбросило его в воздух.

Охотник в два прыжка перемахнул поляну, вцепился в беспомощного ученика, всем своим весом прижал его к земле. Ему на плечи обрушилось серое щупальце. Шенги извернулся, ударил когтями по упругой плоти врага и крикнул:

– Эй, мальки, что встали? Помогайте!

Этот крик разрушил оцепенение Нитхи и Дайру. Со всех ног бросились они на поляну, над которой вились уже четыре щупальца, отходящие от пригорка.

– Держите Нургидана! – скомандовал учитель. – Не дайте затянуть в пасть! По щупальцам – мечами!

Верхушка пригорка вместе с кустиками, травой и ягодами начала медленно подниматься, словно крышка гигантского котла. Запахло тухлятиной. Мерзкий запах. Вонь смерти.

Нитха вцепилась в плечи Нургидана, чувствуя, как враждебная сила толчками пытается вырвать из человеческих рук свою добычу.

– Держите! – еще раз крикнул Охотник и, выхватив левой рукой меч, бросился к раскрывающейся пасти.

Ему некогда было оглядываться, и он не увидел, как забывшая о страхе Нитха повисла на плечах Нургидана. Не увидел, как встал рядом с ней Дайру, встретив клинком два щупальца, – никогда на тренировках не удавалось ему так ловко парировать атаку. Не видел Шенги и того, как извивался в объятиях чудовища Нургидан, стараясь впиться зубами в пленившие его тугие серые кольца...

Все это осталось за спиной Охотника, а впереди была смрадная пасть – черная щель, открытая ровно настолько, чтобы можно было пропихнуть жертву.

– Сейчас, зараза, пошире улыбнешься! – свирепо прокричал Охотник, прыгнул на нижнюю «губу» твари и, вцепившись когтями в жесткую верхнюю челюсть, изо всех сил дернул вверх, разрывая пасть хищника.

Чудовище не ожидало рывка, страшная щель распахнулась до груди Шенги. Но сразу же тварь опомнилась и попыталась сомкнуть челюсти. Боль пронзила плечо Охотника. Отбивая злобное щупальце мечом в левой руке, Шенги думал об одном: только бы не оступиться, не свалиться внутрь пасти! Охотник, не глядя, знал, что внизу kloкотало отвратительное «варево» – желудочный сок чудовища. Брызги, попавшие на кожу, могли прожечь тело до кости, а уж если упасть туда...

Щупальце норвило обвить шею, натыкалось на клинок и соскальзывало вниз, хлеща по плечам. Шенги напрягал все силы, в глазах плыли круги. Мало кто смог бы выдержать эту пытку – но надо было заставить проклятую пасть раскрыться!

Рядом возник Дайру. Нырком уйдя от щупальца, мальчишка швырнул в зловонную щель что-то темное, продолговатое и бегом вернулся к Нитхе, которую почти оплел серый «канат».

Отчаянная борьба продолжалась, но что-то изменилось. Щупальца вздымались все медленнее, пасть раскрывалась все шире, подчиняясь раздиравшей ее когтистой лапе, и наконец распахнулась так, что Охотник сумел заглянуть в душную смердящую тьму.

Вот он, на небе чудовища, – укутанный в полупрозрачные пелены подрагивающий ком. Мозг твари! Выбросив вперед руку с мечом, Шенги чуть-чуть не дотянулся до влажного трепещущего «свертка». Эх, из арбалета бы!..

За спиной пронзительно закричала теряющая силы Нитха. Детский крик подстегнул Охотника. Он крепче вцепился когтями в челюсть монстра и всем телом вытянулся над тошнотворной булькающей жижей. Не соскользнула бы подошва!..

Меч дотянулся до белесых пульсирующих пленок и чуть-чуть пропорол их, совсем немного. Задыхаясь от ядовитых кислых испарений, Шенги рывком убрался из пасти, прыгнул на землю и рухнул в двух шагах от своего врага.

Пасть захлопнулась. Шенги с жестокой радостью представил, как жгучий сок сквозь разрез в пленке проникает в мозг. Да, не каждому суждено сожрать и переварить самого себя!

Агония монстра была короткой и беззвучной, но сильной. Щупальца вздымались и опали, поросший травой бугор содрогался в конвульсиях и наконец затих. Мертвые серые змеи легли в траву.

Шенги с трудом встал на ноги и бросил взгляд туда, где Нитха и Дайру хлопотали над лежащим Нургиданом: щупальце, даже мертвое, не отдавало добычу. Наконец освобожденный мальчик сел, растирая плечи и стараясь ни на кого не смотреть.

Охотник оглянулся на неподвижного врага, поморщившись от боли в плече. Во рту стоял вкус крови. От вида «пригорка», оплывшего мягкими складками, Шенги замутило. Да он с ума сошел! Лезть этой гадине в пасть, висеть над ее распрोकлятым желудком, да еще раздирать ей челюсти руками – это ж никакой силищи не хватит!

А вот хватило...

– Учитель, – раздался за плечом виноватый голос Дайру, – прости, я тебя без добычи оставил.

Шенги обернулся, глянул в серое от страха лицо мальчика. Вспомнил загадочный предмет, пролетевший меж створок пасти и шлепнувшийся в жуткое варево желудка.

– Ты что ж это... наш запас крапивняка туда?..

– Вместе с плащом, – шепнул мальчишка, закрыв глаза и сжавшись.

О боги, да он ждет удара! Что ж за мальчишка такой! Пожалуй, надо уступить ему всю заслугу и честь победы. Пусть привыкает высоко держать голову.

– Всем слушать и запоминать! – внушительно заговорил учитель. (Дайру расслабился и открыл глаза.) – Тварь называется Котел Смерти, она не из этой складки. Серьезная зверюга, такую замаешься убивать... ну, это вы уже поняли. Против нее хорошо помогает огонь, но крапивняк в пасть – это, оказывается, тоже очень, очень неплохо. Нургидан, не вздумай благодарить Дайру! Конечно, он спас тебе жизнь, но напарника за это не благодарят – примета плохая.

Нургидан, который явно не собирался никого благодарить, поднял на учителя затуманенные болью глаза, но промолчал.

– Крапивняк оглушил хищника, – продолжил Шенги, – заставил замедлить движения...

Он положил руку на плечо Дайру. Мальчик просиял, расправил плечи.

– Можно вернуться, – подала голос Нитха, обняв руками плечи, чтобы унять бившую ее дрожь. – Еще листьев наберем.

– А на это, малышка, тоже примета есть. Не будем возвращаться. Не беда, я на добычу и не рассчитывал.

* * *

Но судьбе не было угодно, чтобы они покинули Подгорный Мир с пустыми руками...

На обратном пути Нургидан мучился от жестокого унижения. Мечтать о подвигах, встретить грозное чудовище и весь поединок пробить в роли беспомощной жертвы, спеленатой, как младенец! Что обиднее всего, спасли его вредная заморская змеючка и трусоватый крысеныш из Отребья! Оскорбленный подросток кусал губы и про себя молил Безликих послать еще врага – уж тут он себя покажет!

Когда в прибрежных кустах послышалась возня, Нургидан решил, что это и есть ответ на его молитвы. Со вскинутым мечом рванулся он на шум, а за ним – вся компания: спасать героя...

Не понадобилось его спасать – в кустах обнаружилась тощая коза с полной колючек шерстью и с безумными глазами.

Ее появление добило Нургидана. Он не принял участия в охоте на козу, которую с восторгом затеяли Дайру и Нитха. Самолюбивому мальчику казалось, что его путь отныне пойдет во мрак невезения и неизвестности.

Когда коза была изловлена за рога, учитель рассказал о животных, которые случайно пересекают Грань и, как правило, погибают, не сумев приспособиться к чужому миру.

– Ой, бедная козочка! – растрогалась Нитха. – Но ведь мы возьмем ее с собой, правда? У нас в Наррабане говорят: «Помоги слабому один раз – боги помогут тебе три раза!»

Учитель дал согласие на спасение козы. Глупое животное сопротивлялось, пришлось тащить ее силой. К «спасателям» присоединился даже Нургидан, который воспользовался случаем, чтобы отвесить проклятой скотине несколько крепких пинков. Шенги глядел на шумную возню и удивлялся: до чего же легко детская душа стряхивает с себя ужасные переживания! Или не стряхивает, прячет в своей глубине, откуда они могут со временем выплыть?

Зато переход через Грань ученики на этот раз перенесли легко. Попросту не заметили, увлеченные схваткой с рогатой упряницей.

Позже, когда все выбрались на лесную дорогу и с шутками и хохотом шагали к Издагмиру (даже Нургидан развеселился!), приключилась неожиданная встреча. Из-за поворота дороги появился Урихо. Поклонился, сдерживая ухмылку:

– Приветствую великого Шенги и его отважных учеников! Но что я вижу! Неужели эта великолепная коза добыта за Гранью?

– Думаю сменить ремесло, – бросил Охотник пролазе. – Буду торговать скотом.

– Улучшенной породы, – уточнил Нургидан, копируя интонацию своего кумира (которого после битвы с Котлом Смерти зауважал больше прежнего). Нитха промолчала: воспитанная наррабанская девочка не разговаривает с незнакомыми мужчинами. А Дайру не утерпел, проходя мимо пролазы, негромко бросил:

– Коза! Ха! Стал бы Совиная Лапа возиться с обыкновенной козой!

Глаза Урихо сверкнули. Он подобрался, как пес, почуявший дичь, и тихо свистнул. Когда идущий позади всех Дайру обернулся, пролаза показал ему серебряную монету.

Мальчишка понятливо приотстал.

– Что за тварь? – жарким шепотом спросил Урихо.

И тут Дайру доказал, что рожден быть Подгорным Охотником! Кося глазом в сторону удаляющейся компании, он скороговоркой сообщил, что тварь именуется козодраконий свирепобрюх. И цены ей нет, потому что доится вином и гадит золотом. Правда, жрет зверь исключительно человечину, предпочитая пролаз...

Мальчишка ловко увернулся от подзатыльника и поспешил догнать своих.

До Издагмира они «свирепобрюха» не довели. Там, где дорога по мостику пересекала ручей, коза вдруг взмекнула дурным голосом, расшвыряла державших ее ребяташек и с места взяла такую скорость, что мгновенно скрылась в лесу.

Нитха расстроилась чуть ли не до слез: бедненькую козочку растерзают волки! Злопамятный Нургидан пожелал окаянной животине именно такой кончины, и чем скорее, тем лучше. Дайру, потирая ушибленный рогами бок, от всего сердца согласился с Нургиданом. А учитель утешил девочку: за ручьем деревня, так что коза, скорее всего, узнала знакомые места. А если не здешняя, все равно прибьется к людям.

– А интересно, – задумчиво сказал Дайру, – если б мы продали козу на рынке, пришлось бы отдать Гильдии десятую часть выручки? Добыча-то из Подгорного Мира!

* * *

В Грайанскую башню вернулись поздно вечером. Ребятишки, переполненные впечатлениями, наскоро поужинали, расплзлись по постелям и крепко уснули...

То есть это Шенги наивно решил, что уснули. В своей ошибке убедился утром, когда обнаружил на внутренней стороне каменной ограды рисунок, выполненный головней из очага: кривоногий человечек занес огромный (в два раза больше самого себя) меч над зверского вида козой.

Подпись под рисунком гласила: «Всем врагам – по рогам!»

14

– Кто будет торговаться, ты или я?

– Я, но ты тоже помогай. Старайся увести меня из лавки, говори, что у соседнего торговца все дешевле и свежее. А я начну пищать, что устала ходить по рынку... что если хозяин сбавит цену, то мы у него все купим и пойдем домой.

– Ловко у тебя получается, – признал Нургидан, перешагивая через растянувшегося поперек улицы параличного нищего. – Купцы в семье были, да?

– В Наррабане торговаться не приходилось, – уклонилась Нитха от разговора о своем происхождении. – Но это так забавно! Только не будем брать тот сыр, что в прошлый раз, ладно? Вкус у него гадостный, а запах приставучий... Ой, а откуда столько нищих?

– Зима на подходе, вот они в город и стягиваются.

Узкая улочка была забита нищими. Хромые, слепые, покрытые язвами и коростой, они вопили, гнусавили, ныли, перечисляя свои беды и немощи. Впечатление это производило удручающее, даже пугающее. Во всяком случае, идущая рядом старушка в темном платье и чистеньком белом платочке испуганно озиралась, прижав к груди плетеную корзинку.

Нитхе стало жаль старую женщину, захотелось сказать ей что-нибудь ободряющее. Но в этот миг безногий нищий, яростно размахивая костылем, завопил:

– Ты, козел с бельмами!.. Тебе говорят, тебе! Вали на тот угол, здесь мое место!

– А тебе его король пожаловал? – взвизгнул «козел с бельмами». – Где сел, там сидеть буду, пока не сдохну! И не тряси тут своими блохами, не сгонишь меня!

– И правда, вали! – поддержал безногого худой старик с трясущимися руками. – Ты, гнида, у меня из миски медяки тягаешь, как отвернусь!

– Я?! – смертельно оскорбился «козел» и клюкой заехал старику по уху с точностью для слепого поистине сказочной.

Старик, рассвирепев, подхватил глиняную миску, что стояла перед ним на земле, и швырнул в слепого. Но промахнулся и угодил в остролицую тощую женщину в лохмотьях, которая громко повествовала о том, как трудно живется на свете добродетельной вдове с шестью детишками.

Сетования прервались на полуслове. Добродетельная вдова выдала залп грязной брани и с когтями, как дикая кошка, ринулась на обидчика.

Кто-то потянул вдовушку за юбку, кто-то подставил ногу ее противнику... и началось! Потасовка разом, как лесной пожар, охватила улочку. В воздухе мелькали посохи, костыли и кулаки, раздавались вопли, проклятия и хрипы. Нищие молотили друг друга, забыв, из-за чего началась битва.

Старушка в белом платочке запричитала, попятилась и упала, споткнувшись о ноги парализованного нищего. Парализованный, не обратив на старушку внимания, бодро вскочил и ворвался в драку с неукротимостью взбесившегося быка.

Нитха поспешила к старушке:

– Бабушка, ты не ушиблась?

Нургидан тоже шагнул к несчастной женщине, но в этот миг чей-то кулак врезался ему в лицо, разбив губы. Вкус собственной крови ошеломил Нургидана, окрасил все перед глазами в багровый цвет – цвет ярости, ненависти, жажды боя. Забыв о Нитхе, о старушке и вообще обо всем на свете, он устремился в гущу схватки, разыскивая своего врага, а заодно раздавая увесистые удары всем, до кого мог дотянуться.

Нитха глянула ему вслед и вспомнила, как Дайру рассказывал о походе за айвой и о потасовке со стражниками. Правильно Дайру тогда сказал: если в драку встречается Нургидан, она перестает называться дракой и начинает гордо именоваться побоищем!

Девочка безнадежно и сердито вздохнула и перенесла внимание на тихо плачущую старушку:

– Можешь встать, бабушка?

– Ох, внученька, красавица, не могу, ушиблась-то как... Помогите, ради всех богов!

Нитха подала руку, удивившись тому, с какой силой сомкнулись на ее запястье пальцы старушки.

– Ох, милая девочка, сделай доброе дело! Не могу шагнуть... проводи до дома!

– Бабушка, я же не одна.

– Да тут рядом, в переулке! Меня двое внучат ждут, сиротинушки бедные! Умру здесь, они и не узнают...

– Рядом, да? Хорошо, бабушка, обопрись на мою руку. У нас в Наррабане говорят: «Старость почтеннее знатности».

* * *

Нургидан, в растерзанной одежде, с синяком на скуле и с рассеченной нижней губой, стоял, понутив голову, перед учителем и Дайру и покаянно рассказывал:

– А потом драка улеглась. Гляжу, Нитха пропала! Я туда, сюда, кричу, зову...

Он замолчал, раздавленный горем, стыдом, сознанием своей вины.

– Из-за чего ты, собственно, дрался? – строго спросил Дайру.

– Не знаю, – повел широкими плечами Нургидан. – Оно мне как-то без надобности.

– Очень, очень весело... – проговорил Шенги, ни к кому не обращаясь. Левая рука его скользнула за ворот, под рубаху.

Дайру встрепнулся. Он давно понял, что учитель носит на груди какой-то амулет, но не решался расспросить о нем.

– Она в мешке, – медленно произнес учитель. – Похитителей, кажется, двое. Девочка без сознания... оглушили или придушили, сволочи.

Нургидан поднял голову и злобно оскалился.

– У Северных ворот... нет, за воротами! – уверенно закончил Охотник. – Жаль, лошадей нет. Впрочем, те гады тоже пешие. Догоним! Со мной пойдет...

Он осекся. В серых глазах Дайру и карих Нургидана леденело одно и то же непреклонное выражение.

Оставить кого-то из них дома? Да Совиная Лапа и пробовать не стал!

– Берите оружие, да поживее! Догоним! Никуда эти подонки от нас не денутся!

* * *

Шенги не держался бы с такой злой уверенностью, если бы знал, что за Северными воротами, в лесу неподалеку от дороги, похитителей дожидается третий сообщник с лошадьми наготове.

15

Только круглый дурак будет, сидя на лесной поляне связанный по рукам и ногам, грубить своим пленителям. А Нитха душой не была. Что бы она ни думала о мерзавцах, в лапы к которым ей довелось угодить, мысли эти она благоразумно оставила в своей черноволосой головке. Не стала она также сообщать похитителям, что сделает с ними Совиная Лапа, когда возьмет их за... ну, скажем, за шиворот. Наоборот, умненькая девочка захлопала ресницами и тоненько заскулила:

– Дя-а-деньки, а что теперь со мной бу-у-дет?

Из троих сидящих у костра «дяденек» отозвался один – молодой, долговязый, с простоватым добрым лицом и грустными глазами:

– Есть хочешь, маленькая? Сейчас похлебка поспеет.

– А как я кушать буду? – с робкой доверчивостью спросила девочка. – Руки же связаны.

– Эй, – всполошился неприятный краснолицый тип, – не вздумай ее развязать! И кормить ни к чему: новый хозяин скоро послаще угостит.

Глаза юной наррабанки сверкнули. Забыв о роли кроткого ребенка, она злобно огрызнулась:

– А ты, бабушка, не дергайся. В твоём возрасте гавкать вредно, а то двое внучат сиротинушками останутся. – Нитха спохватилась и продолжила другим тоном: – Ой, пальчики не шевелятся...

– Слышь, Червяк, ты и впрямь очень ее скрутил! – сердито сказал долговязый парень. – Вот покалечишь ее, господин откажется взять товар.

– Бо-ольно, дя-а-деньки! – простонала Нитха. Слово «дяденьки» в ее устах звучало трогательно и нежно. В сочетании с умоляющим робким взглядом оно служило ей волшебным заклинанием по пути из Наррабана в Гурлиан.

Сработало оно и на этот раз. Большой, как слон, разбойник, упорно пяливший глаза на котелок, оторвался от созерцания готовящегося обеда и прогудел:

– Не обижай ребенка, Червяк, не то врежу!

– И пожалуйста! – возмутился краснолицый Червяк. – Можете ее развязать! Можете ее кормить! Можете ей платье новое справиться! И жемчужное ожерелье! И сказку ей расскажите!

Не дожидаясь конца гневного монолога, долговязый подошел к девочке, разрезал веревки, помог пленнице дойти до костра. Помощь не была лишней, Нитха и впрямь скверно себя чувствовала после путешествия в мешке; но девочка еще преувеличила свою слабость, повиснув на руке разбойника.

Это произвело впечатление на шайку. Даже Червяк, у которого доброты и жалости было примерно столько же, сколько у медвежьего капкана, неловко завозился на подстилке из еловых лап и грубовато сказал:

– Нужна ей твоя паршивая похлебка! Я ж говорю: ужинать у господина будет, да полакоее, чем у нашего костра.

– Господин, да? – спросила девочка, понимая, как важно то, что будет сказано дальше. – Богатый и сильный, да?

– Еще какой!

– У сильных и богатых слуги не так одеты. – Нитха сморщила носик, окинув выразительным взглядом лохмотья собеседников. – И не прячутся по лесным берлогам.

– А мы ему не слуги. Он нас на один раз нанял – тебя раздобыть. Чтоб дело в секрете осталось.

– Ах, вот что, в секрете... – Глаза маленькой пленницы загадочно замерцали. – А я-то еще на вас сердилась... Выходит, вам, дяденьки, будет хуже, чем мне?

– Чего-о? – не понял здоровенный разбойник.

– Ну, меня-то не убьют, – вежливо объяснила девочка и устремила взгляд на двух ворон, шумно ссорящихся в голых ветвях.

– Слышь, кузнец, ты ее не слишком по голове стукнул? – встревожился Червяк.

– Я что... я ничего... я легонько...

– Почему – убьют? – негромко спросил пленницу молодой разбойник.

– Ну как же! – удивилась Нитха непонятливости взрослых людей. – Украсть свободную девочку – это преступление, правда? Будь хоть какой знатный, все равно голову с плеч... ах, у вас не рубят – ну, удавку... или на болото. А вы будете знать его тайну! Если не дурак, обязательно вас убьет. Чтобы... как это говорится... концы в трясину, так?

Разбойники ошеломленно переглянулись, а маленькая змея поспешила их добить:

– Он потому, наверно, не слугам велел меня украсть, а вас нанял. Чужих не жалко.

Тут не то что разбойники – вороны в ветвях приумолкли. Почуяли птички недоброе. Затем молодой разбойник мрачно сказал:

– Проверить бы...

– Проверю, – кивнул Червяк. – Заранее приду на место встречи, спрячусь да погляжу, сколько с ним человек будет!

– И привезет ли он Тертого, – подсказал долговязый.

– Ты, Вертел, старших не учи! – Червяк уже стряхнул растерянность. – Лучше за девчонкой пригляди. А я сразу и пойду.

Он пересек поляну, завозился в кустах, и вскоре послышались удары весел по воде.

Разбойники помолчали, прислушиваясь, затем Вертел ахнул, поспешно обернулся к котлу:

– Хвала Безымянным, не сгорел обед! Слышь, Каршихоут, я у берега горшок с молоком оставил. В воду на веревке с ветки спустил. Принеси, только в воду не лезь, а то сам знаешь...

Здоровенный кузнец двинулся к берегу. Кусты затрещали на его пути.

– Дяденька, я его боюсь, – дрогнувшим голосом сообщила Нитха Вертелу.

– Кого? Каршихоута? Ну что ты, глупенькая! Он спокойный... если не сердить, ясное дело. Мы вообще не злодеи, просто жизнь поганая.

Нитха опять не удержалась:

– У нас в Наррабане говорят: «Мыши все равно, какая кошка ее поймала – белая или черная».

– Оно так, – невесело усмехнулся разбойник, – а все ж этот дядя тебя не обидит.

– Боюсь! – передернула плечиком Нитха. – У нас слуга был – молчал, делал что скажут... смотрел так же перед собой, взгляд тяжелый... А потом вдруг начал на других рабов кидаться. Одного убил, двоих искалечил. С ума сошел потому что!

Вертел невольно бросил взгляд на берег, где шумно ворочался в кустах кузнец, но тут же опомнился:

– Хватит ерунду говорить, глупышка! Каршихоут просто несчастный человек. Его обвиняют в убийстве, а он сроду никого не убивал. Он по своей кузнице тоскует... Лучше глянь, чем я тебя сейчас кормить буду! Зря Червяк мою похлебку хаёт!

Девочка из вежливости склонилась над костром. Лицо окутало облако дивного, покоряющего аромата. Душистый пар благоухал пряными лесными травами и чем-то наваристым, аппетитным. Нитха, привыкшая к вкусной еде и знающая толк в стряпне, судорожно сглотнула слюну, словно нищенка, оказавшаяся за роскошно накрытым господским столом.

– О-ох! – выдохнула она с искренним восторгом. – Ты волшебник, дяденька?

– Я повар! – усмехнулся польщенный Вертел. – Да какой еще повар, малышка! Не поверишь, один вельможа купил меня в Грайане и привез в Гурлиан, чтобы подарить королю. Подольститься, стало быть.

– Поверю, – твердо сказала девочка, еще раз вдохнув восхитительный аромат. – И что ж не подарил?

– Заболел в дороге и умер в Издагмире. Рабы тоже заболели, выжило только двое. Хранитель велел нас продать, чтобы покрыть расходы на погребальный костер. Я после болезни слабый был, еле ходил. Хозяин «Золотого кубка» меня взял за полцены.

– Но потом-то понял, какое сокровище ему досталось?

– Не успел... – Вертел тревожно глянул в сторону реки. – Эй, чего копаешься? Тебя еще не съели?

– Да не найду никак, – отозвался бас от берега.

– Там старая ветла, ветви до воды, веревочка свисает...

– А-а, так бы и сказал.

Возня в кустах возобновилась.

– Здесь у воды бывать опасно, – пояснил повар девочке, – ты тоже к берегу не суйся... Так о чем я... ах да! Со мной поганое дело вышло: хозяин вместо приправы бухнул в котел какую-то траву... вроде бы крапивняк называется...

– Не трава, – поправила девочка задумчиво, что-то припоминая. – Это листья.

– А по мне хоть цветочки, главное – отравы жуткая, одна женщина с нее померла. А хозяин на меня все свалил. Вот я в бега и ударился, жить-то хочется... Невеселая история, верно?

Нитха отвела взгляд.

«Я тебя пожалею, когда вернусь домой! – жестко подумала она. – Сяду у очага, расскажу учителю про свои приключения – тогда пожалею. А сейчас ты гад и враг!»

Тем временем Вертел вытянул шею и обеспокоенно заорал в сторону берега:

– Ну, что плещешься? Влез-таки в воду! Чтоб нас стражники так искали, как ты тот горшок... Иди назад, сам принесу!

– Сразу бы так! – добродушно прогудел кузнец и двинулся к костру. Сапоги его были по колено заляпаны грязью.

Вертел отправился за молоком, а его могучий приятель уселся, придвинул ноги к огню и блаженно заулыбался, что-то мурлыча себе под нос.

Заморская змея не стала терять времени:

– Дяденька, а что такое «безголовая орясина»?

Мурлыканье прекратилось. Верзила подозрительно глянул на девочку:

– Чего-о?

– Тот дядя сказал, – застенчиво объяснил «наивный ребенок», – что ты орясина безголовая, тебя в детстве мама темечком на камень уронила. Правда уронила, да?

Нитха переигрывала, но закипевший покруче похлебки кузнец был не в состоянии уловить такие тонкости. Он молча встал и разъяренным носорогом ломанулся сквозь кусты к воде. Маленькая интриганка довольно ухмыльнулась. Некоторое время эти двое будут очень заняты!

Девочка пересекла поляну, скатилась по глинистому склону и на животе юркнула в частый голый ивняк.

Когда исцарапанная, перемазанная Нитха одолела заросли, она обнаружила перед собой берег, круто уходящий в беспросветную глубину стылой осенней воды. Противоположный берег был далек, как счастливая старость: наррабанка не умела плавать.

Бормоча на родном языке слова, трудные для перевода, Нитха пустилась вдоль берега. Неподалеку раздавались вопли, трещали сучья. Обернувшись, девочка увидела возвышающийся над кустами клен. На одной из ветвей сидел перепуганный Вертел, орал и отбивался от атаки снизу.

Нитха побрела дальше. Дважды чуть не сорвалась в озеро, но удержалась, разодрав руки в кровь о торчащие из земли корни, похожие на паучьи лапы. Но девочка даже не заметила боли. Страшнее было то, что ненавистная граница воды и земли изгибалась все круче, лишая девочку последней надежды, пока наконец Нитха с черным отчаянием не поняла: она на острове!

16

– Когда-то озеро называлось Лосиным, а теперь его иначе как Поганым никто не называет. Надо ж было, чтоб именно сюда... другого места Серая Старуха не нашла! Смотрите в оба, птенцы, а главное, к воде не подходите!

– А что? – Дайру старался казаться спокойным. – Там какое-то чудовище?

– Очень, очень может быть. Говорят, в озере завелись водяные духи. К нему и зверье на водопой не ходит. Странно, что эти подонки нашу девочку сюда притащили!

– А она тут? – спросил Нургидан, пропустив мимо ушей слова о водяных духах.

– Да. На острове. Похоже, ее не обидели, даже не очень испугали... Э-эй, не вздумай кричать, она ж там не одна!

Нургидан сообразил, что чуть не сделал глупость. Скрывая смущение, предложил:

– Может, сплаваю? Плывать, что вода холодная. Если их много, я в драку не полезу, просто разведу.

Последняя фраза была сказана исключительно для успокоения учителя. Зеленые глаза Нургидана светились предчувствием боя.

– Вот-вот, сунься в воду, – одобрил Дайру. – Заодно узнаем, почему озеро прозвали Поганым.

– Верно, – кивнул Совиная Лапа. – Сюда не ходят животные, и ты, Нургидан, не будь глупее дикой свиньи. Но есть у меня мысль, надо проверить. Еще летом хотел сюда наведаться, да недосуг было. Водяных духов изгонять не умею, но кажется, здесь работа не для жреца, а для Подгорного Охотника. Стойте тут, к воде не суйтесь.

Шенги выломал в орешнике длинный сук и осторожно двинулся к озеру. Мальчишки увидели, как учитель взгляделся в воду... погрузил палку в озерную глубину... И тут какая-то сила рванула сук, едва не свалив Охотника в озеро. Прибрежная вода вскипела. Шенги отступил, унося палку, которая стала короче.

– Гляньте, как цапнул! Ну-ка, отойдем, пока они на берег не полезли.

– Клещи-ракушки? – сообразил начитанный Дайру.

– Именно! Хорошо, они от воды далеко не уходят. Ну, цыплята, без лодки на остров не попасть. А лодка... – Шенги задумался, лаская пальцами серебряный талисман. – Выше по ручью стоит замок, попробуем туда заглянуть.

Маленький отряд, разыскав впадающий в озеро ручей, двинулся вверх по берегу. По пути Шенги рассказывал:

– С виду речная ракушка, только большая. Некоторые вырастают размером с седло, сам видел. Края створок острые и прочные: мелкие кости перекусывают, крупные дробят. И еще такая пакость: там, где сходятся створки, есть круглый валик. Из него, если надо, вылезает ножки – маленькие, но шустрые и цепкие, десятка два. Нападают эти твари оравой – и мелкие, и здоровенные... Знать бы, какая сволочь притащила в наш мир живую ракушку! Руки бы гаду оборвал!

– Живую? – зацепился Дайру за слово. – А мертвых можно?

– А в книгах разве не написано? Прекрасная добыча! Я сам их из-за Грани носил – очищенные, без раковин. Из мякоти вываривают краску для ткани, все оттенки синего. Умельцы-красильщики получают и другие цвета, но как – это уж их тайна. Очень, очень прочная окраска.

– А почему их у нас не разводят? – спросил Дайру, с опаской поглядывая на поблескивающий сквозь колючую сеть шиповника ручей.

– Гильдия добилась – король запретил. Им же нужна проточная вода. Если в чан посадить – сдохнут. А устроить садок в реке – беда будет. Они мечут икру... не икра даже, а густая жидкость. Никакая сетка не удержит, сквозь ткань просочится. По всей реке клещи-ракушки расселятся, до самого устья!

* * *

– Ты десятник замковой стражи, почтенный?

– Полдесятник! – хохотнул толстяк с кошачьими усами. – У меня только пятеро пьянчуг и лодырей под командой!

И небрежно указал на бревенчатый домик с распахнутой настежь дверью. За ней были видны трое обтрепанных головорезов, игравших за столом в «радугу». Еще двое столь же «образцового» вида стражников торчали у ворот, у подъемного моста, мирно опущенного через давно высохший ров.

Охотник вежливо улыбнулся шутке «полдесятника». Но при взгляде на сизый нос и масляные глаза вояки он невольно подумал, что у пьянчуг и лодырей командир, который их вполне достоин.

Мальчишки нетерпеливо переминались за спиной Шенги. Они не понимали, почему учитель тратит время на все эти любезности, когда надо спасать Нитху.

Охотник объяснил, что ему нужно срочно увидеть властителя Замка Серого Ручья. «Полдесятник» с сомнением хмыкнул, но все же пошел доложить господину о гостях.

Отсутствовал он недолго. Шенги успел лишь оглядеться. Но этого было достаточно, чтобы понять: замок знавал куда лучшие времена. Не в том дело, что обветшавшая стена требовала ремонта. (Зачем ее чинить, какие враги объявятся в здешних краях и пойдут на приступ?) А вот заросший травой дворик, по которому без присмотра и привязи шлялись две козы, говорил о достатке хозяина замка куда красноречивее. Так же как и потертая одежда стражников, и отсутствие слуг.

Да и сам Хашузар Жаркий Берег из Рода Сайварадж, возникший в дверях приземистой башни, выглядел так, словно его вынули из сундука, где он, посыпанный от моли сухой пижмой, хранился с Огненных Времен. Старинный поношенный камзол, явно перешедший к хозяину от отца, если не от деда. Высокие сапоги без отворотов – такие были в моде при короле Арвеше. Дородность, стать, надменный взор, седые волосы по плечам – вылитый властитель тех времен, когда Сыновья Рода не знали над собой короля и каждый был сам себе повелителем.

И все же еще до того, как прозвучало первое слово, Охотник уловил в этом гордом облике что-то фальшивое... еле заметную деталь, нарушающую впечатление... но что именно, понял не сразу.

Шенги почтительно молчал: разговор надлежало начать самому знатному из собеседников.

– Моему гостю не надо представляться. – Отечное, с двумя подбородками лицо хозяина приняло милостивое выражение. – Кто не знает великого Шенги! – Взгляд прозрачных глаз скользнул по когтистой лапе, которую сейчас Охотник не прятал.

Выслушав рассказ гостя о том, что привело его сюда, Хашузар опустил на глаза тяжелые веки и чуть откинул голову, отчего осанка его стала еще надменнее.

– Странная история! На озере... почему на Поганом озере? У него скверная слава! Я рабов никакими угрозами не могу отправить туда порыбачить. С тех пор как один погиб, остальные боятся, дурни старые! Вашу девочку прячут именно там?

– Да, – твердо ответил Шенги. – Могу я просить господина о помощи?

– Мои стражники к озеру не пойдут... ведь не пойдут?

Вопрос относился к стоящему рядом «полдесятинику». Вояка молча поклонился хозяину – поклон этот можно было истолковать как угодно.

– Я о стражниках и заговаривать не собирался, – соврал Шенги. – Мне нужна лодка, она в замке наверняка есть.

Сын Рода открыл глаза, в упор посмотрел на гостя. Взгляд был пронзителен и резок, как удар ножа.

– Лодка? Вот как? – Он на миг задумался, затем опять прикрыл глаза веками, словно их раздражал свет неяркого солнца. – Да, лодка есть, хотя никто ею давно не пользуется. На заднем дворе – сарай. Там свалено всякое барахло, лодка тоже там. Но моих рабов от домашних дел отрывать нельзя, мало их, да и дряхлые они уже. А стражники... я слишком давно не плачу им жалованья, чтобы заставлять их заниматься чем-то кроме охраны замка.

Хашузар говорил о своей бедности небрежно и без горечи, даже с легкой иронией.

Шенги заверил его, что они втроем сами справятся, пусть им только покажут этот самый сарай.

– Проводи гостей, – приказал властитель «полдесятинику». – Уверен, они найдут все, что ищут.

Перед тем как уйти, уже полуобернувшись, Хашузар небрежно махнул рукой, указывая гостям направление. Пухлая пятерня на миг зависла перед лицом Шенги, и тут Охотник понял, что именно смутило его с первого мгновения встречи.

На мясистых пальцах были следы перстней. Глубокие, заметные – похоже, перстни сняли совсем недавно. Сколько их было – три, четыре?

Шенги представил себе, как хозяин, извещенный о приходе гостей, поспешно сдирает с пальцев перстни. Зачем, с какой стати? И эти разговоры о собственной бедности... Очень, очень странно.

* * *

Какой там сарай! Да в таком сарае вражескую осаду пересидишь! Массивное каменное сооружение с дверью, которая на равных побеседует с хорошим тараном!

– Осторожнее, – предупредил «полдесятиник», – там ступеньки.

– Ничего себе, – с опаской сказал Шенги, – и это у вас сарай для всякого старья? Да здесь можно дракона на цепи держать!

– А говорят, и держали. В Огненные Времена, – отозвался стражник. Шенги бросил на него испытующий взгляд, но физиономия наемника осталась невозмутимой.

Взгляд через порог успокоил Охотника. Изнутри грозное сооружение выглядело довольно мирно. Сквозь узкое оконце под крышей падало достаточно света, чтобы разглядеть груду какого-то хлама, на который были набросаны старые мешки.

И все же червячок тревоги ворочался в душе Совиной Лапы.

– На всякий случай подожди наверху, – негромко сказал он Нургидану и начал спускаться по крутым ступенькам. Шаг в шаг за ним шел внезапно оробевший Дайру.

Нургидан, стоя на пороге, вытянул шею, чтобы разглядеть, что творится внизу. Внезапно «полдесятник» сильно толкнул мальчишку в плечо. Не удержавшись на ногах, тот полетел вниз. Тут же массивная дверь захлопнулась.

Нургидан спиной вперед пролетел по лестнице, врезался в серый пыльный пол, и вдруг провалился в него по плечи, успев вцепиться руками в выщербленный край нижней ступеньки. Шенги и Дайру подхватили его, втащили на лестницу и утащили на черную дыру с неровными краями, образовавшуюся на месте падения.

– Фальшивый пол, – обиженно сказал Нургидан.

– Рыбачья сеть, а на ней мешковина, – уточнил Охотник.

– А внизу журчит вода, – прислушался Дайру. – Там ручей, да?

Последние слова мальчик произнес упавшим голосом. Разрозненные факты сплелись в его голове в жуткую правду.

– Клещи-ракушки! – выдохнул Дайру. – Садок!

Он кинулся наверх, забарабанил кулаками в двери.

Охотник стиснул зубы. Дайру прав! Этот Хашузар, чтоб ему сгореть в Бездне до золы, не поверил рассказу о пропавшей девочке. Решил, что Гильдия узнала про садок... ах, мерзавец! Клещей-ракушек разводит, заповил хищными тварями ручей и озеро, а теперь боится, что это дойдет до короля! Детей не пожалел, убийца, сволочь!

– Шебаршатся, – предупредил Нургидан, стоя на четвереньках и вглядываясь в сырую журчащую тьму.

Внизу и вправду просыпалась жизнь – недобрая, голодная. Она медленно поднималась к каменным ступенькам, с которых людям некуда было отступить.

– Окно... – прикинул Шенги. – Пролезете, птенцы?

Он сорвал остатки сети и швырнул вниз, чтобы отвлечь и задержать тварей. Под окном обнаружился узкий карниз. Шенги не задумываясь прошел по нему лицом к черной бездне, и встал под окном, вжавшись спиной в стену.

– Ну, мальки, давайте, как в цирке! – бодро заговорил он. – Мне на плечи – и наверх! Мечи снимите, куртки сбросьте, а то не протиснетесь.

– А ты? – сурово спросил Нургидан.

– А что – я? Подожду помощи. Твари долго будут сетку рвать. – Шенги, как все Подгорные Охотники, умел врать не краснея. – Выберетесь – бегом отсюда, только не попадитесь наемникам. Стена такая, что корова перелезет. – Охотник прикоснулся к талисману. – Дальше – вверх по ручью. Деревню обойдите стороной, подмоги не ждите, не пойдут мужики против Хашузара. Выйдете на проезжую дорогу. Там может встретиться конный разъезд. Приведете стражников сюда. Ясно?

Дайру молча отстегнул меч, снял куртку и пошел по карнизу, только двигался он лицом к стене. Шенги подставил руки, помогая ученику взобраться себе на плечи.

– Не достаю, – негромко сказал сверху Дайру.

Сильные руки подхватили мальчишку, подняли повыше. Теперь он коснулся оконного проема.

– Не могу... не подтянуться...

– Постарайся! – с гневным отчаянием приказал учитель. – Вцепись и тащи себя наверх!

– Не могу! – Дайру обрушился на руки учителю, чуть не свалив его с карниза.

Шенги до крови прикусил губу, помогая обреченному мальчику вернуться на ступеньки.

– Давай ты, Нургидан. Сумеешь?

– А что там уметь! – пренебрежительно откликнулся мальчишка. Он быстро преодолел карниз, ловко вскарабкался на плечи учителю. Шенги даже не успел сказать ему что-нибудь ободряющее, как плечам стало легко: проворный, как лесной зверек, парнишка подтянулся на руках и протиснулся головой вперед в узкое окно.

– Попробуй еще, – обернулся Охотник к Дайру, стараясь, чтобы голос не звучал умоляюще.

Но ученик покачал головой.

– Ты ведь нарочно сказал про помощь, да? – спросил он с неожиданным спокойствием. – Чтобы мы ушли? Какие конные разъезды осенью? Дорога пустая...

Шенги хотел выдать очередную порцию успокоительной лжи, но встретил серьезный, взрослый взгляд Дайру и понял: врать нельзя.

– Верно, мой мальчик. Даже если он встретит кого-нибудь, все равно не успеет привести подмогу. Но если погибать всем, пусть хоть кто-то спасется.

– Правильно, – хладнокровно отозвался Дайру. – Он и Нитху, может, выручит.

«И я считал его трусом!» – взвыл про себя Совиная Лапа.

Умница Дайру правильно истолковал его взгляд.

– Я боюсь только людей, – почти весело сказал он. – А с тобой вообще ничего не боюсь... О, гляди – лезут! Прыгай сюда, учитель, на ступеньках больше места!

Над краем проема зашевелились черные комья. Их становилось больше, они подталкивали друг друга, спеша добраться до добычи, растерзать, разорвать.

– Здоровенные какие! – почти с восхищением выдохнул Дайру.

Шенги поудобнее встал на нижней ступеньке, взял в левую руку меч. Когти правой лапы лягнули в нетерпеливом ожидании смертельной схватки.

– Возьми оба меча, свой и Нургидана. Не пытайся раскалывать раковины, просто спихивай вниз. Ногами не сталкивай – вцепятся в сапог, не стряхнешь... Ничего, нас не так просто сожрать! Держись, сынок!

* * *

Нургидан выскользнул из окна вниз головой, извернулся в воздухе, как циркач, прокатился по земле без малейшего ушиба и сразу вскочил на ноги.

Что там учитель нес насчет дороги, конных разъездов и помощи, все это юный Сын Рода пропустил мимо ушей. Кому нужны какие-то дурацкие разъезды, если он, Нургидан, на свободе и готов действовать! Всего-то и надо – открыть дверь! А если здешние стражники сунутся мешать, то пусть потом не плачут и не жалуются.

Мальчик огляделся. Окно было в задней стене сарая, отсюда не видны были двор, башня и домик стражи.

Нургидан завернул за угол. На торцовой стене, на высоко вбитых в каменную стену крючьях, висела для просушки длинная сеть, местами изорванная. (Мальчик недобро ухмыльнулся: понятно, зачем она нужна и кто ее рвал!) Тут же стояли две большие бочки, на которых лежала доска. (Тоже ясно: чтобы дотянуться до крючьев!)

Спрятавшись за одной из бочек, Нургидан осмотрелся и, не заметив никакой опасности, вновь завернул за угол. Вот она, дверь...

Уау! Чтоб Серая Старуха наизнанку вывернула «полдесятника» со всем его гарнизоном! На двери не просто замок, а замочище! Ну, без топора никак...

По-звериному сторожко озираясь, мальчик двинулся через двор в поисках топора. Перебежав открытое пространство, он очутился под прикрытием бревенчатой стены. В домике стражи еще шла игра. За порог неслись слова «дракон», «алмаз», «подкова», перемешанные с упоминаниями Серой Старухи, а также различных частей тела.

Злая улыбка скользнула по губам Нургидана. Он прыгнул на крыльцо, захлопнул дверь и заложил засовом. Пусть посидят взаперти, пусть!..

– Эй, гаденыш, ты что делаешь? – раздался гневный голос. Один из стоявших у ворот стражников заметил маневры мальчика и, свирепо пыхтя, спешил через двор.

Нургидан с досадой вспомнил, что безоружен, кинулся наутек и скрылся за углом сарая. Стражник азартно ринулся следом.

Замковая охрана от безделья подраспустилась, стражник стоял в карауле без шлема. Возможно, он успел пожалеть об этом, когда длинная доска, описав полукруг, смачно ахнула его по уху. Бедняга закатил глаза и рухнул к ногам Нургидана.

Мальчик нагнулся над поверженным врагом, пытаясь извлечь из ножен меч, который стражник при падении прижал к земле своим телом. И тут чья-то тень закрыла солнце. Вскинув глаза, Нургидан увидел над собой второго стражника.

Вытаскивать меч было некогда. Нургидан вновь подхватил брошенную было доску и яростно отмахнулся снизу вверх, угодив новому противнику в подбородок. Стражник не удержал равновесия, аккуратно приземлился головой на камень и затих, растянувшись рядом со своим напарником.

Но завладеть трофейным оружием Нургидану опять-таки не удалось. На шум примчался «полдесятник» с мечом наготове. Кошачьи усы вздыбились, в выпученных глазах пиратскими парусами плескался гнев.

Мальчишка гибко уклонился от удара и скрылся за бочкой. «Полдесятник» вновь взметнул меч...

Тут бочка накренилась, на миг с сомнением застыла на ребре и, глухо ухнув, покати-лась на шарханувшегося «полдесятника». Вояка не успел отскочить. Стянутая ржавыми обру-чами махина сбила наемника с ног и перекатилась через него, а подскочивший сбоку Нургидан взмахнул испытанной в бою доской и с одного удара заставил командира стражников забыть об этом жестоком, суетном мире.

Юный победитель распрямил спину и ухмыльнулся. У его ног лежали без сознания трое противников. Нургидан, подпрыгнув, сорвал со стены сеть, набросил на стражников, подsunул края сети под неподвижные тела и связал концы двумя узлами. Бросив довольный взгляд на дело своих рук, мальчик весело произнес старинную присказку рыбаков:

– Птица – в небо, ветер – в поле, зерно – в клеть, а рыба – в мою сеть!

Глянул на пояс «полдесятника» – нет ли ключей? Разочарованно хмыкнул, подобрал отлетевший в сторону меч стражника, прикинул, нельзя ли им сломать замок («Ой, вряд ли!»), и пустился на поиски топора.

И вновь ему помешали. Проходя мимо домика наемников, он услышал грохот. Мальчишка поднялся на крыльцо, неодобрительно глянул на сотрясающуюся под напором изнутри щеколду, но ничего не успел предпринять. Мощный удар – и засов слетел, дверь рванулась в лицо мальчику.

Нургидан перехватил ее левой рукой и изо всей силы толкнул вперед, навстречу ломящимся на свободу наемникам. Раздалось звучное «блямс». Самый шустрый из стражников, получив дверь в лоб, полетел вниз головой с крыльца и стал пригоден для боя примерно в той же степени, что и его закутанные в сеть собраты по оружию.

Второй стражник на мгновение опешил, увидев перед собой мальчишку с не по росту большим мечом, но сразу пришел в себя. Клинки со звоном встретились.

Кровь тонко и остро билась в жилках на висках Нургидана. Юный Сын Рода был счастлив.

Стражник допустил ошибку, оставаясь на пороге и мешая своему товарищу вступить в драку. Просто не считал парнишку опасным противником. Как же он удивился, когда его небреж-ный выпад «серебряное копьё» был уверенно отведен защитным приемом «лесная мгла»!

Затем клинок подростка сверкнул навстречу стражнику – и тот согнулся, выронив меч. Сквозь пальцы, зажавшие рану в боку, закапали крупные багровые капли. Стражник отступил на несколько шагов, открывая для Нургидана последнего противника – бледного юнца с трясущимися руками. В выпученных от страха глазах наемника отражался не тринадцатилетний мальчуган, а грозный воин из легенд. Нургидану не пришлось даже взмахнуть мечом, он лишь оскалится и взрычал. Стражник попятился, захлопнул дверь и накинуд изнутри крюк.

В запале Нургидан сунулся ломать дверь, но тут заметил то, что искал: за углом, возле дровяной поленицы, стояла шербатая колода с всаженым в нее топором.

Только сейчас Нургидан вспомнил о попавших в беду друзьях.

Он тут развлекается, а учитель, может, уже погиб! И этот недотепа Дайру!

Теперь – и только теперь! – на мальчишку накотил страх. Не помня себя, прыгнул он с крыльца, метнулся к колоде, выхватил увесистый колун и бегом помчался к сараю.

Два удара обрушились на замок – и тот с возмущенным лязгом отлетел в сторону.

За распахнутой дверью открылась жуткая и мерзкая картина. Учитель и Дайру отступили на верхнюю ступеньку, а нижние заполонила копошащаяся, булькающая и хлюпающая масса. Бесформенные черные комья упорно лезли вверх, угрожающе приоткрыв серые полосы створок.

Шенги и Дайру вывалились из сарая, захлопнули дверь и, прислонившись к стене, отдышались. Охотник стряхнул хищного моллюска с отворота сапога и раздавил каблуком.

Нургидан скороговоркой доложил о своих приключениях.

Дайру, уже пришедший в себя, сделал большие глаза и выразительно пропел:

Слава храброму герою,
Что, готов к любому бою,
Обещает всем врагам —
По зубам и по рогам!

Он уже усвоил, что напарника не благодарят за спасение жизни.

Нургидан не обиделся. В сверкании долгожданного подвига померкли глупые былые недоразумения. Победитель мог позволить себе великодушие и незлобивость.

– Ну-ну, – снисходительно отозвался он. – Один под крыльцом. Двое взаперти. Трое в сеть увязаны. Если думаешь, что среди них есть коза, сходи и проверь!

Шенги широко улыбнулся, притянул мальчишек к себе, взъерошил им волосы.

– А теперь... – Он хотел по привычке сказать «птенцы», но запнулся. – А теперь поговорим со здешним хозяином.

Долго искать не пришлось. Хашузар встретил их на том же месте, что и в прошлый раз, – на пороге башни. Только сейчас в его руках был чудовищных размеров арбалет.

Из окон тарачились перепуганные старческие физиономии. Было ясно, что слуги не сунутся в заварушку даже по господскому приказу.

Охотник и его ученики не спеша подошли почти вплотную к Сыну Рода. Лицо Хашузара было в красных пятнах, губы дрожали.

– Почтеннейший, – весело изумился Шенги, – ты надеешься убить троих одной стрелой?

Хашузар взглянул на ухмыляющегося Охотника, на бледного решительного Дайру с двумя мечами, на Нургидана, который стоял с топором, словно наррабанский палач.

Арбалет медленно опустил. Лицо хозяина одрябло, утратило надменность.

– Гильдия не будет говорить с тобой, почтеннейший властитель, – заверил его Совиная Лапа. – Гильдия будет говорить с королем, а вот король – с тобой. Но это потом, а сейчас нам нужна лодка. И очень, очень быстро!

– Ну что ж ты, глупая! Ведь не знаешь, какая в озере дрянь водится! Вот съели бы тебя! – сокрушался Вертел.

– Да отшлепать ее как следует! – прогудел кузнец. Он был настроен мрачнее, чем его молодой приятель, хотя синяк под глазом достался не ему.

Нитха исподлобья поглядывала на разбойников и прикидывала: продолжать разыгрывать наивного ребенка или этот номер уже не пройдет?

За воспитанием пленницы похитители не заметили, как в берег ткнулась лодка.

Подошедшему к костру Червяку начали наперебой рассказывать про коварство юной наррабанки, но тот лишь отмахнулся.

– Плохи дела, парни! Права девчонка: нас хотят размазать. Не привез господин Тертого, а вот наемников с ним было морд десять.

– И что теперь? – недоуменно прогудел кузнец.

– Наломай сучьев. Эти, в озере, не любят огня. Потом сядем и подумаем.

– Отпустили б вы меня, – жалобно, тоненько подала голос Нитха. – У нас в Наррабане говорят: «На ребенка даже пес не лает». Я никому-никому не расскажу...

– А может, правда... – начал Вертел.

– Захлопнись! – оборвал его Червяк. – Еще к господину наведуясь, когда не так опасно будет. – Разбойник замолчал, по-собачьи прислушался. – Вроде ветка хрустнула?

– Это ж я! – пояснил кузнец, который обламывал сухие сучья клена, предоставив другим решать серьезные вопросы.

– Вроде с другой стороны...

– А, – бросила Нитха, ни к кому особо не обращаясь. – Это мои демоны. Давно знака не подавали...

– Чего-о? – выдал кузнец свое излюбленное выражение.

– А ты разве не слыхал, что все наррабанки – колдуньи? – округлила глаза девочка.

Вертел хохотнул:

– Я слыхал, они по другой части колдуньи. Ты для этого еще мала.

– А господин считает, что в самый раз! – поддержал шутку Червяк.

– Смейтесь, смейтесь, – зловеще произнесла девчонка. – Те двое тоже смеялись, которые хотели продать меня пиратам... по пути из Наррабана.

Кузнец заинтересовался, положил наземь охапку сучьев и приготовился слушать: заниматься двумя делами одновременно он не умел.

– Тогда тоже была ночь, костер и берег, – устремив взор вдаль, с придыханием повествовала девочка, – только это был берег моря. Те двое смеялись, не зная, что утро застанет их мертвыми, с посиневшими лицами, с выкатившимися глазами...

– Э-эй, ты это... ты чего? – струсил суеверный кузнец.

– Захлопнись, паршивка! – встревожился Червяк.

– Ты ей рот не затыкай! – вступился Вертел. – Рассказывай, малышка. Что ты с ними сделала?

– Моя мать, – нараспев продолжила Нитха, – была колдуньей из племени джахак. Когда я родилась, из пустыни дул горячий ветер и в столбах пыли плясали демоны. Моя мать вышла из шатра и заклала их страшным заклятием. Демоны приняли людское обличье и простерлись ниц перед матерью. И мать повелела им всюду следовать за мной и убить любого, кто замыслит на меня зло...

– Ну, то небось в Наррабане было, – поспешил успокоить себя Вертел, на которого сказка произвела впечатление.

– Для демонов нет слова «далеко»! – страстно воскликнула Нитха. – Вечность для них – мгновение, гора – пылинка, годы пути – один шаг! Стоит мне воззвать к ним... стоит произвести три имени – Хагхад, Драггадж и Хартум...

Девочка не договорила: из затянутого вечерним сумраком ивняка раздался разноголосый мрачный вой, будто волчья стая затосковала под луной.

Разбойники в смятении шарахнулись к костру. Больше всех перепугалась Нитха – взвизгнула, закрыла лицо руками.

Лозняк зашумел, словно сквозь него ломился крупный зверь. Разбойники сгрудились овечьим стадом. Нитха вцепилась в локоть кузнеца, ища защиты.

Но вместо грозного чудища к костру вышел невысокий плечистый человек.

– Привет! – бодро заявил он. – Я – демон Хартум, будем знакомы. Остальные, которых мне не выговорить, тоже здесь. Давайте сюда, ребята! Сейчас мы этих нехороших людей раскатаем в очень, очень тонкую лепешку!

Нитха радостно вскрикнула, бросилась к учителю, но жесткая злая рука вцепилась ей в плечо.

– Выследил, да? – взвизгнул Червяк. Возле смуглой шейки девочки тускло засветилось лезвие ножа. – А вот шагни вперед – враз ей кровь пущу!

Мальчишки, вышедшие к костру, в смятении переглянулись.

– Отпусти ребенка, – ровно сказал Шенги. – Уйдете все трое, мы вас не тронем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.